

**ACADEMIA DE ȘTIINȚE A MOLDOVEI
INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL**

**АКАДЕМИЯ НАУК МОЛДОВЫ
ИНСТИТУТ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ**

**ACADEMY OF SCIENCE OF MOLDOVA
THE INSTITUTE OF CULTURAL LEGACY**

**REVISTA DE ETNOLOGIE ȘI CULTUROLOGIE
Volumul XV
ЖУРНАЛ ЭТНОЛОГИИ И КУЛЬТУРОЛОГИИ
Том XV
THE JOURNAL OF ETHNOLOGY AND CULTUROLOGY
Volume XV**

CHIȘINĂU, 2014

Colegiul de redacție:

dr. N. Cara
A. Covalov
dr. V. Damian, secretar resp.
dr. hab. V. Dergaciov
dr. Ia. Derlicki (Polonia)
dr. I. Duminica
dr. N. Dușacova
dr. I. Ghinoiu (România)
N. Grădinaru
dr. hab. M. Guboglo (Rusia)
dr. D. Nicoglo
dr. S. Procop, red. principal
acad. A. Skripnik (Ucraina)
dr. hab. V. Stepanov
dr. A. Șabașov (Ucraina)
dr. hab. Z. Șofransky
A. Știrbu
dr. T. Zaicovschi

Редакционная коллегия:

докт. И. Гиною (Румыния)
Н. Грэдинару
докт. хаб. М. Губогло (Россия)
докт. В. Дамьян, отв. секретарь
докт. хаб. В. Дергачев
докт. Я. Дерлицки (Польша)
докт. И. Думиника
докт. Н. Душакова
докт. Т. Зайковская
докт. Н. Кара
А. Ковалов
докт. Д. Никогло
докт. С. Прокоп, гл. редактор
акад. А. Скрипник (Украина)
докт. хаб. В. Степанов
докт. А. Шабашов (Украина)
докт. хаб. З. Шофрански
А. Штирбу

Redactori științifici: **dr. V. Damian, dr. J. Cușnir, dr. I. Șihova**

Recenzenți: **dr. N. Neagova, dr. hab. N. Kalașnikova** (Rusia)

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al «Revistei de Etnologie și Culturologie», Centrul de Etnologie, Institutul Patrimoniului Cultural al A.Ș.M., bd. Ștefan cel Mare și Sfânt, 1, MD-2001 Chișinău, Republica Moldova.

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посылать по адресу: Редакция журнала «Этнология и культурология», Центр этнологии, Институт культурного наследия АНМ, б-р Штефан чел Маре ши Сфынт, 1, МД-2001 Кишинэу, Республика Молдова.

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the journal of «Ethnology and Culturology» the Institute of Cultural Legacy of the Academy of Sciences of Moldova, Stefan cel Mare și Sfânt, 1, MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova.

Redactori: **dr. T. Zaicovschi, N. Grădinaru, dr. N. Dușacova**

Procesare computerizate și tehnoredactare: **dr. L. Condraticova, N. Grădinaru**

Coperta: Principalul rabin al Moldovei și Chișinăului Reb Zalman Leib Abelskii (1927–2014) în timpul sărbătorii Sukkot. Foto: Eduard Maidenberg

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu

Все опубликованные материалы рецензируются специалистами

All the papers to be published are reviewed by experts

Descrierea CIP a Camerei Naționale a Cărți

Revista de Etnologie și Culturologie / Academia de Științe a Moldovei, Institutul Patrimoniului Cultural, Centrul de Etnologie; col. red.: Svetlana Procop, – Chișinău (Tipogr.: Garomont), 2014, 142 p., 200 ex.
ISSN 1857–2049

© Centrul de Etnologie, Institutul Patrimoniului Cultural, 2014

© Academia de Științe a Moldovei, 2014

CUPRINS

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Яков Михайлович Копанский (1930–2006) 5

20 DE ANI DE CERCETĂRI ASUPRA EVREILOR ÎN REPUBLICA MOLDOVA

ETNOLOGIE

Вячеслав СТЕПАНОВ

*Миниатюры традиционной жизни евреев в
«Очерках Днестра»
А. С. Афанасьева-Чужбинского* 7

Жозефина КУШНИР

*Проблема акеды в новелле И. Шрайбмана
«Приношение в жертву Ицхака»:
аспекты гуманизации мифа* 18

Лиляна КОНДРАТИКОВА

*Творчество ювелиров еврейского
происхождения в Бессарабии и МССР
(1812–1918 гг., 1944–1972 гг.)* 22

Дмитрий ГАГАУЗ, Виталий СЫРФ

*«Еврейская тема» в фольклорном наследии
гагаузов Бессарабии
(конец XIX – начало XX вв.)* 30

CULTUROLOGIE

Anastasia MOSCALIUC

*Jewish contribution to architecture
in Chisinau* 34

Tamara NESTEROV

*Arhitectul David Palatnic – „personalitate larg
cunoscută într-un mediu restrâns”
(1913–1986)* 39

Elena MUSTEAȚĂ

*Contribuții la studiul creației grafice a lui
Șneer Cogan* 46

CERCETĂRI ETNOISTORICE ȘI ETNOSOCIALE

Andrei EMILCIUC

*Considerații privind rolul elementului
evreiesc în comerțul extern al Basarabiei
(1812–1853)* 49

Angela LISNIC

*Realizarea drepturilor intelectualității evreiești
din RSSM în raport cu politica de emigrare din
URSS din anii 50–70
(în baza materialelor de arhivă)* 55

Dmitry SHEVELIOV

*The jewish revival in Moldova
(A Survey of the Jewish Life in Moldova in the
1990s–2000s)* 58

Надежда КАРА

*Николай Кауфман – собиратель и
исследователь народных песен болгар
Молдовы и Украины* 67

PERSONALITĂȚI

Ирина ШИХОВА

*Иудаистика в научном наследии
Р. Клейман* 72

Vasile CHISELIȚĂ

*Muzicianul și lăutarul Milu Lemisch:
aspecte ale biografiei de creație* 74

COMUNICĂRI

Мария ЧЕГОДАЕВА

*М. Гершензон.
Судьбы еврейского народа* 81

Sergiu BACALOV

*Comunitatea evreiască în satele basarabene
ale regiunii Nistrului de Jos
în anii 20 ai secolului al XIX-lea* 84

Igor ALENIN
*Prince Serghey Urusov:
an exemplary governor, and a
Soviet worker* 89

Евгений БРИК
*Бригитта Коварская:
биографический очерк* 93

RECENZII

Елена и Король
*Рецензия на книгу А. Вассермана «Мой
любимый король Карол II» (Кишинэу, 2011)*
[Константин ШИШКАН] 96

Светлана Прокоп «Особенности русской
составляющей литературного процесса
Молдовы второй половины XX в.»
(Кишинев, 2014, 208 с.)
[Iulia BEJAN-VOLC] 98

JUBILEE

Natalia GRĂDINARU
Antip Țarălungă la 65 ani 100

Наталья АБАКУМОВА-ЗАБУНОВА
К юбилею Ольги Гарусовой 102

IN MEMORIAM

Жозефина КУШНИР
*Зиновий Лазаревич Столяр
(1924–2014)* 104

Colegiul de redacție
Ivan Anțipov (1920–2004) 105

CRONICA VIETII ȘTIINȚIFICE A GRUPULUI „ETNOLOGIA EVREILOR” (1991–2014)

Виктор ДАМБЯН
*20 лет группе «Этнология евреев»
Центра этнологии Института
культурного наследия АНМ* 106

Cărțile editate de cercetătorii Grupului
„Etnologia Evreilor” al Centrului de Etnologie
al Institutului Patrimoniului Cultural al AȘM
(1991–2014) 113

Raport privind conferințele organizate
de Grupul „Etnologia Evreilor”
și expedițiile de teren 124

Date despre autori 138
Сведения об авторах 139
Date despre colegiul de redacție 140
Сведения о редколлегии 141

ЯКОВ МИХАЙЛОВИЧ КОПАНСКИЙ
1930–2006

ЯКОВ МИХАЙЛОВИЧ КОПАНСКИЙ

Яков Михайлович Копанский родился 22 марта 1930 г. в г. Кэушень. Среднюю школу окончил в 1949 г. в г. Бендеры. Выпускник исторического факультета Кишиневского государственного университета.

С 1956 г. работал в Академии наук Молдовы в качестве младшего научного сотрудника Института истории (1956–1961), ученого секретаря Отделения общественных наук (1961–1984), старшего научного сотрудника (1964–1986). С 1986 г. – ведущий научный сотрудник, с 1987 – заведующий отделом Института истории. С 1992 г. – ведущий научный сотрудник, с 1994 – главный научный сотрудник и заведующий Отделом истории и культуры евреев Молдовы Института межэтнических исследований АНМ, с 2002 г. – главный научный сотрудник того же отдела.

Докторскую диссертацию защитил в 1962 г. С 1977 г. – доктор хабилитат истории, с 1985 г. – профессор университета.

Я. Копанский – автор 275 научных работ, в том числе 12 монографий (четыре из них написаны в соавторстве). Является членом и руководителем редколлегии авторских коллективов обобщающих трудов, сборников документов и материалов. Исследования Я. Копанского посвящены обширному кругу проблем общественно-политической жизни и общественно-политических движений в Бессарабии и Румынии, а также международных отношений в межвоенный период. Их результаты опубликованы в Молдове, России, Румынии, США, Израиле.

Более 15 лет главной сферой научных интересов Я. Копанского являлась история евреев Молдовы в контексте межэтнических отношений в стране. Им исследованы важные аспекты проблемы: от международного движения против антисемитской политики царизма на заре XX в. до современного процесса возрождения еврейской национальной культуры. В эти годы Я. Копанский поддерживает творческие контакты с большим кругом исследователей в стране и за рубежом, является участником и организатором многих региональных и международных научных форумов. Занимается и преподавательской деятельностью в вузах. Ведет большую просветительскую работу. Является научным руководителем четырех успешно защитившихся докторантов.

В качестве члена Академического совета Центра научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер» (Москва), члена правления и члена Совета старейшин Ассоциации еврейских организаций и общин Республики Молдова, Председателя Общественного совета Благотворительного центра «Хэсэд Иегуда», профессор Я. Копанский известен в Молдове и за рубежом и как активный общественный деятель.

Научная и общественная деятельность Я. Копанского отмечена двумя медалями, Орденом «Gloria muncii» и Грамотой Президиума Верховного Совета МССР, а также почетными дипломами и премией Президиума Академии наук Молдовы.

Труды последних лет Я. Копанского: «„Джойнт” в Бессарабии. Страницы истории» (1994), «Облик бессарабского еврейства» – раздел книги «История евреев в Румынии между двумя мировыми войнами» (1996) (на иврите), «Еврейские благотворительные организации и учреждения Бессарабии 1918–1940 годов» – в сборнике «Еврейская благотворительность на территории бывшего СССР» (1998), «Евреи Молдовы» (в соавторстве) – раздел коллективной работы «Еврейские корни в Украине и Молдове» (1999) (на английском языке), «Кишиневский погром 1903 года. Сборник документов и материалов» (2000) (главный редактор и составитель), «Благотворительные организации евреев Бессарабии в межвоенный период. 1918–1940» (2002), «Джойнт в Молдове» (альбом (на румынском, русском и английском языках) (в соавторстве) (2002), «Кишиневский погром 1903 года: взгляд через столетие» – Материалы международной научной конференции 7–8 апреля 2003 г. (составитель, автор Предисловия и доклада, 2004).

После ухода из жизни Якова Михайловича Копанского в 2006 г. его родными были опубликованы две работы – «Еврейское национальное движение в Бессарабии в межвоенный период (1918–1940 гг.)» (2008) и «Исторические портреты» (исторические портреты видных деятелей еврейского движения в Бессарабии и Молдавии XX века)» (2010).

Редколлегия

20 DE ANI DE CERCETĂRI ASUPRA EVREILOR ÎN REPUBLICA MOLDOVA

ETNOLOGIE

Вячеслав СТЕПАНОВ

МИНИАТЮРЫ ТРАДИЦИОННОЙ ЖИЗНИ ЕВРЕЕВ В «ОЧЕРКАХ ДНЕСТРА» А. С. АФАНАСЬЕВА-ЧУЖБИНСКОГО ¹

«Литературная экспедиция» А. С. Афанасьева-Чужбинского в Южную Россию

К 50-м гг. XIX столетия этнография в Российской империи обретает черты самостоятельной научной дисциплины. В то время этнографическая наука зачастую затрагивала в одном описании множество тем и направлений, которые в настоящее время изучаются в отдельных этнопсихологических, этносоциологических, этнолингвистических и узкоэтнографических работах. В то время только отрабатывались и оттачивались этнографические методы исследований. В частности, одним из признаков, характеризующих становление науки, стали первые этнографические экспедиционные исследования. В качестве примера можно привести так называемую «Литературную экспедицию» (Токарев, 1966, 232-233).

В 1856 г. Правительством Российской империи был основан специальный комитет для изучения морей и речных артерий государства, проведения топографических исследований и описания положения и быта исследуемых побережий. В состав данного комитета вошли писатели А. Ф. Писемский, А. Н. Островский, М. Л. Михайлов и многие другие, среди которых был и Александр Степанович Афанасьев, известный под псевдонимом Чужбинский.

Родился А. С. Афанасьев-Чужбинский в 1817 г. в Лубянском уезде Полтавской губернии. Учился в Нежинском лицее. После продолжительной военной службы ушел в отставку и занялся редакционной, писательской и краеведческой деятельностью (Абрамов, 1926, 263-264). Был активным членом РГО и Комиссии для описания губерний Киевского учебного округа (Горленко, 1988, 153, 155). По заданию вышеуказанного комитета он исследовал бассейны рек Днепра и Днестра. В результате появилось двухтомное произведение А. С. Афанасьева-Чужбинского «Поездка в Южную Россию»: «Очерки Дне-

пра», т. 1; «Очерки Днестра», т. 2. (СПб., 1861), которое, наряду с трудами других литераторов, задействованных в данном проекте, С. В. Максимова, Г. П. Данилевского, А. Н. Островского, произвело сильное впечатление на русское образованное общество как вкладом в науку, так и (а может, даже сильнее) самим замыслом – привлечь литературные силы к той работе, которую обычно выполняли чиновники и военные. Это был один из признаков новой эпохи либерализации (Токарев, 1966, 233).

После окончания экспедиционной работы Афанасьев-Чужбинский вернулся в Петербург, где занимался в основном литературой и журналистской деятельностью. В последние годы своей жизни он работал смотрителем Петропавловского музея. Умер в Петербурге 6 сентября 1875 г.

Книга Афанасьева-Чужбинского «Очерки Днестра» представляет собой путевые записки, подготовленные отточенным писательским пером. В ней прослеживается определенная схема – автор интересуется жизнью и бытом Поднепровья. Потому картина поднепровской жизни выглядит у А. Афанасьева-Чужбинского многоликой, исследователь освещает разные стороны жизни и быта полиэтничного населения региона. При критическом подходе профессионального этнографа можно справедливо обратить внимание на некоторую поверхностность и бессистемность в освещении увиденного автором. Но, с другой стороны, мы встречаемся с эмоционально насыщенным текстом, наполненным живыми впечатлениями исследователя.

В одной из работ мы уже обращали внимание читателя на важность изучения литературного наследия, подчеркнув, что именно очерковый жанр наиболее ярко высвечивает этнографические элементы (Степанов, 2010, 113). Безусловно, писатель более субъективен, нежели исследователь-этнограф, но вот что отмечает автор

«Поездки в Южную Россию»: «...Для чиновника не существует этнографии, и от этого сословия менее, нежели от другого, можно ожидать точных сведений о крае, даже числовых данных. Чиновник считает обязанностью держать себя на неприступной высоте, и весьма многие из них в разговоре с простолюдином употребляют одни лишь ругательства» (Собрание сочинений А. С. Афанасьева (Чужбинского), 1893, 74).

Сам автор, рассказывая о своем труде, подчеркивал: «...Преимущественно жил я по правому бессарабскому берегу, а левый, или подольский, и херсонский посещал по временам, рассчитывая пожить подольше и там в свою очередь, но вскоре был отозван для исполнения другой обязанности» (Афанасьев-Чужбинский, 1893, 118).

Говоря о произведении Афанасьева-Чужбинского, необходимо указать, что он не задавался целью выделить какой-либо этнос в своем описании: оно насыщено информацией о руснаках, русских-старообрядцах, представителей других этнических сообществ, проживавших в Поднестровье. Не обошел своим вниманием он и евреев.

Еврейское население, представленное в «Очерках Днестра» Афанасьева-Чужбинского, гармонично вписывается в целостную картину поднестровской повседневности.

Напомним, что евреи в Поднестровье стали массово расселяться еще в раннем средневековье (Боршевский, 2011, 33 со ссылкой на: Берг, 1993, 119; Зеленчук, 1979, 64; Табак, 1997, 157)². В XVI в. их число особенно увеличилось из Польши и Германии (Зеленчук, 1979, 63). В XIX в., когда земли Бессарабии и Поднестровья находились уже в составе Российской империи, названная территория вошла в полосу так называемой «черты оседлости» (полное название – черта постоянной еврейской оседлости) (Боршевский, 2011а, 115; Боршевский, 2011б, 45-55). Этот факт послужил дополнительным аргументом для концентрации еврейского населения в регионе.

Отражение традиционных занятий евреев Поднестровья в «Очерках Днестра»

Литературный талант писателя и острый глаз путешественника-этнографа позволили Афанасьеву-Чужбинскому сделать многочисленные меткие зарисовки повседневной народной жизни.

Он обратил внимание на то, что в России «торговля и промышленность вошли в плоть и кровь этого племени..., где ему не представляется другой деятельности...» (Афанасьев-Чужбинский, 1893, 253).

Вот, например, как выглядит в его описании еврейская лавка: «В лавках, по большей части, сидят женщины и девушки и усердно запрашивают. По предметам, выставленным и вывешенным для показа, трудно предполагать в лавке что-нибудь особенное, но стоит вам спросить, например, тонкого полотна, изящных кружев, самой щегольской шелковой материи, английского фаянса – вас подхватят, поведут, и перед вами целые груды дорогих товаров. Разумеется, с вас запросят чудовищную цену, но, если вы знакомы с местностью, и вам нужно купить, хладнокровно поторговавшись, вы можете приобрести желаемое за весьма сходную цену» (Там же, 98).

Говоря о торгующих в лавках женщинах-еврейках, он подчеркнул их особое умение показывать товар лицом: «Сидите вы, положим, в лавочке, где среди разного хлама нашлось несколько штук дорогого полотна, торгуя которое, вы изъявили желание приобрести хорошие чашки; через две-три минуты является откуда-то еврейка и расставляет перед вами посуду. Заикнулись вы о галстуках – какая-нибудь хорошенькая продавщица явилась уже с целыми коробами французских и английских произведений. И все они показывают, примеряют вам товар. Божатся, уверяют в своем бескорыстии, лепечут между собою, и в то же время хозяйка лавки зазывает нового прохожего или приезжее семейство» (Там же, 98). Не обошел автор своим вниманием и торговцев-мужчин: «Мужчин-евреев тоже довольно сидит в лавках, но они как-то больше группируются где-нибудь на улице и ведут оживленные разговоры, которые, когда я познакомился с бытом города, не казались мне уже странными. Мало ли о чем им толковать между собою: в лавках могут посидеть жены и дети, а у них важнее интересы и более важная торговля, потому что в Хотин по минутно приезжают евреи из окрестности» (Там же, 99). Одновременно важно подчеркнуть, что, бывая в других местечках Поднестровья, Афанасьев-Чужбинский имел возможность видеть активную торговлю, осуществляемую мужчиной-евреем, который выступал в качестве зазывалы и продавца, в то время как его юная дочь дежурила в лавке (Там же, 185-187).

Еще одним занятием, распространенным среди еврейства Поднестровья, была аренда переправ и перевозка грузов, пассажиров с одного берега на другой. Характеризуя этот род деятельности евреев, автор отмечает царящие в крае вседозволенность и злоупотребления: «Больно видеть их проделки с простонародьем, и становится непостижимым – как на большой

почтовой дороге произвол откупщика может доходить до подобных размеров. Еврей, снявший переправу, рассчитывающий на большие барыши и неизвестно на что уповающий, употребляет все способы не только выдрать последний грош у крестьянина, но заставляет последнего терять иногда несколько часов времени, – и все это совершенно безнаказанно. Попробуйте пожаловаться на такого господина! Во-первых, кому вы пожалуетесь на берегу? А, во-вторых, решитесь ли вы остаться лишние сутки в городе для принесения своей жалобы? Но крестьянину это и физически невозможно по многим обстоятельствам» (Там же, 113). При этом А. Афанасьев-Чужбинский метко замечает, что в данной проблеме «главную роль играет не еврейская раса (термин, часто, как в данном случае, ошибочно используемый в литературе XIX в., – В. С.), а просто неизлечимые откупщицьи наклонности, которые готовы обуть каждого, кто прикоснулся бы к откупу и поотведал его сладости в каких бы то ни было формах. Мне кажется посадить на переправе не только бессарабского еврея, но и какого-нибудь мужа с бритой физиономией, постыгающегося даже по средам и пятницам, – и тот не преминет извлечь, что можно, и притеснить безголосую и беззащитную личность» (Там же, 113).

Говоря о речных промыслах, Афанасьев-Чужбинский обратил внимание на еще одно занятие, которое контролировали евреи, – сплав леса по Днестру (Там же, 218).

Подчеркивая исполнительность евреев, автор остановился на описании еще одного вида традиционных еврейских занятий: «Во всяком случае большинство читателей не знает, что такое фактор, особенно в западных губерниях, в торговом городе. Это существо (необходимо напомнить, что многие выражения, использовавшиеся в XIX столетии, сейчас имеют несколько иное значение – В. С.), всегда готовое к вашим услугам, нечто вроде хозяйского приказчика, хотя и не связанного с первым отношениями, обыкновенно существующими между этими обоими классами. Когда бы вы ни спросили – он готов, редко бывает, что дожидаетесь несколько минут, а по большей части во всякое время дня и ночи он является с улыбкой и ожидает приказания. Какое ни изобрели бы вы поручение, фактор выполнит его, знает подноготную в городе, даже в окрестности, расскажет чью угодно биографию, передаст новейшие сплетни, все отыщет, обделает... Иной мишури содержит большое семейство, и все это на счет приезжающих. Но, спросите вы, разве он получает порядочное вознаграждение

за свои хлопоты? Весьма небольшое: злот или двухгривенный – все, чего может ожидать фактор...» (Там же, 208-211).

Помимо вышеназванных занятий, евреи были традиционно известны, в том числе и в Поднестровье, в качестве искусных мастеровых. Ниже, знакомясь с текстом, читатель будет иметь возможность прочесть зарисовки автора и комментарии к ним, о евреях-мастеровых, которых он не просто представил в рамках скупого описания, а через диалоги и отражение деталей быта. Исследователь сумел передать колорит и своеобразии образа еврея-ремесленника.

Уже в «русское» время, в частности, на границе с Австрией, одной из статей доходов была контрабанда. «Собственно в больших размерах контрабанда идет в Бессарабию по сухой границе и через Прут или по границе Подольской губернии, следуя по двум направлениям: через Хотин, где большие ее склады, и через местечко Бричаны, откуда уже развозится внутри империи. Занимаются этим делом преимущественно евреи...», – пишет Афанасьев-Чужбинский (Там же, 11).

В Хотине, по замечанию писателя, контрабандой занимались евреи и русские раскольники (Там же, 81). Одной из распространенных статей этого подпольного бизнеса был кантонский чай. Этнограф сам побывал в образе контрабандиста, упросив своего знакомого еврея Янкеля показать ему, как осуществляется этот тайный бизнес (Там же, 92-95).

Путешествуя по днестровским населенным пунктам, писатель даже выявил определенную специфику в контрабандном нелегальном бизнесе. Например, описывая ситуацию в Могилеве, автор утверждает, что она лишена той таинственности, «какая соблюдается в Хотине и Каменце». «Фуры проходят прямо, сваливают товар, если он сюда адресован, или едут дальше по назначению отправителя. Не употребляется никаких предосторожностей...» (Там же, 254). Причину подобных различий в поведении дает в определенном смысле сам автор, подчеркивая мысль о том, что Могилев относился уже к «внутренним городам империи» (Там же, 254).

Афанасьев-Чужбинский побывал и в одной из еврейских колоний – в местечке Калюс. Говоря о занятиях колонистов, автор констатировал, что «земледелие у них в плохом состоянии, а развиты промышленность, мелочная торговля и разные спекуляции, чему служат подспорьем близлежащие местечки, наполненные евреями. Мужчин почти никогда нет в колонии, за исключением дней, когда ожидают ревизора и когда съезжа-

ются, чтобы показать свою земледельческую деятельность. Заблаговременно у окрестных царан добывают они себе и скот, и орудия напрокат, чтобы блеснуть перед начальством. Поля их, конечно, обработаны, но чужими руками и в чужую пользу, потому что еврею необходимо представлять свой участок возделанным. Тогда, говорят, – я, к сожалению, не видел этих смотров – колония представляет довольно оживленный вид и колонисты выходят в поле, где и занимают на некоторое время роль земледельцев. С отъездом ревизора, не успев еще след простыть, запрягаются еврейские тележки и колонисты исчезают на продолжительное время, кто – куда попало» (Там же, 193).

Автор приводит слова одного разоткровенничавшегося колониста, который поначалу принял писателя за ревизора:

«– Правду сказать, еврей не может быть хорошим хлебопашцем... Мы больше народ мастеровой, торговый. Может быть, вам что-нибудь требуется из товаров?» (Там же, 194). Далее осматривая колонию, писатель еще раз подчеркнул: «Действительно, поля обрабатывались, но, как я уже сказал выше, труд этот принадлежал царанам, и только один старичок показывал мне с гордостью на продукты, добытые собственными руками. Но и у этого старика был не большой склад товаров, с которыми он выезжал на ярмарки и базары» (Там же, 196).

Данные наблюдения вступают в некоторое противоречие с исследованием современного автора Е. Брика, который, изучая еврейские колонии, констатировал их серьезную и разностороннюю развитость, в том числе и в сельскохозяйственном плане (Брик, 2010, 98-100). Этот результат, в то же время, не исключал привлечения дополнительной рабочей силы.

Разносторонность занятий евреев подтверждает достаточно аргументированная работа М. Е. Земцова «Еврейские крестьяне», которая вышла на рубеже XIX – начала XX вв. В ней, в частности, подчеркивается мысль о том, что в обществе «благодаря многим условиям, а главным образом, благодаря существованию черты еврейской оседлости, для всех, живущих вне этой черты, создается иллюзия, что все евреи исключительно торговцы» (Земцов, 1908, 3). При этом автор утверждает, что «еврейская масса поставляет рабочую силу чуть ли не для всех существующих профессий. Не говоря уже о массе ремесленников всех видов, евреи идут в фабричные рабочие, извозчики, носильщики, дровосеки, пильщики и даже на отхожие сельскохозяйственные промыс-

лы. Занимаются также евреи вполне самостоятельно и земледелием. Существование в России евреев-земледельцев, или другими словами доподлинных евреев-крестьян, многим покажется чистым откровением: так мало осведомлены у нас в вопросах, по которым между тем имеются твердо установившиеся и широко распространенные взгляды» (Земцов, 1908, 3).

Описывая еврейскую колонию, Афанасьев-Чужбинский указывает на то, что она располагалась над самым Днестром, состояла из белых домиков с кирпичными трубами, и некоторые из этих строений находились за оградой. Автор обратил внимание на отсутствие взрослых на улице и наличие большого количества играющих детей возле домов. Он также подчеркнул «необыкновенную плодовитость евреев» (Собрание сочинений А. С. Афанасьева-Чужбинского, 1893, 195).

Описывая бессарабских евреев Сорок, исследователь одновременно отметил, что «есть, впрочем, евреи, которые покупают все, что подвертывается под руку, особенно не усвоившие еще специальной торговли, но почувствовавшие силы и возможность нажить копейку» (Там же, 283). Автор приводит подробные описания поведения евреев на базаре, демонстрируя опыт включенного наблюдения и навыки опытного путешественника-этнографа (Там же, 283-286).

Образ еврея в этнографических зарисовках А. С. Афанасьева-Чужбинского

Читатель начинает знакомиться с евреями буквально с первой главы книги. Прежде всего, Афанасьев-Чужбинский останавливается на изображении их традиционных занятий. Такие зарисовки встречаются как в описаниях бессарабского прошлого, когда в Хотине стоял гарнизон турок, так и современного для него периода (середина XIX в.) – собственно, времени сбора материала для книги.

Отношение к евреям было весьма неоднозначным и в эпоху турецкого господства, и в «русское» время. Вот как описывает автор контроль над еврейской торговлей со стороны турок: «Чуть зашел кто-нибудь в еврейскую лавку, а уж турок и подстерегает у выхода покупателя. Узнав, что и сколько куплено, турок идет в турецкую лавку и перевешивает товар: если отпущено как следует, еврея не трогают, но если покупатель обвешен, еврея берут, налагают пеню или, смотря по обстоятельствам, бьют по пятам, но за второй поступок ведут на виселицу» (Там же, 4).

Традиционные занятия торговлей и ростовщичеством сформировали тенденциозно-одно-

сторонний образ бессарабского еврея, который можно встретить в дореволюционной литературе и под влияние которого попал Александр Степанович. «Это чистая язва для простодушного и кроткого населения. Сколько ни проехал я губерний для изучения крестьянского быта, сколько ни описывал местностей, я не высказывал этого мнения. Значит, я говорю так не из нетерпимости – качества, которым, слава Богу, не обладаю, – не из каких-либо личных побуждений, но не могу скрыть истины... Проживают евреи в деревнях под разными видами и предложениями. Иной имеет оседлость, другой держит на аренде имение, разумеется, частным образом и обдирает народ, третий берет на откуп *дижму*, т. е. десятину с продуктов, которую крестьяне обязаны доставлять владельцу, четвертый арендует мельницу, пятый закупает сады, и все они, кроме специального занятия, предаются более специальному ростовщичеству» (Там же, 14). Одновременно писатель констатировал: «...Справедливость, однако же, требует сказать, что одни только евреи сообщают краю торговое движение, а без них был бы решительный застой. Теперь крестьянин, по крайней мере, имеет верный сбыт, хотя и за весьма небольшую цену» (Там же, 23-24). Следует напомнить, что проживавшие в полосе оседлости евреи находились, в свою очередь, на особом счету у властей. Стремление выжить выработало в их среде умение приспособливаться (Там же, 69).

Общаясь с евреями, автор обратил внимание на их взгляд на простонародье, который, по его словам, «принадлежит и большинству наших спекулянтов всех наций, даже тем, которые во всеуслышание проповедуют филантропию» (Там же, 196). Один из собеседников писателя заявил ему следующее:

«– Мужик никому пользы не приносит, ни торговцу, ни ремесленнику: у него все свое, домашнее, он покупает только необходимое. Деньги в его руках все равно, что умерли. Заплатил мужик подати и прячет деньги в сундуках или зарывает в землю. У него не вытащить ни копейки. Не будь откупа, всем пришлось бы плохо.

– Т. е. откупщикам? – сказал я.

– Нет, позвольте! В каждом, даже небольшом, откупе есть свои служащие, притом сколько чиновников пользуется и даровой водкой, и постоянным жалованьем... А мужик – дурак: у него надо вытаскивать деньги для оборота» (Там же, 196).

Останавливаясь на характеристике деятельности, в частности, бессарабских евреев автор констатировал, что евреи в молдавских деревнях

выступали «как люди, эксплуатирующие народ всевозможными способами и находящиеся в потворстве, которым обеспечивают их многие власти, смотрящие на свою обязанность с практической точки зрения» (Там же, 268).

Приведенные примеры лишней раз подтверждают то, что, подчеркивая свою непревзятость, Афанасьев-Чужбинский остается человеком своего времени, весьма односторонне демонстрирующим взгляды и позиции изучаемого народа.

В другом описании автор обращает внимание на неутомимую предпринимательскую хватку, присущую евреям-коммерсантам. Представляя торговые приемы одного из продающих на базаре «сынов Израиля», Афанасьев-Чужбинский сумел передать колорит и коммерческий дух своего героя (Там же, 185-187).

Еще одной чертой, присущей евреям, о которой говорит писатель, было умение находить общий язык со всеми народами, проживающими по соседству. Описывая ярмарку в Сокирянах, Александр Степанович писал: «Говор смешанных наречий приятно действовал на мой слух, и нельзя было не удивляться способности евреев, разговаривавших на трех языках (в данном случае речь идет о молдавском, «руснацком» – украинском и русском – В. С.) так же свободно, как на своем собственном» (Там же, 199). Вообще быстрое привыкание к языковой среде отличает торговые народы, которые больше и быстрее земледельцев вступали в контакт с иноэтничным компонентом.

Слушая на ярмарке рассказ одного из жителей Ушицы об историях с заговариванием змей у украинцев и тараканов у старообрядцев, писатель зафиксировал информацию о том, что старообрядцы давали пришлым иноверцам специальную посуду. При этом несколько участников разговора подчеркнули, что подобного рода посуда есть и у евреев (Там же, 180).

Если сведения о «поганой посуде» среди старообрядцев подтверждаются значительным количеством источников³ и экспедиционными материалами автора данной публикации, то информации, свидетельствующей о наличии в еврейской традиционной культуре Бессарабии посуды для иноверцев в иных источниках нами встречено не было, что заставляет усомниться в объективности подобного утверждения. У евреев была отдельная посуда для мясных и молочных блюд, но никак не для иноверцев.

Тем не менее, одним из наиболее мощных идентификаторов в традиционном обществе из-

учаемого региона выступала религиозная принадлежность и сопутствующие ей представления о своих и чужих.

Разница в религиозных представлениях не только способствовала отдалению друг от друга православных и иудеев, но и накладывала своеобразный отпечаток на культуру повседневности евреев, на отдельных элементах которой сосредоточил свое внимание писатель.

Так, говоря о внутреннем убранстве еврейского жилища, автор обратил внимание на неопрятность и специфический запах, наличествующий в еврейском доме. При этом он констатировал, что, вместе с тем, он бывал и в опрятных, чисто убранных домах колонистов (Там же, 196). Эта щепетильная тема естественно вызывает специальный интерес. Думается, прежде всего, данный нюанс культурной специфики (представление о нечистоплотности) можно отнести к низкому по социальному статусу еврейству, которое внутри себя также делилось на богатых, зажиточных и сильно нуждающихся. В подтверждение сказанному может звучать диалог, записанный А. Афанасьевым-Чужбинским: «Однажды я завел с этим портным разговор о содержании мальчиков и подмастерьев и заметил, что странно у такого, по-видимому, порядочного мастера видеть работников в изорванном платье и грязных рубашках.

– Иначе и быть не может, – сказал он, – все это народ бедный.

– Согласен, но и бедному можно не допускать одежду до такой степени.

– И что вы с ними сделаете? Мальчик целый день сидит с иглой, а она ему так надоест, что едва окончив работу, он спешит побаловать. А рубашка может ли быть чиста у нашего брата? У иного всего их две, вот поневоле и носит.

– Ведь это вредно для здоровья, а рабочему оно необходимо.

– Помилуйте, если нашему брату смотреть еще за чистотой, так и есть будет нечего. Это панские выдумки.

– Нет не панские; но евреи вообще не заботятся о чистоплотности.

– Мы смотрим за чистотой раз в неделю – в шабаш, да в большие праздники, в другие же дни нас свои осмеяли бы (выделено мною – В. С.)» (Там же, 237-238).

Об этнопсихологии как об особом направлении в этнологической науке тогда, в XIX в., и речи не было, но специфику этнического характера и повседневного поведения люди замечали с древнейших времен. Потому в процессе бурно-

го развития этнографического знания, в период творчества А. Афанасьева-Чужбинского, в этнографических описаниях было принято обращать внимание на так называемых «типических представителей народа», делать зарисовки народных «типов». Конечно, многие зарисовки народного характера, встречаемые у авторов XIX в., сегодня выглядят несколько наивными, современная наука более критична и строга в выставлении оценок.

В XIX в. изучаемый народ бесхитростно разделялся определенными этнографическими «характеристиками». Во многом этому способствовало разделение населения империи в широком смысле на славян и на представителей других этнических сообществ. Наиболее показательно это выглядело на примере законодательных актов об инородцах Сибири (в широком смысле этого слова инородцами назывались все не славяне) и целого ряда законодательных документов о положении евреев (1804, 1818, 1835, 1851 гг. и др.). Понятно, что эти зарисовки этнографических типов зачастую носили предвзятый характер, но, с другой стороны, они выделяли некоторые черты этнического характера, которые сегодня либо утрачены народом, либо о них не принято говорить. Здесь важно подчеркнуть, что меняющееся время так или иначе накладывает отпечаток на восприятие народами друг друга. Одним оно было в период традиционного общества, иным оно является сейчас, в период урбанизации и глобалистических мировых процессов, когда человечество выработало целую систему законодательных актов, унифицирующую права этнических сообществ, способствующую правовой регламентации общественного восприятия того или иного этноконфессионального сообщества. Поэтому замечания А. Афанасьева-Чужбинского интересны, в том числе, и с этой точки зрения.

«С евреями иметь дело потому хорошо, – отмечает автор, что за деньги они исполняют все, что только в их власти, и не задумываются над вашим требованием, как бы ни было оно эксцентрично, и, наконец, чем оно эксцентричнее, тем еврей веселее, потому что рассчитывает на большее вознаграждение...» (Там же, 152).

Возвращаясь к «типическим представителям», приведем еще один пример: «Хозяин мой, не помню, бывший или настоящий поверенный откупа, оказался бывалым и разумным человеком, и если не был знатоком в изящных искусствах, то обладал обширными познаниями по части разных торговых сделок и верно определял промышленное состояние окрестностей как

своих, так и бессарабских. Кроме разных спекуляций он начал заниматься выделкой хорошего чернослива, на манер французского, и вскоре после моего прибытия принес мне полную тарелку отличного чернослива, далеко оставившего за собой буковинский» (Там же, 172).

Автор обращает внимание на такие черты, присущие описываемым типажам, как сметливость, сноровка, разумность: «– Я нарочно ездил по Бессарабии и у нас, где выделывают чернослив, и видел, что не так берутся за дело, – сказал он (А. Афанасьев-Чужбинский рассказывает о беседе с евреем, у которого остановился, проезжая местечко Старая Ушица, при впадении реки Ушицы в Днестр – В. С.).

– Где же Вы научились готовить на манер французского?

– Дошел своим умом. В Каменце я купил коробочку настоящего французского и все придумывал...

– Я уже возил свой чернослив некоторым богатым помещикам в Каменец... Дают лишь несколькими копейками дороже, чем за тот, который продается у нас в бочках.

– Разумеется, вам не выгодно.

– Просто убыток... Нет, я уже придумал, – прибавил хозяин с улыбкой, которая показалась мне очень хитрою.

– И думаете получить хорошую выгоду.

– Кажется, процентов на сорок. Только вы... Знаете – это... – Я ведь не торгую черносливом.

– Да, буду продавать за иностранный, только немного дешевле. Коробочки и этикетки плохо подделывают, да наш брат скоро научится...

– Нет, я вам скажу, нам, торговым людям, нельзя без обмана, – говорил мой собеседник в полном убеждении, что сказал великую истину, – правдой возьмешь не много. *Конечно, надо быть честным на расплату, исполнять, что обещаешь, а в товаре без обмана не бывает*» (выделено мною – В. С.) (Там же, 171-172).

Из беседы с евреем-портным Афанасьев-Чужбинский привел следующий диалог:

«– Вы спрашивали насчет учеников, сказал он, закуривая папиросу... – Иного учишь как следует, а иного только по верхам. Согласитесь, если бы я всем показывал все тонкости, у меня скоро отбили бы кусок хлеба... Без хитрости не проживешь на свете, хитрить надо, – заключил он решительно» (Там же, 238).

В ходе обсуждения рукописи данной статьи с коллегами-иудаистами автору пришлось услышать несколько комментариев насчет вышеприведенных диалогов: согласно Торе необходимо

вести честный бизнес; кто будет открываться перед приезжим из Петербурга; сомнительно, что об этом вообще говорили бы с малознакомым человеком; автор книги – профессиональный писатель и мастерски придумывает сценки и образы в контексте официальных представлений того времени о «еврейском национальном характере».

Допуская вариант авторской фантазии, также как и в эпизоде с контрабандистами (ну кто поведет малознакомого человека показывать такое, за что можно поплатиться не только деньгами, но и жизнью?), тем не менее, важно отметить, что в то время люди были более доверчивыми и открытыми. Сама культура традиционных отношений способствовала этому. Разглядев в приезжем просто путешественника, не обремененного властью, люди перед ним открывались, думая, что даже если он и узнает какие-либо местные тайны, они «умрут» с его отъездом. Наивность провинции также нельзя сбрасывать со счетов.

Наконец, следует напомнить, что беллетристический очерк, который рассматривается в данной публикации, в этнологической науке может использоваться лишь как дополнительный источник при изучении традиционной культуры населения Бессарабии.

А. Афанасьев-Чужбинский также обращает внимание на то, что портные, шьющие женские наряды, находились в большем выигрыше, нежели те, которые обслуживали мужскую часть населения (Там же, 239).

Говоря о могилевских евреях-ремесленниках, путешественник отметил их трудолюбие, а также то, что они постоянно заняты – «нет между ними ни пьяниц, ни буянов, обыкновенно расхаживающих в наших городах по праздникам и заводящих драки и ссоры от пьянства и безделья. Евреи в этом отношении безупречны. Они тоже по праздникам не работают, а если иной и выпьет лишнее, то не покажется на улице в безобразном виде» (Там же, 243). В праздник, по словам писателя, особенно следили за тем, чтобы сохранять приличия: «Я никогда не видел, чтобы пьяные евреи подрались в шабаш». При этом автор отмечает, что среди данного народа распространено «в полной силе правило: «око за око и зуб за зуб»...» (Там же, 253).

Оказавшись в среде бытования традиционных общественных межэтнических отношений, автор получил возможность и, что самое главное, сумел воспользоваться ею и остановил свое внимание на характеристике поведения и восприятия друг друга не только взрослых, но и детей.

Подобного рода отношения, более завуали-

рованные культурой полиэтничности во взрослой жизни, достаточно наглядно представлены автором во взаимоотношениях между детьми, которые бесхитростно проявляли заложенные в обществе этносоциальные противоречия. Автор, в частности пишет: «...Я убедился, что еврейские дети не только не ведут знакомства или не вступают в игру с детьми туземцев, а напротив, стараются при малейшей возможности сделать друг другу пакость и нередко выходят на побоище. Обыкновенно поводом для ссор, как водится, служат бранные слова, неприятные каждому племени (ошибочное, но довольно распространенное выражение по отношению к определенной этносоциальной группе современников в XIX в., особенно к народам окраин – В. С.) и именно с этой целью изобретаемые, которых, конечно, в простонародье, как у взрослых, так и у детей, многое множество.

Кроме этого молдаване еще дразнят евреев особым способом, вероятно, перенятым от русинов. Стоит только свернуть треугольником полу платья и показать еврею, особенно между детьми – как последний выходит из себя, потому, что подобный треугольник изображает свиное ухо. Но молдавским детям приходится иногда жутко; может быть они и более задирчивы, и всегда зачинщиками в ссорах, но дело в том, что взрослые евреи вмешиваются постоянно. Довольно еврею на улице закричать “гвалт”, равносильное нашему “караул”, – как в несколько минут соберется порядочная толпа единоплеменников, и поэтому и дети их прибегают к подобному средству, если не могут одолеть противников. Хорошо, если молдаване успеют скрыться вовремя, а то им частенько достается, что впрочем, не мешает шалунам при первой же возможности возобновлять нападение» (Там же, 288).

Данный пример обращает на себя внимание и с другой стороны. Евреи России, будучи гонимыми и ограниченными в правах, с детства формировали в соотниках чувство общего этноколлективного, направленного против внешней угрозы. Возможно, именно поэтому взрослые представители еврейского этноса вмешивались в дела шаливших детей.

А. С. Афанасьев-Чужбинский о поднестриевских еврейских местечках

Автор отмечает, что основная масса евреев проживала в городах и местечках. В качестве примера Афанасьев-Чужбинский приводит местечко Бричаны. Он обращает внимание на образованность этого народа: «...О массе евреев

можно судить по количеству их учебных заведений, цифра которых доходит до семнадцати», – подчеркивает писатель (Там же, 22).

Он оставил описание еврейского местечка. Говоря о Хотине, он, в частности, отметил: «... Старый город, теснящийся по нагорному берегу ближе к крепости, состоит из сплошных рядов лавок и лавочек, занимающих нижние этажи домов, а в середине дворов, где битком набиты евреи, такой лабиринт разных пристроек, клетушек, переходов, что трудно добраться толку. Дворы эти в иных местах имеют один с другим сообщения, да, кроме того, под некоторыми вырыты большие погреба еще во время турецкого владычества» (Там же, 82).

«Близость Подольской губернии набросила и на Хотин легкий колорит своих городов и местечек. Во-первых, сами евреи отличаются несколько от бессарабских собратьев, т. е. немного уступчивее, промышленнее...» (Там же, 108). «Хотинские мещане, – подчеркивает автор, – вследствие захвата всех промыслов и торговли евреями, не походят на мещан других городов, а скорее приближаются к сельским обывателям. Некоторые женщины только торгуют хлебом и фруктами на базаре, а мужчины по большей части занимают крестьянскими работами» (Там же, 112-113).

В Пруто-Днестровском междуречье и Левобережном Поднестриевье в рассматриваемый период сложился определенный стереотип о том, что евреям чужд крестьянский труд. А между тем, к середине XIX в. было известно 17 еврейских колоний (Брик, 2011, 105). Одновременно политика царского правительства по отношению к евреям отличалась определенной непоследовательностью. Как отмечает исследователь Е. Брик, до 1835 г. евреям было запрещено заниматься сельскохозяйственными работами (Брик, 2011, 102). Одновременно спустя буквально несколько десятков лет, в 1866 и 1873 гг. выходят императорские указы, ограничившие и, в конечном итоге, запретившие евреям операции с землей. Тем не менее, ряд бессарабских еврейских колоний просуществовал до Второй мировой войны (Брик, 2011, 105-107).

Исследователь А. Боршевский отметил, что на еврейское население возлагалась вина за бедность и пьянство среди православных крестьян (Боршевский, 2011а, 111). В связи с этим целый ряд законодательных актов ограничивал возможность проживания евреев в сельской местности (законодательные акты 1804, 1882, 1887 гг. и др.) и даже заниматься отдельными видами коммерческой деятельности в селах (в 1836 г. ев-

реям запрещают содержать шинки и продавать алкоголь в Новороссии и Бессарабии (Боршевский, 2011б, 50).

Подобная политика способствовала выдавливанию евреев из сельской местности в города и местечки. Благодаря этому в культурной среде еврейства, в частности, Поднестровья, сложилась местечковая (Брик, 2011, 98-100) еврейская культура, которая своим содержанием отличалась, в частности, быт и убранство дома от того, который имел место у евреев сельской местности⁴.

На одном из элементов так называемого местечкового устройства еврейского жилища остановил свое внимание А. С. Афанасьев-Чужбинский: «Квартира оказалась такая, какой не имел я и в уездных городах, с весьма приличною мебелью, очень чистою, но украшенная множеством тех картин, о которых большинство читателей, вероятно, не имеет понятия. Это лубочные еврейские гравюры, изображающие как сцены из древней истории, так и фантазии новейших времен, где иногда евреи представлены в генеральских и полковничьих эполетах на поле битвы с неизвестными национальностями. Разумеется, неприятель везде бежит, сыны Израиля его преследуют и торжественно машут огромными саблями. Содержание некоторых картин до того неудобоприятно, что сам хозяин не мог, по тексту, написанному внизу, дать мне положительных сведений и только, указывая на голубые деревья, на зеленых верблюдов и на какие-то фигуры вроде человеческих, прибавлял:

– Это там, в Палестине» (Собрание сочинений А. С. Афанасьева (Чужбинского), 1893, 171). Можно только догадываться, что представленные в доме еврея гравюры либо действительно не могли быть охарактеризованы хозяином дома, либо он не хотел раскрываться перед иноверцем, хотя и знатного происхождения (прибывшим «из Петербурга» – магическое выражение для провинции). Хотя, с другой стороны, хозяин дома раскрыл (или похвастался) перед приезжим свой секрет ведения дела. Здесь можно только предполагать, была ли тема, связанная с верой иудеев, в определенном смысле табуированной для обсуждения с иноверцами, или действительно человек следовал простой традиции подражания – если подобные гравюры есть у соседей-евреев, почему не повесить такие же у себя в доме, – «я ведь такой же, как они»...

Говоря о еврейских местечках, исследователь обратил внимание еще на одну региональную особенность в занятиях евреев. Например, описывая занятия евреев Могилева-Подольского, он

отметил, что «в улицах или, скорее, кривых переулках, прилегающих к горе, несколько еврейских семейств занимается свиванием желтых бумажных фитилей, употребляемых на дорожные огнива... Ремесленники перепутывают переулочными нитями, без церемонии загораживая дорогу, причем беспрерывно перебегают с места на место, сердятся, бранятся и выругивают, пожалуй и вас, если вы неосторожно зацепите хитросплетенную основу... Могилевские купцы, разъезжающие по ярмаркам как местным, изобилующим в западных губерниях, так и отдаленным, везут громадное количество фитилей, продавая их за иностранные» (Там же, 219-220).

Интересно впечатление А. Афанасьева-Чужбинского о преобразении еврейского местечка в праздничный субботний день: «...Во всех домах горит усиленное освещение и толпы евреев и евреек расхаживают по городу с немолкаемым говором, который, особенно издали, походит на гудение пчел в огромном улье. Все они в это время разодеты в лучшие праздничные костюмы и каждый даже своему лицу старается придать праздничное выражение». При этом автор обращает внимание на то, что даже в праздник не обходится без обсуждения деловых вопросов – «прислушиваясь к речам, вы поминутно услышите слова “кербель” (рубль), “копекес” (копейка), без которых не обходится ни одна еврейская беседа» (Там же, 252).

Не хотелось бы повторяться, но при чтении книги А. Афанасьева-Чужбинского порой складывается мнение об определенной поверхностности суждений автора. Во многом это объясняется спецификой подачи материала. Он транслирует увиденное, стараясь соблюсти максимальную точность, но отсутствие системности подачи материала создает впечатление очерковости и некоторой эмоциональности, чего, собственно, современная наука старается избегать (хотя это не всегда и не во всем удается).

* * *

Анализ творчества А. С. Афанасьева-Чужбинского позволяет увидеть человека во всех его противоречиях, что было обусловлено пореформенным временем, когда автор путешествовал по Днестру. Особенно остро эта полярность времени отражалась на либеральной интеллигенции, к которой можно отнести писателя⁵.

Как известно, автор попытался дать описание населения, проживавшего на берегах Днестра, прежде всего молдаван и русинов (он их еще именуется «руснаками»). Но в описании евреев его колебания видны наиболее четко. С одной сто-

роны, исследователь предстает перед читателем в качестве просвещенного друга еврейства. Он ищет пути, как облегчить этому народу жизнь, считая, в частности, что «единственный способ к сближению племен и к гуманизированию массы евреев заключается в дозволении последним селиться по всей империи» (Там же, 291). А. Афанасьев-Чужбинский подчеркивает то, что «племя это обладает в высшей степени торговыми способностями и умеет пользоваться малейшим случаем наживать копейку... Предположив присутствие еврея вредным, не будет ли справедливее разделить этот вред поровну на все области империи, и тогда со временем он уменьшится сам по себе, а между тем, с дозволением евреям селиться где угодно, много пролетариев вышло бы охотно на новые места, разнеся с собою дух предприимчивости и промышленности, и мало помалу, теряясь в большинстве новых элементов, усваивали бы и другие начала, забывая многие недостатки, свойственные, конечно, и прочим племенам, но приписываемые обыкновенно еврейскому» (Там же, 291). Продолжая мысль, автор подчеркнул: «Евреи отличные конкуренты, и там, где они появляются, товары тотчас же делаются дешевы в силу того простого правила, что малый процент, при более частом обороте капитала дает значительную выгоду, нежели огромные проценты, если капитал лежит мертвым и ожидает больших барышей» (Там же, 291).

Испытав влияние либерально-народнических идей, Афанасьев-Чужбинский отмечал важность просвещения и образования в деле сближения наций. Еще одним серьезным камнем преткновения, способствующим негативному межэтническому восприятию, на который обратил внимание писатель, являлся низкий уровень жизни основной массы населения полиэтнического края в XIX в. (Там же, 289-290).

С другой стороны, перед читателем предстает человек своего времени, с целым комплексом негативных установок, однобоко представляющих изучаемый им народ, который он наделяет такими чертами, как мздоимство, хитрость, обман, – теми устойчивыми характеристиками, представления о которых сложились в христианском мире в отношении «проклятого народа»⁶.

Нельзя сбрасывать со счетов и писательский талант А. С. Афанасьева-Чужбинского, который при анализе этнографических деталей играет как на пользу изучения традиционно-бытовой культуры народа, так и действует вопреки, за счет фантазий автора, не всегда способствуя отражению объективной картины действительности

(вспомним тот же сомнительный поход автора с попутчиком Янкелем на тропу контрабандистов или описание факта «поганой посуды» для неверных у евреев).

Тем не менее, при всех неточностях и авторских фантазиях, произведение А. С. Афанасьева-Чужбинского представляет собой важный этнографический источник в деле изучения еврейской традиционно-бытовой культуры, не потерявший своего научного значения.

Примечания

¹ Автор останавливался на творчестве А. С. Афанасьева-Чужбинского в выпусках сборника научных трудов Института иудаики. Однако та информация выходила частями и не способствовала формированию целостных представлений о разработках еврейской темы в его беллетристических трудах. Помимо этого, сборник научных трудов Института иудаики выходил ограниченным тиражом и имел узкий круг читателей. Все это заставило автора статьи, после ответственности ее доработки предложить на суд читателя в данном – специализированном номере журнала.

² По мнению исследователей Е. Брика и М. Брик, еврейское население на территории Днестровско-Прутского междуречья может рассматриваться еще с античности – с начала новой эры и заканчивая падением Римской империи. В доказательство авторы приводят примеры захоронений в Тире (ныне территория Одесской обл. Украины), захоронения на территории центра и юга Молдовы римских легионеров с надписями на иврите и т. п. См.: Брик Е., Брик М. Исторические этапы проживания евреев на территории Пруто-Днестровского междуречья // Сборник научных трудов Института иудаики. Кишинев, Институт иудаики, Вып. 2., ред. вып. Е. Брик, 2011. С. 103. Однако, тема нашей публикации касается несколько иной проблематики, а этот небольшой экскурс в историю проживания еврейского населения на территории Пруто-Днестровского междуречья и Левобережного Поднепровья, свидетельствующий о наличии разных точек зрения на проблему, прежде всего говорит о давности проживания этой этносоциальной группы в указанных границах.

³ У старообрядцев подобная посуда для неожиданных и не своих гостей называлась «поганой». См.: Душакова Н. Старообрядцы Бессарабии XIX–XX вв.: особенности культурных традиций. В: Материалы международной научной конференции «Пруто-Днестровский регион. Диалог культур», посвященной 650-летию молдавской государственности и 300-летию со дня рождения Антиоха Кантемира. Санкт-Петербург, 2010. С. 96; Подобная практика встречалась и в других регионах, ее нельзя связывать с конкретной местностью, это, правильнее сказать, прежде всего, конфессиональная установка. См. также: Русские. Ред. Александров В. А., Власова И. В., Полищук Н. С. Москва, 2005. С. 716-717.

⁴ Специфике еврейского местечка посвятили свое исследование авторы книги «Штетл XXI век: Полевые исследования» (сост. В. А. Дымшиц, А. Л. Львов, А. В. Соколова. СПб., 2008). Они тоже остановились на

освещении некоторых населенных еврейскими пунктами, где в свое время побывал А. С. Афанасьев-Чужбинский. В частности, ими подробно описаны различные стороны традиционно-бытовой культуры жителей евреев Могилева-Подольского. Эти авторы, как и их собрат по перу XIX в., констатировали специфику еврейского местечка как «места памяти» (со ссылкой на: Нора П. Проблематика мест памяти // Франция. Память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб., 1999. С. 17-50), «Штетл XXI век». С. 30. Иными словами, здесь можно говорить о «духе населенного пункта», который формирует свой образ, в том числе, через культуру повседневности его обитателей, причем не виртуальных, а конкретных личностей.

⁵ Таким образом, тема еврейского местечка и его интерпретация, в качестве специальной комплексной темы, свидетельствует о достаточном устойчивом интересе к проблеме как со стороны авторов XIX в., так и со стороны современных исследователей.

⁶ На определенные колебания во взглядах ученого обращает внимание исследователь В. Ф. Горленко: «Если в „Очерках Днепра” писатель констатирует, что „малорус живет хорошо” (Горленко В. Ф., 1988, С. 155);, то в „Очерках Днестра” он представляет иную картину, отмечая: „Если бы подробнее вникнуть в действия мирских властей в Бессарабии и дойти до инициаторов, можно бы написать несколько любопытных страниц о быте народа, который официально благоденствует вне крепостного права (как известно, в Бессарабии не было крепостного права как такового – В. С.), а в сущности нес и несет иго, хитро опутанный целой системой вопиющих угнетений”» (Афанасьев-Чужбинский, 1863. С. 129). Подробнее о феномене «проклятый народ» см. работу Кушнир Ж. «К 110-летию кишиневского погрома. Памятные даты» (Кишинев, 2013). При этом следует отметить, что представления о проклятом народе далеко не ограничиваются евреями. В Интернете, например, можно встретить ссылки на массу этнических сообществ, которых наделяют столь нелицеприятным эпитетом: это цыгане (<http://gypsy-life.net/mif-15.htm> (дата обращения: 01.06.2014); <http://www.proza.ru/2010/08/23/301> (дата обращения: 01.06.2014), русские (<http://tonkiimir.ru/viewtopic.php?f=47&t=99648> (дата обращения: 01.06.2014); <http://www.ulitka.com/%D0%BF%D0%B0%-54601.html> (дата обращения: 01.06.2014). Можно назвать и другие народы, но, тем не менее, за евреями, наряду с образом избранного народа, закреплена и столь негативный взгляд, причем исторически.

Литература

Абрамов И. С. Из биографии наших краеведов. Памяти забытого краеведа А. С. Афанасьева-Чужбинского // Краеведение, 1926. Т. 3, № 2.

Афанасьев-Чужбинский А.С. Поездка в Южную Россию. Ч. 2. Очерки Днестра. СПб., 1863.

Афанасьев (Чужбинский) А. С. Собр. соч. Под ред. П. В. Быкова. Поездка в Южную Россию. Очерки Днестра. Т. VIII. Второе, вновь просмотренное и исправленное издание. СПб., Книгоиздательство Германъ Гоппе. 1893.

Берг Л. С. Бессарабия. Страна. Люди. Хозяйство. Кишинев, 1993.

Боршевский А. П. Характеристика правового положения еврейского населения Бессарабии в первой половине XIX века // Сборник научных трудов Института иудаики. Вып. 2. Ред. вып. Е. Брик. Кишинев, 2011а.

Боршевский А. П. Защита прав еврейского населения Бессарабии во второй половине XIX века: мировой суд. Кишинев, 2011б.

Брик Е. Бессарабское еврейское местечко – этнографические особенности // Revista de Etnologie și Culturologie. Vol. VII. Chișinău, 2010.

Брик Е., Брик М. Исторические этапы проживания евреев на территории Пруто-Днестровского междуречья // Сборник научных трудов Института иудаики. Кишинев. Вып. 2. Ред. вып. Е. Брик. Кишинев, 2011.

Брик Е. Еврейские сельскохозяйственные колонии в Бессарабии // Проблемы истории и права евреев. Республиканская научная конференция. Кишинев, 2011.

Горленко В. Ф. Становление украинской этнографии конца XVIII – первой половины XIX столетия. Киев, 1988.

Душакова Н. Старообрядцы Бессарабии XIX–XX вв.: особенности культурных традиций // Материалы международной научной конференции «Пруто-Днестровский регион. Диалог культур», посвященной 650-летию молдавской государственности и 300-летию со дня рождения Антиоха Кантемира. СПб., 2010.

Зеленчук В. С. Население Бессарабии и Поднепровья в XIX в. (этнические и социально-демографические процессы). Кишинев, 1979.

Земцов М. Е. Еврейские крестьяне. Краткий очерк экономического положения евреев-земледельцев Екатеринославской губернии. СПб., 1908.

Кушнир Ж. К 110-летию кишиневского погрома. Памятные даты. Кишинев, 2013.

Нора П. Проблематика мест памяти // Франция. Память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб., 1999.

«Русские» под ред. Александрова В. А., Власовой И. В., Полищук Н. С. Москва, 2005.

Степанов В. П. Грани идентичностей. Кишинев, 2010.

Табак И. В. Особенности расселения евреев в Бессарабии и на Левобережье Днестра в XIX – начале XX в. // Евреи в духовной жизни Молдовы. Страницы истории и современность. Кишинев, 1997.

Токарев С. А. История русской этнографии. М., 1966.

Штетл XXI век: Полевые исследования (сост. В. А. Дымшиц, А. Л. Львов, А. В. Соколова). СПб., 2008.

<http://gypsy-life.net/mif-15.htm> (дата обращения: 01.06.2014).

<http://www.proza.ru/2010/08/23/301> (дата обращения: 01.06.2014).

<http://tonkiimir.ru/viewtopic.php?f=47&t=99648> (дата обращения: 01.06.2014).

<http://www.ulitka.com/%D0%BF%D0%B0%-54601.html> (дата обращения: 01.06.2014).

Rezumat

Articolul reprezintă o analiză a informațiilor despre cultura tradițională a populației evreiești din Basarabia din a doua jumătate a secolului al XIX-lea, culese de scriitorul și etnograful A. S. Afanasiev (pseudonim Ciujbinskii), care a condus prima expediție etnografică a regiunii în cadrul studiului mărilor și al fluviilor din Rusia.

Cuvinte-cheie: istoria etnografiei, Afanasiev-Ciujbinskii, populația evreiască din Basarabia, ocupațiile tradiționale ale evreilor, localitate evreiască, imaginea evreului.

Резюме

В статье представлен анализ сведений о традиционно-бытовой культуре еврейского населения Бессарабии второй половины XIX в., собранных писателем и этнографом А. С. Афанасьевым (псевдоним Чужбинский), осуществившим первую этнографическую

экспедицию в край, в рамках программы изучения морей и речных артерий России.

Ключевые слова: история этнографической мысли, Афанасьев-Чужбинский, еврейское население Бессарабии, традиционные занятия евреев, еврейское местечко, образ еврея.

Summary

The article deals with the analysis of traditional culture of the Jewish population of Bessarabia of the second half of the XIX-th century. The data were collected by a writer and ethnographer A. S. Afanasiev (Chiuzhbinsky by pseudonym) who carried out the first ethnographic expedition in the region within the program of the investigation of seas and rivers of Russia.

Key words: history of ethnography, Afanasiev-Chiuzhbinsky, Jewish population of Bessarabia, traditional occupations of Jews, shtetl, image of a Jew.

Жозефина КУШНИР

ПРОБЛЕМА АКЕДЫ В НОВЕЛЛЕ И. ШРАЙБМАНА «ПРИНОШЕНИЕ В ЖЕРТВУ ИЦХАКА»: АСПЕКТЫ ГУМАНИЗАЦИИ МИФА

На склоне лет Ихил Шрайбман, идишский литератор¹, лауреат премий Израиля, США, Европы, удостоенный звания «Maestru al literaturii», награжденный орденом «Gloria Muncii» и медалью «Meritul civic», обратился к особой тематике – тематике времен своего детства.

На вопрос «зачем?» отвечал себе так: «Боюсь сказать неправду, но мне кажется сейчас, что с тех пор, как себя помню, я долго искал для новелл форму и суть. И только теперь, как мне кажется, наконец, нашел и то, и другое.

<...> я использовал свой <...> жизненный опыт. Вспомнил, как мы в детстве, в местечке, в летние субботние дни после обеда, у пустого сарая моего хедерского друга разыгрывали иногда какую-нибудь главу из «Пятикнижия», инсценированную и поставленную нашей собственной фантазией. Не потому ли <...> не только место, но и время действия в моем „Пятикнижии в новеллах” мне давно и хорошо знакомы, что они <...> такие, какими мы увидели <...> их еще тогда, в детстве» (Шрайбман, 2000, 16).

Так возникает «Пятикнижие в новеллах», где центральное место (третья новелла из шести) занимает «Приношение в жертву Ицхака». Библейский эпизод – основа новеллы – общеизвестен, но под разными названиями. Людям, получившим еврейское образование, – как акеда, или «связывание»; остальному миру – как история о жертво-

приношении Исаака Авраамом. Жертвоприношении особом – известном тем, что не состоялось.

Мировая живопись отражает эпизод так: священный мальчик; занесенный нож; полубезумный взгляд того, в чьей руке нож; ангел, безмятежно удержавший эту руку.

Странноватый happy end оставил у человечества множество вопросов и противоположных на них ответов. Так, С. Кьеркегор придерживался мнения о «телеологическом устранении этического» (Кьеркегор, 1993, 53), противопоставив этику и Бога (воплощение Любви-Этики) и de facto предварив ницшеанскую «смерть Бога». А Гегель и Кант, напротив, расценили выбор благочестивого убийцы² как вопиюще несправедный: «Существуют определенные случаи, в которых человек может быть убежден, что голос, который он услышал, не может быть голосом Божиим; если этот голос повелевает ему сделать то, что противоречит закону морали, даже если данный феномен представляется ему необычайно великим и превосходящим все природные явления, он должен счесть его обманом. <...> Примером тому может служить предание о жертвоприношении Авраама: Авраам, по повелению Божию, намерен убить собственного сына... Авраам должен был бы сказать этому предположительно божественному голосу: совершенно ясно, что я не убью моего возлюбленного сына; но я не уверен в том, что ты, явившийся мне – Бог,

даже если бы голос прогремел с небес»³.

Эти картины и философские выкладки свидетельствуют о восприятии библейского эпизода лишь в сравнительно поздние времена.

Но существует вопрос и о трактовке акеды мифологическим сознанием, ее создавшим (древнееврейским), о мифологической прагматике, ее породившей. А ответ – результат научных исследований – выглядит, как мы покажем далее, парадоксальным, но соответствует шрайбмановской трактовке акеды.

Быть может, мифологическое сознание Шрайбмана, ученика довоенного хедера, как-то связано с еще не прервавшейся еврейской традицией понимания акеды⁴. И свидетельства его тем более ценны, что сам Шрайбман склонен не к парадоксам, а к тому, чтобы быть «хранителем» (Ольшевский, 2000, 5-7). Вдохновение он черпает, постулируя неизменную равнозначность еврея как такового тем образам, в которых Шрайбману видятся рашковские евреи.

Так, Авраам у Шрайбмана, любовно подшучивая над забеременевшей Саррой, слышит в ответ: «Ай, иди, ты опять начинаешь свои штучки». Так, заступничество Авраама перед Богом за Содом происходит в рамках шрайбmano-рашковского дискурса и на фоне рашковских пейзажей (Шрайбман, 2000, 24, 26). Причем антураж ничего не меняет ни в общем ходе событий, ни в их интерпретации «хранителем».

Тем более значимо громкое предупреждение, которым автор счел нужным начать историю об акеде: «Оказывается, это было совсем иначе, чем мир считал все эти годы» (Шрайбман, 2000, 34).

Именно об акеде мифологическое сознание «хранителя» исполнено поразительных сведений:

во-первых, «Всевышний этим страшным испытанием – жертвоприношением Ицхака – не испытывал преданность Авраама или его богобоязненность»; более того: «<...> где-то глубоко внутри Авраама нарастал голос: „Не поднимай на ребенка руку!“»;

во-вторых, Божий праведник отказался резать ребенка: «Неожиданно Авраам закричал, как раненый лев, вопль вырвался из его рта: „Нет!“»;

в-третьих, громкий резонанс в пространстве-времени возымело именно это решение Авраама: «И облетело вокруг горы несколько раз эхо вопля Авраама: „Нет!“»;

в-четвертых, Бог наградил Авраама Своим обетованием именно за отказ убить мальчика; и на долю ангела пришлось не функция остановки руки, а лишь функция разъяснения акеды с точ-

ки зрения самого Бога: «Реб Авраам, вы мудрый еврей... Испытание <...> вы выдержали так, что лучше и быть не может. <...> Бог сейчас-таки увидел, какой вы человеческий человек. И Он до конца всех поколений запомнит это, уверяю вас» (Шрайбман, 2000, 34, 43-46).

Ангел (придерживаясь рашковско-шрайбмановского дискурса) следует речи библейского ангела – за одним исключением.

Тексты по-разному трактуют главную информацию: за согласие или же за отказ убить дитя награжден Авраам.

Цитируем Тору: «И воззвал ангел Бога вторично к Аврагаму с неба, и сказал: „Клянусь Собой, сказано Богом, что, так как ты совершил это дело и не щадил твоего сына, <...> то Я благословлять буду тебя, и весьма умножу потомство твое, как звезды неба и как песок на берегу моря, <...> и благословляться будут потомством твоим все народы земли за то, что слушался ты Меня!“» (Брейшит 22 Ваера: 15-18).

Цитируем Ветхий Завет: «И вторично воззвал к Аврааму Ангел Господень с неба и сказал: Мною клянусь, говорит Господь, что, так как ты сделал сие дело, и не пожалел сына твоего, <...> то Я благословляя благословлю тебя и умножая умножу семя твое, как звезды небесные и как песок на берегу моря; <...> и благословятся в семени твоём все народы земли за то, что ты послушался гласа Моего» (Бытие 22: 15-18).

Налицо парадоксальная разница в трактовках Священного Предания: с одной стороны, буквой Священного Писания двух мировых религий; с другой – детьми, игравшими подле пустого сарая в давно забытый летний полдень.

Выясним, какая из них точнее отображает суть предания – «исходную» мифологическую информацию, им транслируемую, ради которой оно создано.

Это возможно, поскольку современная наука – в лице мифологов, этнологов, библеистов – сделала акеду объектом разностороннего внимания. При всем различии подходов, выводы ряда ученых о трактовке акеды породившим ее мифологическим сознанием идентичны и взаимодополняемы в аспектах, связанных с категорией этичности.

Обобщая, можно представить их так:

- Бог вообще не требовал убийства Исаака;
- Авраам, Его праведник, отважно и во имя Божье противостоял жестокому приказу убить мальчика;
- именно за это Авраам и был награжден: ребенок остался жив, а герой Божий получил обетование Бога.

О. Боэм, анализируя акеду в статьях и монографии⁵, приходит к следующим выводам. В «исходной» версии нарратива повествовалось о священном слушании праведника несправедного приказа: Авраам приносил в жертву овна, а не дитя, повинувшись собственному этическому выбору. Ангел, остановивший его руку, возник лишь в поздней редакции нарратива. Именно отказ Авраама исполнить антиэтичный приказ свидетельствовал о его абсолютной преданности Богу. Эту точку зрения на акеду разрабатывал Маймонид и его последователи. Акеда есть рефлексия на ближневосточные мифы о жертвоприношении отцом сына ради жизни народа. Прагматика авраамического нарратива заключалась в сообщении: жизнь евреев – потомков Исаака – зиждется именно на отказе отца убить сына; значит, такое возможно и для других.

Р. Грейвс и Р. Патай⁶ исследуют акеду в сравнении с греческой мифологемой: царь Афант, пытавшийся принести в жертву своего сына Фрикса, наказан бездетностью, хотя посланник божества успел предотвратить убийство мальчика. Приказ убить Фрикса исходил отнюдь не от бога, а был ложью жрицы. Ее подкупила Афантова наложница, чтобы сделать наследником своего сына. В последний миг убийству препятствует Геракл, сказавший: «Мой отец Зевс ненавидит человеческие жертвы!» Но сына царь лишился: крылатый золотой баран увез Фрикса в Колхиду. Возможно, и в исходной версии библейской мифологемы «приказ о жертвоприношении исходил от лживого пророка, которого Агарь подкупила»; гипотезу подтверждают особенности мидрашей, имен, ритуалов (Грейвс, Патай, 2002, 259-264).

Библеист В. Сорокин, исследуя мидраш об акеде, особенности дискурса, связь акеды с хтоническими представлениями, топонимику, историко-географические данные, приходит к выводу: жертвы требовал вовсе не Бог, а хтоническое божество; праведник Авраам оказал посильное сопротивление приказу. Бог испытание допустил, поскольку «речь идет об испытании, которое позволяет проходящему его понять нечто принципиально важное»: власть хтонических божеств «считалась непреодолимой: даже небесные боги <...> не могли спасти того, кто попал под власть нижнего мира, мира теней. <...> нужно было бесконечное доверие к своему Богу, которое Авраам сумел проявить даже вопреки ситуации, складывавшейся столь очевидно не в его пользу. <...>. Бог Авраама <...> дал понять и Аврааму, и всем его соплеменникам, что <...>

Он сильнее мира теней и всех его владык <...>. Такой урок, конечно же, не мог не запомниться, а Бог, способный противостоять владыкам мира теней, должен был внушать трепет не только Аврааму и его соплеменникам, но и окружающим народам. Неудивительно, что это событие произвело такое впечатление уже на современников Авраама, а впоследствии стало центральным в цикле преданий о Боге отцов» (Сорокин).

И. Кауфман, авторитетный библеист, поясняет: «Некоторые библейские предания, приписывающие демонические деяния Богу <...>, нужно понимать в свете общей монотеистической тенденции: относить всякую активность к сфере Йахве, даже ту, что прежде характеризовала демонов. Видно, народная религиозность не оскорблялась подобными признаками, и кое-какие из них сохранились и в библейских текстах» (Кауфман, 1997, 53).

Судя по его же тексту (Кауфман, 1997, 52), мифологическое сознание «не оскорблялось» акедой сравнительно недолго. А именно, мы полагаем, до тех пор, пока действовала корректирующая система коннотаций⁷ – «память жанра» о корыстной наложнице и глупом повиновении, о подземном божестве и отважном сопротивлении etc.

Поэтому мифологическое сознание еще могло игнорировать принцип исключенного третьего и, «не оскорбляясь», вмещать взаимоисключающее: единственность Бога – и приказ хтонического божества; отважный отказ Авраама убить ребенка, что свидетельствует о праведности героя, – и руку Авраама с ножом, которую остановил ангел, что говорит о благодати Бога.

«Формальное» предпочтение получил последний вариант, видимо, потому, что мифологическое сознание стремилось «прокричать» с абсолютной доходчивостью и «наглядностью»: Бог категорически против такого деяния, как убийство главного во имя главного.

Кьеркегор чутко уловил в акеде этот мощный экзистенциальный подтекст, но истолковал ошибочно. Ведь в известной ему редакции акеды слишком многое – поведение Авраама, поведение и мотивировки Бога – оказалось искажено, а корректирующих коннотаций у Кьеркегора не было.

О мощи же древних коннотаций свидетельствует не только внезапное их пробуждение в новелле И. Шрайбмана, «хранителя», но и само древнееврейское наименование эпизода, пронесенное через века. Слово «акеда» – «связывание» – подчеркивает: суть эпизода не в жертвоприношении ребенка (оно и не состоялось), а в связанности как уделе Авраама.

Для синкретичности мифологического сознания отец и сын – единое целое. Авраам тяжело «связан» хтоническим приказом⁸, пока не избавится (благодаря своему отважному отказу убить сына, а также помощи Бога) от связанности, столь не подобающей Божьему образу и подобию.

После избавления от акеды Авраам обрел обетование Бога. Возможно, освобождение от «связанности» и обетование представлялись единым процессом – приближением к предустановленному богоподобию и вселенской гармонии. Ведь Бог тут же сообщает Аврааму: благодаря его послушанию истинной воле Бога «благословляться будут <...> все народы земли». Для мифологического сознания человечество, вообще говоря, едино. А потому и будет все вознаграждено за подвиг человека Авраама, отказавшегося убить сына.

Акеда, событие «связывания», или состояние «связанности», столь счастливо и поучительно разрешившееся, на все времена должно было стать информацией о сакральном гуманизме. Одним из напоминаний об акеде служит «обычай трубить в шофар (изготавливаемый из рога барана) в Рош ха-Шана», новогодний праздник (Краткая еврейская энциклопедия, 1996, 63).

К сходной трактовке акеды приводит и концепция гуманизации мифа, разрабатываемая нами для применения в литературоведении, фольклористике, этнологии и т. д. Мы, в частности, выяснили: существует устойчивая структура (мифологема), которую можно обозначить как «миф об отмене не-тотема-смерти»⁹. Мифологема встречается в фольклоре разных народов. Ее протагонист оказывается перед лицом не-тотема-смерти, представляющейся неодолимой. Если герой совершает праведный выбор: противостоит смерти, стремясь к ее отмене настолько, насколько для него мыслимо, – то остается жив и награждается приростом бытия. Если совершает несправедный выбор: сотрудничает со смертью или просто, не стремясь к ее отмене, хочет получить от нее некую пользу, – то гибнет, а вожделенной награды не получает.

В библейской мифологеме об Аврааме есть признаки мифа об отмене не-тотема-смерти: протагонист, которому велят убить сына; Божье обетование (прирост бытия) праведнику. Но награждается не отказ от убийства, а попытка убить. Вдобавок хтонический приказ (не-тотема-зла-смерть) почему-то исходит от Бога (тотема-добра-Жизни). Возникает гипотеза о «трансформации» (Леви-Стросс, 1985, 77), «зеркально» деформировавшей исходный авраамический миф. Вышеупомянутые научные труды подтвердили

правомерность нашей гипотезы.

Итак, древнееврейское понимание акеды полагало: в запрете на человеческое жертвоприношение были едины воля Бога и воля Его праведника, что и разъяснил Его ангел. Все это отражено в новелле Шрайбмана.

Значит, литератор метонимически сам сыграл роль ангела, что едва ли от него ускользнуло. Во всяком случае, его разъясняющий ангел – старик, внезапно выходящий из полуразвалившейся корчмы и ряженный под странника:

«Старичок был давно небрит, в руках он держал палку, которая была в три раза выше его самого. Торба с его плеча свисала до самых пят. По-видимому, это был странник или просто бездомный, а, может быть, снова преобразенный ангел» (Шрайбман, 2000, 45).

Текст неявно формирует и смеховое пространство (корчма; шутовская ряженность ангела)¹⁰, и атрибутику библейского явления ангелов – Лестницу Иакова: она равнозначна мировому Древу¹¹, метонимически-карнавально представленному посохом (ввысь) и торбой (долу).

По окончании речи «старичка» автор подтверждает его полномочия: «Это действительно снова был преобразенный ангел» (Шрайбман, 2000, 46).

Итак, суть акеды, выявленная И. Шрайбманом, соответствует ее древнееврейской интерпретации и состоит в этическом предписании: не убивать главное даже во имя главного.

Примечания

¹ «Он стал одним из виднейших представителей этой ветви еврейской литературы» (М. Лемстер).

² «Любопытно, что в юношеских работах Гегеля, опубликованных только в 1906 г. (Hegel. Theologische Jugendschriften. Tübingen, 1906), Авраам описывается именно как преступник и убийца, о чем Кьеркегор, разумеется, никак не мог знать» (Исаева, Исаев, 1993, 356).

³ Цит. по: Астапова О. Р.

⁴ «Shraybman's death was strongly felt by the Jewish community as a loss of connecting links to the memory of the country's historic Jewish past» (Katz, 2008, 281).

⁵ См.: Boehm, 2007; Boehm, 2004, 145-156; Boehm, 2002, 1-12.

⁶ Р. Патай – этнограф и антрополог, основавший в Эрец-Исраэль Институт фольклора и этнологии, автор десятков книг о культуре и истории иудаизма.

⁷ О важности этой «лингвистической универсалии» для современной науки, полагающей необходимым «объединение разных проявлений коннотации в поле зрения одной дисциплины – коннотативной лингвистики» см.: Ревзина, 2001, 436-446.

⁸ Как любезно сообщила нам доктор филологии Н. Кара, болгарская формула из области народных поверий обозначает человека в тяжелой экзистенциаль-

ной подавленности так: «Този човек е свързан» («Этот человек связан»). Ицзин обозначает подобную ситуацию как «поражение света», рекомендуя «стойкость».

⁹ Об авторской концепции гуманизации мифа см.: Кушнир, 2012, 236-253; *тотем* – все, единосушностное индивидуальному началу (жизнь, любовь etc.); *не-тотем* – все, ему противосушностное (смерть, убийство и т. д.).

¹⁰ Одна из динамических констант гуманизации мифа как литературного феномена – миф о смехе, включающий в себя эффект самоаннигиляции *не-тотема* в смеховом пространстве.

¹¹ О равнозначности Лестницы, Древа жизни и т. п. см.: Элиаде, 1987, 169.

Литература

Астапова О. Р. «Бог усмотрит Себе агнца...» (историко-религиозный аспект Быт. 22) // www.nasledie-college.narod.ru/Doclad6/Astapova.pdf

Грейвс Р., Патай Р. Иудейские мифы. Книга бытия. М., 2002.

Исаева Н. В., Исаев С. А. Комментарии // Кьеркегор С. Страх и трепет. М., 1993.

Кауфман И. Религия Древнего Израиля // Библейские исследования. Сборник статей. М., 1997.

Краткая еврейская энциклопедия. Т. 1. М., 1996.

Кушнир Ж. Аспекты гуманизации мифа в компаративистском исследовании интеллектуальной прозы: теоретические предпосылки // *Le comparatisme linguistique et littéraire – parcours et perspectives. In honorem Ion Manoli. Chişinău, 2012.*

Кьеркегор С. Страх и трепет. М., 1993.

Леви-Стросс К. Как умирают мифы // Зарубежные исследования по семиотике фольклора. М., 1985.

Лемстер М. «Виртуальный» Шрайбман // <http://newswe.com/index.php?go=Pages&in=view&id=5946>

Ольшевский Р. Хранитель речи // Шрайбман И. Творения и любовь. Кишинэу, 2000.

Ревзина О. Г. О понятии коннотации // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве. Москва, 2001.

Сорокин В. В. Историко-культурный контекст

Ветхого Завета // <http://www.bible-center.ru/book/context/sacrifice>

Шрайбман И. Творения и любовь. Кишинэу, 2000.

Элиаде М. Космос и история. М., 1987.

Boehm O. Child Sacrifice, Ethical Responsibility and the Existence of the People of Israel // *Vetus Testamentum. Vol. LIV. 2004, 2.*

Boehm O. The Binding of Isaac: An Inner-Biblical Polemic on the Question of “Disobeying” a Manifestly Illegal Order // *Vetus Testamentum. Vol. LII. 2002, 1.*

Boehm O. The Binding of Isaac: A Religious Model of Disobedience. New York, 2007.

Katz E. M. The literary development of Yekhiel Shraybman: a Jewish writer in Soviet clothing // *East European Jewish Affairs. Vol. 38. 2008, issue 3.*

Rezumat

Articolul „Problema de Akedah în nuvela *Sacrificiul lui Yitzhak* de I. Shraibman: aspectele umanizării mitului” dezvăluie că esența de Akedah identificată de Shraybman corespunde cu interpretarea ei hebraică și poate fi considerată ca un precept etic: a nu ucide principalul chiar de dragul principalului.

Cuvinte-cheie: Akedah, umanizarea mitului, mitul despre abolirea non-totemului-morții, conotație.

Резюме

В данной статье показано, что выявленная И. Шрайбманом суть акеды соответствует ее древнееврейской интерпретации и состоит в этическом предписании не убивать главное даже во имя главного.

Ключевые слова: акеда, гуманизация мифа, миф об отмене не-тотема-смерти, коннотация.

Summary

The article “The problem of the Akedah in the short story *The Sacrifice of Yitzhak* by I. Shraibman: aspects of humanization of myth” reveals: the essence of the Akedah identified by Shraybman corresponds to its Hebraical interpretation and can be regarded as an ethical precept not to kill the main even for the sake of the main.

Key words: Akedah, humanization of myth, myth of non-totem-death's abolition, connotation.

Лиана КОНДРАТИКОВА

ТВОРЧЕСТВО ЮВЕЛИРОВ ЕВРЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В БЕССАРАБИИ И МССР (1812–1918 гг., 1944–1972 гг.)

Развитие ювелирного искусства в Днестровско-прутском междуречье, несомненно, связано с творчеством мастеров еврейского происхождения, для которых торговля и изготовление украшений стали основными занятиями, приносящими немалый доход. Исторические документы, свидетельства очевидцев и красивые украшения стали неисчерпаемым источником для исследования данной темы. И если в первой половине XIX в. был известен лишь один такой ювелир – серебряных дел мастер Давид Бейн,

который в 1815–1819 гг. был главным ювелиром, изготавливающим церковную утварь для Кишиневской Дикастерии, то уже в переписи населения Бессарабии 1897 г. фигурируют ювелиры, серебряных и золотых дел мастера, а также часовщики, в основном евреи. Особое место занимают ювелиры-евреи в середине XIX в., когда в 1854–1857 гг. мастера ювелирных цехов, серебряных дел мастера и часовщики вели обширную переписку с Городской ремесленной управой по поводу создания в Кишиневе отдельного цеха серебряных

дел мастеров и часовщиков. В первой половине XX в. стремительно развиваются многочисленные мастерские по изготовлению светских и религиозных ювелирных изделий, а также модного костюма и предметов одежды. Как и следовало ожидать, ключевую роль в создании городского светского костюма, как мужского, так и женского, а также различных украшений и аксессуаров играли опять же мастера-евреи – ювелиры и портные.

Особое значение в развитии ювелирного дела в МССР имели Кишиневская мастерская по изготовлению ювелирных изделий (которая функционировала в 1966–1972 гг.) и Кишиневский ювелирный завод (КЮЗ), открытый в 1972 г. на основе данной мастерской.

После 1991 г. в Республике Молдова появляются реальные возможности открыть собственные мастерские по ремонту и изготовлению ювелирных украшений; для многих мастеров открылись пути для продолжения дела их отцов или самоутверждения в мире ювелирного дизайна и новых технологий. В то же время следует отметить, что многие мастера-ювелиры, в основном евреи, эмигрировали в поисках адекватных условий для работы и творчества.

Отталкиваясь от технологических операций, уже в XVIII в. ювелиры приобрели определенную специализацию – ювелиры, серебряных дел мастера, золотых дел мастера, граверы и т. д. Все мастера работали с драгоценными металлами и камнями, различаясь по статусу, занимаемому в обществе, а также роли в социально-экономической жизни города и с точки зрения профессиональных возможностей – золотых дел мастера, серебряных дел мастера, ювелиры, объединенные в ремесленные гильдии (Iorga, 1927, 118). Для мастеров, занимающихся изготовлением золотых украшений, была определена особая функция – старший ювелир (рум. *giuvaiergi-başa*), который занимался административной деятельностью, снабжал мастеров гильдии необходимым сырьем, должными условиями работы, принимал решения в конфликтных ситуациях. В 1793 г. эту должность выполнял Филипп Аржинтарул (Филипп серебряных дел мастер) и еврейский мастер Елизар, а в 1819 г. – Тома Аржинтарул (Iorga, 1927, 153). В то же время необходимо отметить, что вплоть до XIX в. в Молдове объединение в ремесленные гильдии было необязательным, что стало основной причиной документального подтверждения деятельности исключительно тех ювелиров, которые состояли в вышеупомянутых гильдиях. Многие мастера не были членами

гильдий, несмотря на то, что лишались налоговых привилегий. Таким образом, следует указать, что данные гильдии некоторым образом стесняли свободную деятельность и творчество ремесленников, слишком строго контролировали реализацию готовой продукции и распределение основного сырья (Cocârlă, 1991, 77).

Ремесла, сопряженные с художественной обработкой металла, которые представлены в исторических документах, немногочисленны, что связано с особой категорией мастеров, работающих на заказ, исключительно для нужд церкви или зажиточных представителей местной элиты. К тому же приходилось противостоять жесткой конкуренции со стороны иностранных мастеров, а также торговцев, импортирующих дорогие украшения (Кокырлэ, 1989, 51). Конкуренция на внутреннем или внешнем экономическом рынке, потенциальные притеснения, налоговая политика и стоимость готовых изделий весьма актуальны для развития ювелирного дела в Республике Молдова и в начале XXI в.

Многочисленные оригинальные украшения говорят о существовании в Бессарабской губернии задолго до XIX в. мастеров-ювелиров, ремесло для которых становится единственным источником существования. Анализ документов позволил установить, что в основном ювелирным делом в Бессарабии занимались мастера-евреи. Ремесленные цехи впервые в Кишиневе были официально юридически оформлены в 1813 г. по ходатайству кишиневских ремесленников. Делами ведала цеховая управа, она же вела и учет ремесел, следила за исполнением цехового устава. На рубеже XIX–XX вв. в городе действовали 9 постоянных и 23 временных цеха, которые возглавлялись общей ремесленной управой, а в 1902 г. во всех кишиневских цехах было более 10 тыс. ремесленников, о роли некоторых красноречиво говорят названия улиц (например, Золотая улица). 12 мая 1817 г. в Кишиневе, на основе имеющихся отдельных мастерских, была официально учреждена ювелирная артель (Юбилейный сборник, 1912, 79–80), что значительно повысило качество ювелирных изделий. Во главе артели находился цехмейстер, избранный из числа старост местных мастерских. Специальные директивы и Устав регламентировали деятельность кишиневской артели. В 40-х гг. XIX в. действовали 340 мастеров, занимающихся металлообработкой, среди них и ряд ювелиров, которые были распределены в три категории, в зависимости от специализации: граверы, золотых дел мастера и серебряных дел мастера. Со временем число мастеров, занимающихся изготовлени-

ем ювелирных украшений и гравировкой, заметно увеличивается. Появляются и различные магазины для реализации соответствующей продукции, например, магазин, принадлежащий П. Бокову, имел товарооборот в 25 тыс. рублей (Zelenciuc, Kalaşnikova, 1993, 77). Ювелиры-евреи с успехом работали и в других городах. Например, в 1824 г. в Хотинском уезде серебряных дел мастер Берку Давидович выплачивал годовой налог в размере одного лея. В целом, ремесленная гильдия евреев выплачивала в государственную казну годовой налог в сумме 1217 леев, что является важным доказательством впечатляющей деятельности мастеров и купцов в бессарабских городах (Ghibănescu, 1922, Vol. XI, 10). В конце XIX в. в г. Сорока, из 224 зарегистрированных мастеров всевозможных специальностей (НАРМ, ф. 6, инв. 5, д. 149, л. 14), в архивных документах упоминаются несколько мастеров, которые изготовляли украшения и церковную утварь для жителей северных районов Молдовы, – среди них 3 серебряных дел мастера и 3 часовщика. Согласно предоставленным данным Переписи населения 1897 г., по Бессарабии были зарегистрированы уже 427 независимых мастеров, которые занимались изготовлением ювелирных украшений, картин, икон (История народного хозяйства МССР, 1972, 243).

В начале XX в., в результате экономического развития региона и роста материального благосостояния, в городах Бессарабской губернии (Кишинев, Аккерман, Бэлць, Сорока, Орхей, Хотин, Новоселица) продолжали успешно действовать ювелирные мастерские и ателье по пошиву модной одежды. Таким образом, ювелирные украшения и костюм становятся показателями культурного формирования общества, стремящегося идти в ногу со временем и не отставать от последних тенденций моды. Для изготовления украшений местные ювелиры использовали золото, серебро, платину и бриллианты, применяя литье, чеканку, гравировку, чернение и художественную эмаль. Исходя из изученных историко-художественных документов, можно составить неполный список ювелиров и портных, работавших в мастерских или ателье в бессарабских городах в начале XX в., среди которых существенную роль, судя по фамилиям и документальным подтверждениям, имели ювелиры еврейского происхождения.

В ювелирных мастерских Кишиневского Архиепископства для изготовления нательных крестиков, окладов икон и священных книг применяли посеребренную латунь и, намного реже, позолоченную латунь. Открытые в 1911 г. ма-

стерские Кишиневского Архиепископства выполняли заказы на церковную утварь, используя недорогие сплавы (мельхиор, латунь, медь), а общие тенденции в ювелирной отрасли нашли отражение в Каталоге церковных предметов 1940 г. (Catalogul, 1940). В момент опубликования Каталога кишиневские мастерские были реорганизованы и оснащены соответствующим оборудованием, современными электрическими станками для литья ювелирных изделий. В соответствии с данным Каталогом, церковную утварь и украшения можно было заказать и в магазине, местные мастера работали с любым драгоценным металлом, дешевыми сплавами и цветными камнями. Каталог предоставляет возможность сравнения цен некоторых изделий, изучение спроса населения на украшения, рост цен, в то же время он свидетельствует о том, что можно было выгодно сдать лом металла по банковскому курсу. Опубликованный Каталог демонстрирует нательные крестики, кресты, панагии, подсвечники, оклады икон и святых книг, венчальные венцы и др. церковный инвентарь. При православных монастырях и больших церквях работали 1–2 ювелира (иногда из числа монахов) для обеспечения соответствующим церковным инвентарем – крестики, иконки, чаши, ложечки и др. Обеспечением дорогим церковным инвентарем и одеяниями священнослужителей различных религиозных конфессий (в то время в Бессарабии были официально зарегистрированы католики, лютеране, иудеи и др.) также занимались мастера-ювелиры.

Изготовление дорогих ювелирных украшений (колец, серег, брошей) для местных модниц и представителей высшего общества также было делом ювелиров. В основном, мастерские были расположены в центре Кишинева, где предоставлялись лучшие возможности для реализации товара и привлечения покупателей. Адресный справочный календарь, издававшийся в начале века С. Шапошниковым (Anuarul oraşului Chişinău, 1924), предоставляет ценные данные и рекламные объявления молдавских ювелиров, адреса мастерских и ювелирных магазинов, домашние адреса мастеров, дает сведения о сфере деятельности, технологических нововведениях, драгоценных металлах и камнях. Нам удалось установить, что по улице Александру чел Бун, недалеко от городской булочной, была открыта мастерская по изготовлению и продаже часов, золота, серебра и бриллиантов. Напротив Кишиневского городского банка, в частном домике работал ювелир Цалик Гробдрук, который занимался изготовлением и продажей золота, се-

ребра, бриллиантов и платины по банковскому курсу, также подмастерья под чутким руководством мастера изготавливали недорогие изделия из мельхиора, нейзильбера, норблина, латуни. Изготовлением медалей, печатей и матриц занимались в мастерской В. Гукштейна, расположенной на ул. Михая Витязул, 64, а также в Граверно-ювелирной мастерской, которая принадлежала Ш. Эльгурту (ул. Пушкина, 36, Дворец городской администрации). Сохранившиеся рекламные вывески помогают установить имена владельцев мастерских и магазинов, адреса, а также условия работы. Нами выявлено, что в основном ювелирные мастерские были расположены по ул. Пушкина, одной из старейших улиц Кишинева, несколько мастерских работали в здании городской администрации, что говорит о заинтересованности городских властей в развитии данной отрасли, поощрении ювелирного ремесла. Изготовлением ювелирных украшений из золота, серебра, платины и бриллиантов на данном этапе занимались в мастерских, расположенных по ул. Пушкина, где работали знатные мастера-ювелиры Манцович, Бергер, Копан и др. В то же время, мастера изготавливали и дешевые украшения со стразами, столь популярные в начале прошлого века. Исходя из изученных исторических документов, можно составить неполный список мастеров-ювелиров, которые работали в отдельных мастерских или цехах в бессарабских городах в начале XX в. Среди них следует отметить такие имена, как Атацкая Черна, Гейман Капель (преимущественно продажа золота и серебра, ломбард), Алухер Ш., Бергер Х., Копан и Салита, «Декаденс», Хамидус, Лернер, Манцович М., Манцович, Прокупец, Пезенсон, Вайзер А. (Anuarul oraşului Chişinău, 1924).

Мастера ювелирных магазинов и мастерских занимались также скупкой и продажей лома драгоценных металлов, открывая даже свои ломбарды. Только один из магазинов Цалика Гробдука имел товароборот свыше 40 000 рублей. В Кишиневском ломбарде на Купеческой улице работали мастера-оценщики Трофим Митто и Василий Грунтенко. Будучи кассиром, в 1907 г. Савва Ожога через 6 лет стал распорядителем ломбарда, заменив на этом посту Константина Пурре (Адрес-Календарь, 1913). Городской ломбард имел филиалы и в других населенных пунктах – г. Каушаны и с. Талмаз (НАРМ, ф. 2, инв. 1, д. 9162). Это послужило поводом для отказа, 6 марта 1913 г., со стороны Министерства финансов и Секретной Канцелярии кредитования деятельности Акционерного Общества

Юго-Западный Ломбард, возглавляемого мастером Цудиком Дувидов Розенфельдом, его сыном Дувидом Цудиком (проживающими в Кишиневе, в доме на углу ул. Харалампиевской и Михайловской) и Гецелем Иосифом Либианом (проживающим в с. Пырлица Бельцкого уезда). Для открытия ломбарда и финансовых операций с драгоценными металлами Кишиневская городская тайная полиция собирала данные о финансовых возможностях и оборотных финансовых средствах, чистой годовой прибыли и доходе, политической и религиозной принадлежности, моральных качествах, а также множество других финансовых и юридических документов. Устав Кишиневского ломбарда, в общих чертах, повторяет соответствующий устав одесских ломбардов, например, ст. 47 предусматривала плату за сохранение и страхование заложенных ценных изделий в размере 1% от их стоимости, то есть 12% годовых, а ст. 49 – сокращение платы до 0,5% для ценных предметов, заложенных на срок более 6 месяцев.

Указом от 30 сентября 1923 г. деятельность ремесленных мастерских была подчинена законам, которые предусматривали создание специальной комиссии. Она оценивала возможность и условия работы ремесленников, объединенных в профессиональные цеха. В соответствии с законом, ремесленной деятельностью могли заниматься лица не моложе 25 лет, которые представляли документы о наличии гражданства, имели собственную мастерскую (История народного хозяйства МССР, 1977, 105). Оценка изделий молдавских ювелиров (проба, клеймо и латинская буква с) проводилась в Одесском Пробирном Управлении до середины 70-х гг. XX в., когда в Кишиневе была открыта собственная Пробир-

Вывеска магазина часов Шлихенмаера, начало XX в.

ная Палата (Постникова-Лосева, 1974, 312, 320).

Число ювелиров и модных портных (совместно с учениками), работавших в городах и при монастырях, намного превышало численность мастеров, которые трудились в селе. В соответствии с данными бессарабского исследователя Штефана Чобану (Ремесленная запись от 30 июня 1925 г.) можно сделать следующие выводы (Сіобану, 1926, 438):

- бессарабские ювелиры совместно с часовщиками составляли самую малочисленную артель; всего ювелиров и часовщиков в 1925 г. было зарегистрировано 182, из которых 150 работали в городе; общее число мастеров различных профессий и специальностей составляло свыше 16 270 человек;

- из 159 мастеров 128 работали в городе, а остальные 31 – в разных населенных пунктах;

- ювелиры предпочитали работать в основном в густо населенных городах, 14 мастеров трудились в городе и один мастер – в провинции;

- учеников ювелиры (в 1925 г. – 8 учеников) брали на обучение только в городских мастерских;

- в это время работало всего 2734 мастера, занимавшихся изготовлением одежды, из которых 1067 городских портных и 184 ученика. Кожаные изделия, в том числе и детали одежды, производили 2740 мастеров, а модных и востребованных закройщиков в 1925 г. было в общей сложности 384, из которых 94 портных и 12 учеников работали в городе.

Как показатель социально-экономического статуса человека в обществе, костюм позволяет составить общее представление об успехах модных и перспективных закройщиков, которые работали в молдавских городах. Например, модная мастерская мадам Кармановой, располагавшаяся по ул. Пушкина, предлагала в короткие сроки реализовать капризы самой изысканной модницы. Мужчины также не были обделены вниманием. Мужской портной из Англии Фурман, следуя моде, выполнял заказы из тканей заказчика или из своих материалов. Также можно было приобрести или заказать модный свадебный наряд в магазине-мастерской белья и приданого Ольшанецкого по ул. Пушкина. Особым спросом пользовались меховые шубы, которые можно было приобрести в магазине Белоцерковского. Ткани и сукно для новой одежды предлагались не только в Кишиневе. В г. Бельцы также действовали торговые дома «С. Ландау», «Г. Пономаренко», «Р. Лернер», «Х. Бернштейн и сыновья» с филиалом в Могилев-Подольске. В то же время, новинки

парфюмерии и аксессуары предлагали салон московского акционерного общества «К. Эрмансть К^о», а в Бельцах – М. Спивак и Г. Бужакер, лавка «Выгода» Бермана и др. Военное обмундирование и аксессуары можно было заказать в магазине военно-офицерских вещей Лернера или у военного портного гусарского Любенского полка. Мужскую, дамскую и детскую обувь новейших фасонов Петербургского товарищества заказывали в кишиневском фабричном магазине на ул. Александровской, а варшавскую обувь приобретали в магазине Гальпера (Адрес-календарь, 1913; Адрес-календарь, 1914). Простой анализ имен мастеров-ювелиров и мастеров по пошиву костюма приводит нас к основному выводу, что в Бессарабии в первой половине XX в. основную роль выполняли мастера-евреи, численность которых значительно превышала количество мастеров других национальностей.

С точки зрения автора данной статьи, ювелирные мастерские и ателье модной одежды Бессарабии начала XX в. следовали ряду традиций, существовавших в предыдущие исторические периоды. Местные ювелиры занимались изготовлением как дорогих украшений, так и дешевой бижутерии, а городские модницы имели возможность приобрести готовое изделие или сшить платье на заказ в многочисленных ателье, где работали профессионалы, применяя дорогую ткань, фурнитуру и придерживаясь тенденций моды благодаря весьма популярным подписным изданиям того времени: «С.-Петербургские Ведомости», «Нива», «Европейская жизнь», «Жаворонок», «Аполлон», «Против течения», «Свободные Художества» и др.

В послевоенное время экономика страны находилась в весьма тяжелом положении, но интерес к красивым украшениям открывает новые пути для оставшихся ювелиров. Архивные документы Кишиневского ювелирного завода (КЮЗ) предоставили уникальную возможность восстановить список мастеров, работавших в Кишиневской мастерской ювелирных изделий, официально зарегистрированной в 1966 г. Личные дела ювелиров свидетельствуют о деятельности мастеров-евреев задолго до 1966 г., так как еще в 1945–1953 гг. в Кишиневе работал «Молдвесоремтрест», который после 1953 г. был преобразован в производственное предприятие «Весомерприбор», вошедшее в 1976 г. в состав завода «Эталон» (Кишинев, 1984, 543). С 1967 г. начало действовать республиканское предприятие «Универсал», где предлагалось 77 различных услуг населению, включая ремонт и изготовление

ювелирных украшений (Кишинев, 1984, 497). На предприятии «Весомерприбор» начинали свою деятельность многие мастера, которые впоследствии стали учениками в ювелирной мастерской и знаменитыми ювелирами. Официальное признание деятельности Кишиневской мастерской ювелирных изделий связано с передачей (в 1966 г.) ювелирной промышленности СССР из подчинения Министерства торговли «Союзювелирторг» в подчинение Министерства промышленности СССР «Союзювелирпром» (Всесоюзное хозрасчетное объединение ювелирной промышленности). Многие мастера пришли на работу, испытав себя в качестве ювелира на открытой еще в 1958 г. Кишиневской фабрике «Прогресс», где действовал цех по производству золотых ювелирных изделий (АСПОМ, ф. 51, инв. 19, д. 237).

Кишиневская мастерская располагалась на Рышкановке, по ул. Карманова, 24, в полуподвальном помещении. Мастера работали в весьма тяжелых условиях. Директором мастерской был в то время Михаил Коган. Используя деревянные станки и простые приспособления для работы, ювелиры этой мастерской создавали свои украшения по собственным или где-то увиденным эскизам. Самым известным и востребованным считался ювелир-модельер Фред Таксир, изделия которого успешно продавались даже спустя несколько лет после открытия КЮЗа в 1972 г. В мастерской действовал и «литейный цех», где была найдена всего лишь одна изложница, позволявшая отливать украшения. Как вспоминает Валентин Георгиевич Сунцов, первый директор КЮЗа, в 1972 г., после его назначения на эту должность и ознакомления с мастерской, он осознал, что основную часть мастеров составляют ювелиры-евреи; молдаване и русские мастера были весьма немногочисленны,

Вывеска ювелира А. Вайзера, 1939 г.

как, например, единственная на тот момент женщина-шлифовщик Любовь Теслару¹.

Архивные данные позволяют сделать основные выводы по деятельности ювелиров-евреев в Кишиневской мастерской ювелирных изделий в 1966–1972 гг.:

- с этнической точки зрения, в Кишиневской мастерской работали мастера русской, молдавской и еврейской национальностей, при численном доминировании последних (в рамках данной статьи мы остановились на творчестве исключительно ювелиров еврейского происхождения). Из общего числа ювелиров (61), 10 мастеров были русского происхождения (16,5%), 4 – украинского (6,5%), 6 – молдавского (9,8%) и 41 – еврейского (67,2%). Преобладание мастеров-евреев не случайно: занятие ювелирным искусством, содержание ломбардов, скупка и продажа драгоценного металла и украшений считались ремеслом, исконно присущим лицам еврейского происхождения. В первой половине XX в. также необходимо отметить численное превосходство ювелиров-евреев, таких как Гробдрук, Алухер, Бергер, Хамидус, Лернер, Манцович, Вайзер и др.;

- из 61 работника Кишиневской мастерской, 43 ювелира были уроженцами Бессарабской губернии (70,5%) и 18 – из России или Украины (29,5%);

- в Кишиневской мастерской проходили обучение ученики со средним или неполным средним образованием, чаще всего окончившие только начальную школу. После 2–4-месячных курсов ученики приобретали профессию ювелира по следующим специализациям: литейщик, монтировщик, огранщик камней, шлифовальщик, художник-модельер;

- мастерство ювелиров оценивалось по разрядам. Самым низшим считался I разряд, для получения которого было необходимо пройти обучение от 2 до 6 месяцев и качественно выполнять работу, в зависимости от профессиональных навыков и стремления ювелира. Приобретенные разряды (I, II, III, IV) каждый раз утверждались на профессиональной специальной экзаменационной комиссии. Высшие категории (V–VI) присуждались исключительно за мастерство, умение работать с учениками и качественно выполнять эскизы и готовые изделия. В целом, для получения нового разряда хорошему и перспективному ювелиру было необходимо 2–3 года;

- с профессиональной точки зрения, 35 мастеров имели среднее образование (57,3%); 14 – среднее неполное (23%); 5 – высшее образование (8,2%); профессиональное специальное образо-

вание имел всего лишь один мастер (1,7%); начальную школу окончили 6 ювелиров (9,8);

- в Кишиневской мастерской работали ювелиры, профессиональная деятельность которых началась еще в 40–50-х гг. XX в. и продолжилась на КЮЗе. Среди них следует отметить таких мастеров, как Любовь Теслару, Фред Таксир, Мона Буряк, Давид Шофель и др., деятельность которых отмечена медалью «Ветеран труда». В то же время наблюдалась большая текучесть кадров в 70-х гг., когда, получив специальность ювелира I–II разряда, ювелиры переходили на работу в открытое в 1977 г. предприятие «Универсал», многие эмигрировали за границу, а после 1991 г. получили возможность открыть собственное дело;

- несомненная заслуга директора Кишиневской мастерской Михаила Когана состоит в формировании национальной школы ювелирного мастерства, сохранении многовековых традиций ювелирного ремесла и изготовлении украшений, исходя из местных обычаев. В основном это серьги недорогих сплавов, золота 375 пробы, известные как «молдавская серия» (серьги-лунницы или в виде стилизованного сердца, с различными растительными орнаментами, выполненными в технике гравирования).

Таким образом, ювелиры Кишиневской мастерской продолжили профессиональную деятельность уже в качестве мастеров Кишиневского ювелирного завода. Многие из них оставили неизгладимый след в развитии ювелирного искусства в Молдове. Бесспорным мастером был Фред Таксир, который изготавливал великолепные серьги и кольца по эскизам ведущих художников-модельеров КЮЗа. Ему принадлежат, например золотые серьги с вставкой из граната, обсидиана, опала, бирюзы и эмали, золотое кольцо с оригинальным цветочным орнаментом, утвержденные на заседании Художественного совета завода и «Союзювелирпрома» в 1976–1977 гг. (автор эскизов – Владимир Васильков). Многие изделия этого тандема (Васильков как автор и Таксир как ювелир) весьма привлекательны, технологически и художественно выполнены правильно, являясь сегодня свидетельством модных тенденций рассматриваемого периода. Выполнялись и индивидуальные заказы, например, золотые кольца с топазовыми вставками этих же мастеров. Известным автором и изготовителем собственных моделей на КЮЗе стал и Г. Мендюк, предлагая золотые серьги и кольца с цветными камнями и без них, выполняя оригинальные кулоны с корундом, с различными растительными орнаментами, с цветочными трилистниками (по эскизам худож-

ников-ювелиров «Союзювелирпрома»). А золотое кольцо с розовым кварцем (автор – В. Васильков, ювелир – Ф. Таксир) даже получило II премию на специализированном конкурсе «Союзювелирпрома» в 1978 г. Весьма оригинален комплект украшений (золотые серьги и кольцо) с жемчугом, мастерски выполненные тем же Таксиром (автор – художник-ювелир Т. Гаевская). Мастера работали с золотом 375 и 583 пробы, используя доступные цветные камни.

В 1973 г. на завод поступил учеником ювелира-монтажника Ефим Иосифович Штейнварц (1949 г. р., г. Черновцы, Украина, образование среднее). Уже через год он получает специальность ювелира I разряда, а в 1979 г. успешно работает ювелиром-монтажником III разряда. Полученные навыки помогли молодому ювелиру постигнуть специфику данной профессии, почувствовать металл и дыхание камня, а также дали возможность открыть собственное дело по ремонту и изготовлению украшений. И теперь уже сам мастер готовит учеников и помогает желающим обрести себя в ювелирном ремесле. Со временем Ефим Штейнварц освоил смежную профессию эмалиера, стал мастером ювелирного цеха и за особые заслуги был награжден медалью «Ветеран труда», проработав на КЮЗе свыше 20 лет. Профессионалом своего дела стал Туля Изелович Клецельман (1951 г. р., г. Дрокия), который работал в первое десятилетие становления КЮЗа, в период формирования местной ювелирной промышленности, получил специальность ювелира II разряда.

В заключение отметим, что если в XIX в. – 70-е гг. XX в. в молдавских городах действуют несколько мастерских, где работают, в основном, ювелиры еврейского происхождения, то в 80–90-е гг. прошлого столетия в Молдове существенно сократилось число ювелиров, многие из которых предпочли эмигрировать за границу. И, несмотря на некоторый подъем ювелирного дела в республике, отмечаемый в начале XXI в., число ювелирных и часовых мастерских, где работали мастера еврейского происхождения, заметно уменьшилось, что не могло не отразиться на развитии ювелирного искусства Республики Молдовы.

Литература

Адрес-Календарь Бессарабской губернии на 1907 г. Кишинев, 1907.

Адрес-Календарь Бессарабской губернии на 1911 г. Кишинев, 1911.

Адрес-Календарь Бессарабской губернии на 1913 г. Кишинев, 1913.

Адрес-Календарь Бессарабской губернии на 1914 г. Кишинев, 1914.

Архив социально-политических организаций Республики Молдова (АСПОРМ), фонд 51, инв. 7, дело 440, с. 29.

АСПОРМ, фонд 2, инв. 1, д. 5027.

АСПОРМ, фонд 51, инв. 19, д. 237, с. 21, 35, 37.

История народного хозяйства МССР. 1812–1917 гг. Кишинев: Штиинца, 1972.

История народного хозяйства МССР. 1917–1958. Кишинев: Штиинца, 1977.

Кишинев. Энциклопедия, Кишинев: Главная редакция Молдавской Советской Энциклопедии, 1984.

Кокырлэ П. Социально-экономическое развитие молдавского города в половине XVIII – начале XIX века. Кишинев: Штиинца, 1989.

НАРМ, фонд 6, инв. 5, д. 149, л. 14.

НАРМ, фонд 2, инв. 1, д. 9162.

Постникова-Лосева М. М. Русское ювелирное искусство. М., 1974.

Юбилейный сборник города Кишинева. 1812–1912. Кишинев: Издано Кишиневским городским общественным управлением, 1914.

Apuarul oraşului Chişinău. Chişinău şi judeţele din Basarabia. Chişinău: Ediţia Ş. Şapocinik, 1924.

Ciobanu Şt. Basarabia. Chişinău: Imprimeria statului, 1926.

Catalogul Atelierelor Arhiepiscopiei. Chişinău: Arhiepiscopia Chişinăului, 1940.

Cocârlă P. Târgurile sau oraşele Moldovei în epoca feudală. Secolele XV–XVIII. Chişinău: Universitas, 1991.

Ghibănescu Gh. Surete şi izvoade. Documente Basarabene. Iaşi: Dacia, 1922. Vol. XI.

Iorga N. Istoria industriilor la români. Bucureşti: Publicaţie pentru Societatea naţională de credit industrial, 1927.

Opisul Societăţii istorico-arheologice bisericesti basarabene. Chişinău, 1923.

Zelenciuc V., Kalaşnikova N. Vestimentaţia populaţiei oraşeneşti din Moldova (secolele XV–XIX). Chişinău: Ştiinţa, 1993.

Примечание

¹ Данная информация представлена В. Сунцовым, первым директором Кишиневского ювелирного завода, за что автор ему особенно признателен.

Rezumat

În paginile prezentului articol autorul discută despre dezvoltarea orfevrăriei în spaţiul pruto-nistrean, pusă în legătură cu creaţia meşterilor bijutieri de origine iudaică şi pentru care negoţul şi realizarea diverselor obiecte de podoabă a devenit ocupaţia de bază care aducea un venit semnificativ. La baza acestui studiu au stat documentele istorice, istoria orală şi articolele de bijuterie realizate de meşterii bijutieri ai vremii. Reieşind din materialul cercetat, autorul a ajuns la concluzia că în perioada vizată, arta giuvaiergeriei fusese profesată în general de bijutieri evrei.

Cuvinte-cheie: bijutier, evreu, arta giuvaiergeriei, articol de bijuterie, Moldova, creaţie.

Резюме

В данной статье автор рассматривает развитие ювелирного искусства в Днестровско-прутском междуречье, связанное с творчеством мастеров еврейского происхождения, для которых торговля и изготовление украшений стали основным занятием, приносящим немалый доход. Исторические документы, свидетельства очевидцев и красивые украшения стали неисчерпаемыми источниками для исследования данной темы. На основании изученного материала автор приходит к выводу, что в означенный период ювелирным ремеслом в Молдове, в основном, занимались мастера еврейского происхождения.

Ключевые слова: ювелир, еврей, ювелирное дело, украшение, Молдова, творчество.

Summary

In the format of this article the author considers a development of the Jeweller's Art in the Prut-Dniester Interfluvium connected with the creativity of Jewish goldsmiths that had a trade and adorning as the main business with sizeable income. The sources of this research on present theme are historical documents, eyewitnesses account and some adornments. On the base of this research for indicated period of time, the author had concluded that in Moldova the jewellery was a handicraft of Jewish masters.

Key words: Jeweller, Jews, Jewellery, adornment, Moldova, creativity.

Дмитрий ГАГАУЗ, Виталий СЫРФ

«ЕВРЕЙСКАЯ ТЕМА» В ФОЛЬКЛОРНОМ НАСЛЕДИИ ГАГАУЗОВ БЕССАРАБИИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

Первые социально-культурные контакты между евреями и гагаузами Бессарабии прослеживаются с последней четверти XVIII в. и поддерживаются на протяжении последующих столетий. Несмотря на такой продолжительный исторический период социальных взаимодействий, тема еврейско-гагаузских социально-экономических и этнокультурных отношений в научных публикациях ранее не рассматривалась специально. В связи с этим, предметом нашего сообщения и является еврейская проблематика, отраженная в различных аспектах традиционной бытовой культуры гагаузов Бессарабии, в первую очередь – в устном народно-поэтическом и музыкально-инструментальном творчестве.

Основным материалом для исследования послужили прозаические тексты и нотные записи танцевальных мелодий, опубликованные в фольклорном сборнике «Наречия бессарабских гагаузов» (Образцы, 1904), а также произведения, хранящиеся в личных архивах авторов¹. Кроме того, к анализу привлекались историко-этнографические (Берг, 1993; Зеленчук, 1979; Лукьянец, 2006; Мошков, 1901; Табак, 1997; Oișteanu, 2001), этнологические (Степанов, 2003; Степанов, 2011) и музыковедческие (Столяр, 2000; Chiseliță, 2006) источники.

Наше исследование не претендует на исчерпывающую полноту рассмотрения указанной выше проблемы, а является лишь попыткой обобщения и систематизации изученного нами материала.

«Едва ли не первое место после Кавказа из числа прочих уголков нашего обширного отечества, отличающихся этнографической пестротой населения, принадлежит Бессарабской области и в особенности трем южным ее уездам: Измаильскому, Аккерманскому и Бендерскому», – так начинается свое введение к фольклорному сборнику «Наречия бессарабских гагаузов» российский исследователь второй половины XIX – начала XX вв., член Императорского Русского географического общества В. А. Мошков (Образцы, 1904, I).

Далее автор дает краткую характеристику каждому народу или этнографической группе, исторически проживающим на территории южной Бессарабии. Вот что он отмечает относительно

но евреев: «Есть здесь, как и везде в юго-западном крае, евреи. Их насчитывают до 70 000 душ. Живут они частью в городах: Кишиневе, Хотине и др., а частью в земледельческих колониях, которых здесь насчитывается до шестнадцати» (там же, III).

Еврейское население на протяжении ряда веков, начиная с последних лет XIV в., постоянно и интенсивно заселяет сначала Молдавское княжество, а затем Бессарабию, за исключением того периода XVI в., когда в 1579 г. господарем Петром Шкьопу был издан закон об изгнании евреев из княжества из-за конкуренции с местными торговцами скотом (Берг, 1923, 135).

Гагаузы, как известно, в конце XVIII – начале XIX вв. в составе «задунайских переселенцев» становятся жителями Бессарабии, а после Сенатского указа Российской империи от 29 декабря 1819 г. они, наряду с другими балканскими народами (болгарами, албанцами, сербами, греками), получают статус колонистов (Скальковский, 1848). Приблизительная численность гагаузов, по подсчетам В. А. Мошкова, в конце XIX в. составляла около 70 000 человек (Мошков, 1904, VIII), хотя согласно Всероссийской переписи населения 1897 г. их насчитывалось всего 55 790 чел. (Первая всеобщая перепись, 1905, 70-73), евреев же в Бессарабии тогда проживало 228 168 чел. (там же), то есть их количество более чем в 4 раза превышало численность гагаузов.

В 1907 г. украинский демограф и статистик В. Н. Бутович самостоятельно провел перепись населения Бессарабии на основании специальных анкет, разосланных народным учителям и отчасти духовенству. Автор опубликовал полный перечень населенных пунктов губернии с подробными данными об их численности и этническом составе (Бутович, 1916). Эти данные свидетельствуют о том, что евреи проживали не только в крупных населенных пунктах, в местечках, но и в селах, пусть и в меньшем количестве, где соседствовали с молдаванами, украинцами, русскими, цыганами, поляками, болгарами, гагаузами (например, в Комрате, Чадыр-Лунге, Рени).

Основоположник российского гагаузоведения В. А. Мошков в своих этнографических очерках и материалах «Гагаузы Бендерского уезда» в

отдельной главе рассматривает отношение гагаузов к другим народностям Бессарабии, в том числе и к евреям, в связи с чем приведем следующую цитату: «В настоящее время, хотя гагаузам и приходится сталкиваться с евреями, как со своими соседями, но эти столкновения не имеют для них никакого обязательного характера. Евреи ездят по гагаузским селам и скупают у крестьян различные произведения сельского хозяйства, как-то: хлеб, домашнюю птицу, шкуры, старые золотые украшения и т. п.» (Мошков, 1901, 40).

В последующем очерке, посвященном верованиям гагаузов, В. А. Мошков поместил легендарный рассказ «Из жизни Христа» – на сюжет, известный всем православным народам, в котором повествуется о том, что евреи якобы повинны в смерти Иисуса Христа (Мошков, 1901a, 7).

В другой своей работе, упоминавшейся нами в начале сообщения – «Наречия бессарабских гагаузов», – В. А. Мошков в рубрике «Сказки, рассказы и легенды религиозного и мифологического содержания» публикует несколько текстов, содержащих в себе как библейские мотивы: «Ной», «Единоборство Давида с Голиафом» (Образцы, 1904, 20–22), «Иов многострадальный» (Там же, 54–56), так и рассмотрение различных аспектов собственно «еврейской темы»: «История креста Господня» (Там же, 23–24), «Хитрый Кузьма» (Там же, 108–111), «Людоеды, старик со старухой» (Там же, 160–165), «Еврей и хохол» (Там же, 165–167).

Рассказ «История креста Господня» (Образцы, 1904, 23–24) созвучен с предыдущим, о жизни Христа, однако в нем есть примечательные, на наш взгляд, штрихи: указание на возраст еврея – ему 120 лет, и на род его занятий – он книжник, и именно он подсказывает искателям, где зарыт крест Господень: «Наконец, взяли семь человек от 17 до 18 лет, и один из них указал на еврея 120-летнего, который нашел в книгах указание о месте, где зарыт был крест» (Там же, 24).

В остальных рассказах образы евреев связываются с коммерческой деятельностью, однако стремление к благополучию и достатку в жизненных перипетиях, в конце концов, оборачивается для них бедой и сущими неприятностями. Возьмем, к примеру, рассказ «Еврей и хохол», в котором повествуется о том, как еврей по причине своих физических (страдает «куриной слепотой») и психических качеств (доверчив, труслив, простодушен) не только теряет вырученные от продажи товара деньги, но и погибает (Мошков, 1904, 165–167).

Таким образом, фольклорные тексты, записанные в конце XIX в. у бессарабских гагаузов,

в которых просматривается их отношение к соседним народам, в том числе к евреям, свидетельствуют о том, что этническая обособленность и замкнутость в крестьянской среде гагаузов сдерживала тенденцию к сглаживанию межэтнических отношений в сельской местности, но они не были антагонистическими.

Рассмотрим далее отражение еврейской народно-музыкальной культуры в исполнительском творчестве бессарабских гагаузов конца XIX – начала XX вв.

Наряду со своей исконно гагаузской (тюркской) песенно-инструментальной жанровостью, гагаузам не чуждо использование в своих увеселительно-развлекательных мероприятиях (хору, свадебные торжества и, особенно городские танцевальные вечеринки) полюбившихся им песен и мелодий других народов, проживающих с ними по соседству, – болгар, русских, молдаван, евреев, поляков, цыган и др.

Подтверждением сказанному могут служить образцы музыкального творчества вышеперечисленных народов, записанные в среде гагаузов еще в конце XIX – начале XX вв. русским этнографом В. А. Мошковым и помещенные в качестве нотного приложения к его научному труду «Наречия бессарабских гагаузов» (Образцы, 1904, I прибавление, 13–21). Так, в указанном списке мы находим болгарскую (№ 10), молдавские (№ 20, 28, 29), чешскую (№ 23), польскую (№ 24), русскую (№ 21), цыганскую (№ 17) и четыре еврейские танцевальные мелодии (№ 13, 14, 15, 16).

Приведем в качестве иллюстрации по нашей теме два наиболее ярких примера (№ 15, № 16).

Последние примеры, а также данные в самом начале списка «Духовный стих об Аврааме», «Духовный стих об Алексее, божьем человеке» и обрядовая песня «Лазаре» вызывают у нас особый интерес, так как, при различной религиозной приверженности, менталитете, укладе и стиле жизни, казалось бы, мало что должно было объединять эти два бессарабских этноса. Однако наличие в гагаузском культурном быту еврейской музыкальной тематики по большому счету красноречиво говорит об уважении (и даже симпатии) гагаузов к «богоизбранному народу», их неподдельном увлечении еврейским мелосом.

Этому обстоятельству можно найти соответствующее объяснение, лежащее в ладовом строе еврейских мелодий, в строе, близком и характерном и для гагаузских музыкальных тем. В частности, как в еврейском, так и в гагаузском (тюркском) музыкальном фольклоре преобладают мелодии с минорными ладами, в которых нали-

Музыкальный фрагмент, состоящий из двух частей. Первая часть имеет заголовок «ЧЫФЫТЧА (ЕВРЕЙСКАЯ)» и начинается с ноты «1». Вторая часть имеет заголовок «Тоже.» и начинается с ноты «1 Vol.». В обеих частях музыка записана на нескольких станах нотного станка, с обозначениями «2 Vol.» и «3 Vol.».

чувствует характерная интонация с увеличенной секундой между VI и VII ступенями гармонического минора. Наблюдается общая черта – тенденция к скорбным интонациям, свойственным, в целом, и для тюркской страдальческой лирики (ашык гарип).

В приведенных В. А. Мошковым еврейских танцевальных мелодиях присутствует гармонический минорный лад (оба наших примера нотированы в ре-миноре), а завершение их на V ступени дает основание считать, что использованный здесь лад можно трактовать и как доминантный. В примере № 15 в качестве ладового контраста в начале среднего 8-тактового раздела введен параллельный мажор, однако уже к его концу вновь восстанавливается основная тональность – ре-минор. Относительно скорый темп, двухдольный

метр и строгая квадратная структура построения обоих образцов, несомненно, выдают их танцевальный характер и празднично-развлекательное предназначение.

Разумеется, имея много общего в ладовом, интонационном отношении, в метро-ритмическом же плане в гагаузских танцевальных мелодиях все же преобладают балканские так называемые «смешанные метры»: 5/16, 7/16, в особенности, 9/16 – «метр кадынжи».

Конечно, справедливости ради, необходимо заметить, что это увлечение еврейской, также как и русской, польской, чешской музыкой, наблюдалось в большей степени в гагаузской городской среде интеллигентов (учителей, врачей, чиновников), священников, а также купцов и других деловых людей.

Особенно хорошо это можно было видеть во второй половине XIX и в первой половине XX столетия на примере Комрата – бурно развивавшегося экономического, торгового и культурного центра юга Бессарабии. По этническому составу население его в начале XX в. было по преимуществу болгарско-гагаузским, но вслед за ними шли евреи (Бутович, 1916, 48). Здесь богатыми горожанами довольно часто устраивались воскресные и праздничные вечеринки типа танцевальных балов, куда для музыкального сопровождения привлекались как отдельные профессиональные музыканты, так и целые оркестры.

В качестве яркого примера можно привести знаменитый духовой оркестр Комратской мужской гимназии, которым в 20–30-е гг. прошлого века руководил композитор К. Н. Златов. Репертуар этого оркестра изобилует лучшими образцами разной в этническом отношении (в том числе еврейской) танцевальной, маршевой и другой жанровой музыки. Этот оркестр был широко известен не только в Комрате, но и далеко за его пределами.

Таким образом, рассмотрев лишь небольшую часть культурного наследия гагаузов Бессарабии на материале устнопоэтического и музыкально-инструментального творчества, мы констатируем отражение в их традиционной духовной культуре, пусть и в малом объеме, так называемой «еврейской темы», что обусловлено наличием социально-экономических и этнокультурных контактов между данными народами на протяжении последних более чем двух столетий. Полагаем, что еврейская нота зазвучит и при последующих исследованиях других аспектов традиционно-бытовой культуры гагаузов, и не только Бессарабии, но и остальных регионов их

компактного проживания (Добруджа, Приазовье, Северный Кавказ и др.).

Примечание

¹ Для облегчения пользования названия фольклорных произведений в тексте и в списке рукописных источников, а также примеры из них приводятся в переводе на русский язык.

Литература

Берг Л. С. Население Бессарабии. Этнографический состав и численность. Петроград, 1923.

Бутович В. Н. Материалы для этнографической карты Бессарабской губернии. Киев, 1916.

Зеленчук В. С. Население Бессарабии и Поднепровья в XIX в. (Этнические и социально-демографические процессы). Кишинев, 1979.

Лукьянец О. Коллективные представления народов Бессарабии друг о друге (первая половина XX века) // Этнографические исследования в Республике Молдова (история и современность). Кишинев, 2006.

Мошков В. А. Гагаузские тексты // Изв. Импер. Общества археологии, истории и этнографии при Импер. Казанском университете. Т. XIII, вып. 2. 1895.

Мошков В. А. Гагаузы Бендерского уезда (Этнографические очерки и материалы) // Этнографическое обозрение. М., 1901, № 2.

Мошков В. А. Гагаузы Бендерского уезда (Этнографические очерки и материалы) // Этнографическое обозрение. М., 1901, № 4 (а).

Образцы народной литературы тюркских племен, изд. В. Радловым. Часть X. Наречия бессарабских гагаузов / Тексты собраны и переведены В. Мошковым (с двумя прибавлениями). СПб., 1904.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. III. Бессарабская губерния. СПб., 1905.

Скальковский А. Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. Одесса, 1848.

Степанов В. П. Стереотипизация сознания и анекдоты на этническую тему // Вестник Славянского университета. Вып. 10. Кишинев, 2003.

Степанов В. П. Тема «гостя» в этническом анекдоте // Revista de etnologie și culturologie. Vol. IX–X. Chișinău, 2011.

Столяр З. Л. Еврейско-молдавские и еврейско-украинские музыкальные связи (на примере народного творчества) // Ежегодник Института межэтнических исследований. Т. I. Кишинэу, 2000.

Табак И. В. Особенности расселения евреев в Бессарабии и на левобережье Днестра в XIX – начале XX в. // Евреи в духовной жизни Молдовы. Страницы истории и современность. Кишинев, 1997.

Chiseliță V. Rezonanțe culturale evreiești în muzica tradițională de dans din Moldova și Bucovina // Republica Moldova – casa noastră comună: Materialele conferinței republicane științifico-practice. Chișinău, 21 august 2006. Culegere lucrări științifice. Республіка Молдова

– наш общий дом: Мат-лы респ. научно-практ. конф. Кишинев, 21 августа 2006 г. Сборник научных статей. Кишинев, 2006.

Oișteanu A. Imaginea evreului în cultura română. București, 2001.

Rezumat

Articolul prezintă în premieră motivul evreiesc reflectat în creația prozaică orală populară și muzical-instrumentală a găgăuzilor din Basarabia (sfârșitul secolului XIX – începutul secolului XX). Obiectivul principal rezidă în evidențierea și analiza „tematicii evreiești”, reflectată în colecția folclorică „Narechia bessarabskikh gagauzov” („Idiomele găgăuzilor din Basarabia”) și schițele etnografice „Gagaузы Бендерского уезда” („Găgăuzii din județul Bender”), publicate la începutul secolului XX de către cercetătorul rus V. A. Moșkov. Cultura muzicală populară a evreilor în aspect interpretativ a provocat un interes enorm printre găgăuzii basarabeni datorită similitudinii armoniei tonalității și intonației melosului evreiesc cu teme muzicale găgăuze (turcice).

Cuvinte-cheie: relațiile dintre evreii și găgăuzi, Basarabia, proza orală populară, creație muzical-instrumentală.

Резюме

В статье впервые в этнологии представлена еврейская проблематика, отраженная в устном народно-прозаическом и музыкально-инструментальном творчестве гагаузов Бессарабии (конец XIX – начало XX вв.). Основное внимание уделяется выявлению и анализу «еврейской темы», отраженной в материалах фольклорного сборника «Наречия бессарабских гагаузов» и этнографических очерков «Гагаузы Бендерского уезда», изданных в начале XX в. российским исследователем В. А. Мошковым. Еврейская народно-музыкальная культура в исполнительском отношении вызывала среди бессарабских гагаузов особый интерес благодаря близости ладово-интонационного строя еврейского мелоса к гагаузским (тюркским) музыкальным темам.

Ключевые слова: еврейско-гагаузские отношения, Бессарабия, устная народная проза, музыкально-инструментальное творчество.

Summary

This article for the first time in ethnology considers Jewish issues reflected in the oral folk prose and musical instrumental creations of the Gagauz from Bessarabia (late 19th c. – early 20th c.). It focuses on the identification and analysis of the “Jewish theme” on materials of the folklore collection “Narechiya bessarabskikh gagauzov” (“Dialects of the Bessarabian Gagauz”) and the ethnographic essays “Gagaузы Benderskogo uyezda” (“The Gagauz of the Bendery Uyezd”) published in the early 20th century by Russian researcher V. A. Moshkov. Jewish folk music culture was of particular interest for the Bessarabian Gagauz due to the proximity of modal and intonational tune of Jewish melodies to Gagauz (Turkic) musical themes.

Key words: Jewish-Gagauz relations, Bessarabia, oral folk prose, musical instrumental creations.

CULTUROLOGIE

Anastasia MOSCALIUC

JEWISH CONTRIBUTION TO ARCHITECTURE IN CHISINAU

Jewish architecture has no clear definitions, but it holds a special place in a wide spectrum of national architectures. There are several reasons for it. Unlike most other national architectures, Jewish one has been formed without any specific dereferencing and is characterized by so-called "mobility". Frequent migrations due to difficult social and political conditions affected not only sacral architecture of the Jewish people, but also many other construction fields. Forced migration and perpetual change of environment undoubtedly enriched technical and expressive means of Jewish architecture that combined constructive experience of the whole world. The diversity in architectural styles, as well as the necessities to meet engineering, geological and seismic requirements of a particular region lead to a very peculiar direction in the construction industry.

The presence of people is one of the fundamental characteristics of a city. Architecture needs a living human presence. Any building is functional as long as it serves the interests and meets the needs of its inhabitants. Given the complex migration processes that accompanied the history of the Jewish people, it can be argued that the buildings associated with the daily vital activities of the people are the legacy of Jewish architecture. Reproduction of key architectural trends of the area of residence under the condition of maintaining the Jewish tradition underlies Jewish national architecture and gives it a unique identity. At the same time it is obvious, that at the bottom of it there is a unique synthesis of cultures, which is often contradictory, transformed into a single artistic image over the course of time.

The absence of a single definition of Jewish architecture greatly expands the typology of buildings that fall under this wording. Thus, not only sacral but also residential, public and industrial buildings can be components of Jewish architecture. During the period of the late XIXth – early XXth centuries the Jewish population dominated in Chisinau inhabiting the city without any restrictions, the buildings of Jewish property were erected everywhere. The implementation of the master plan of 1834 significantly accelerated the construction processes and organized

the general development of Chisinau, especially in its upper part.

Traditionally by referring to Jewish architecture people usually mean synagogues and houses of worship, but it is not only religious architecture that the features of national architecture can be found in. Any building is closely connected with both its creator and those who inhabit it. The main purpose of architecture item is daily service to the society. A person begins to perceive the world through the prism of his/her native city. That is why the city is inseparable from its citizens and develops as long as there is a dialogue between the person and the city. The character of the city always reflects the philosophical essence of its' citizens life. The history of Chisinau is broadly determined by the history of Jewish presence in it. Therefore, not only the synagogues only few of which survived to this day, but also numerous residential, public, civil and industrial buildings bear the marks of a long-term residence of the Jews in Chisinau. To date more than a hundred architectural objects of various kinds related to the Jewish history have survived in the city. Most of these buildings used to be Jewish property until 1940.

The history of the Jews in Chisinau totals to more than three centuries. During this time, the city has experienced a lot of wars, destruction and natural disasters. Along with the change of epochs, architectural styles representing the social order were also changing. As a reflection of the spiritual culture of the citizens, the architecture developed under the influence of people's world outlook and the way of their life. The characters and types of buildings not only performed vital and social functions for a society, but were also cultural and even political symbols of a certain age. Along with the development of the world architectural styles (Gothic, Renaissance, Baroque, Classicism, Art Nouveau, etc.) national architecture was also developing continuously creating its own distinctive forms. Therefore Jewish architecture of Chisinau took on certain features of traditional Moldavian stone architecture. For example, residential houses built in the late XIXth century according to the „type” projects were made of sawn stone with

a regular form, instead of the previously used ashlar one. Thus, the walls had hardly notable „lapped” seams. In residential town planning of this period features of a country house are often found, such as stone porch with a wide platform and stone carving traditional in Moldavian architecture. Polychrome should also be mentioned as one of the oldest, original and distinctive traditions of Moldavian architecture, often used in the Jewish sacral buildings. Due to its versatility, polychrome took root in architectural tradition and was widely applied in the exteriors of Chisinau’s buildings remaining a completely unique phenomenon in the Bessarabian architecture.

The lack of a compact area of Jews residence, the so-called Jewish „ghetto”, was an important distinction between Chisinau and other cities with a significant proportion of Jewish population. There was no special area for Jewish site development. City residents, regardless of their nationality, could settle in any part of the city and implement professional and social activities there. Therefore, Jewish architecture in Chisinau was never limited by „ghetto” boundaries, as traditionally occurred in many European cities.

The planning solutions adopted in the XIXth century had been meeting the needs of the city for more than 100 years. In 1834 after the approval of the master plan, urban zoning emerged naturally. The city was divided into two regions: upper and lower. The upper region, as planned, was turned into urban quarters, while the lower region, despite administrative efforts, remained mostly working class suburb. There was no regular site development, prevailed over underclass.

The Lower City consisted of an irregular number of narrow streets with one-story buildings, where modest dolly shops, small craft shops and manufacturers, small and large industrial enterprises were located. Jewish craftsmen, which made up 67% of the total craftspeople population of Chisinau, resided and worked in the Lower City. Curvy and narrow streets followed the lay of the land dissected by ravines and gulches. Next to Old Market Square, hidden in the nest of narrow streets, an eponymously named Jewish Street was located, which is a lane, today non-existent. This symbolic place has not survived¹. Nowadays the territory of the former Old Market stretches between Grigore Vieru Boulevard and Pushkin Street, to the south of Jerusalem Street (during World War II that was the border of Jewish ghetto, established by Nazis in Chisinau). It runs from the south point of the Old Market to the street intersection of former Pavlovsky, Antonovsky and Inzovsky lanes. In 1998 the street was renamed as Jerusalem Street in honor of the 3000th anniversary of

Jerusalem, which is notorious in the pogrom of 1903 Asia Street lays thereby. Today it is referred to as Romana Street. Quite a few streets of the working class suburb survived up to this day.

However, not only Jews occupied the Lower City. According to the historical data, there were ethnic street names in this district, such as Moldavian, Greek and Serbian lanes, Armenian, Turkish and Jewish streets. Karaim Lane appeared after the Imperial Edict of 1829 came out, that forced the Jewish people to move from Sevastopol and Nikolaev „to Bessarabia on preferential terms”. To the south of the presumptive Jewish Street, the Armenian Church of the Holy Mother of God was located which had survived hitherto. At the same time, there were many synagogues and houses of prayer on the very territory of the Old Market² (Tsirelson’s list, 1940). Such a close proximity of various places of worship displays a high level of culture and ethnic tolerance among the city residents.

Considering the chaotic nature of the Jewish settlement, the property that belonged to Jews was to be found in every part of the city. Among them there were single-family detached houses (built to the standard design), mansions; lodgings with retail space on the ground floor; numerous educational institutions; orphanages; hospitals and clinics; hotels; public offices; banks and chambers of trade; large and small industrial enterprises, including mills. Jewish religious architecture had a very special place, adding up to 77 synagogues and houses of prayer in pre-war Chisinau in 1940. The quantity of synagogues conveys that they were to be found on almost every street. A Choral Synagogue by an unknown architect was erected in the city center in 1912. Only rich Jewish communities could afford visiting Choral Synagogues. The Burial Synagogue was also located at the Jewish Cemetery, the foundation date of which was not certain. However, it had already existed in 1812 and was located between the villages of Buiucani, Visterniceni and the Durlesti Road.

Traditionally, the lower and underprivileged area of the city was densely populated. All the residential quarters were formed according to area zoning by the degree of reliability, durability and professions of the inhabitants. The fundamental principle of urban planning and the use of the closed building method spread to both parts of Chisinau. Numerous mansions were built in the Upper City for Chisinau Jewish elite, customers of individual projecting.

The mansion of Kligman at the corner of Meshchanskaya and Aleksandrovsкая streets (today Stefan cel Mare Street) was built in 1896–1898 and now it is the greatest among the existing edifices. A brick

house of „standardized” design was located here from the middle of the XIXth century. The house was bought out and demolished by Moisey Kligman. He was a merchant of the top guild, a rich man of low birth, well known in Kishinev. On the empty plot a mansion was erected in Neoclassical style with a low-rise socle. The building adorns Chisinau centre up to the present day.

Another key object in Chisinau residential development is a mansion of Gamburd located on 63 Bucuresti street. It was built in the late XIXth century in neo-classical style and eclecticism. In the early XXth century it was purchased by Isak Gamburd, the father of a famous Bessarabian painter Moses Gamburd. A monogram with the initials „И” and „Г” in the Cyrillic alphabet has survived on the pediment of the portico crowning the main entrance.

Social architecture is a peculiar indicator of progressive changes in the society. From the middle of the XIXth to the beginning of the XXth century legal regulation of construction underwent considerable transformations. During that period public construction depended on the monarchical power and the status of settlement. By that time the construction of educational and medical institutions had come en masse. Generally, construction costs in Chisinau were supported by private Jewish capital. In spite of constructions rate at public buildings, social institutions were traditionally located in residential buildings up to the beginning of the XXth century.

According to Chisinau Annuary of 1940, the city amounted to 14 major hospitals, exclusive small clinics and private medical services. A lot of Jews were involved in different fields of medicine. The doctor's list mentioned in the Annuary proves this fact. Almost all clinics were located in the northern part of the city, relatively close to each other. In many cases different medical institutions are still located in the same places as well.

The following buildings are related to Jewish history of Chisinau. Today the former building of Dr. Yuliya Kvyatkovskiy eye clinic (118 Bucuresti Str.) built with the support of Jewish merchants is included into the treatment complex of ambulance service city hospital. According to Dr. Yuliya Kvyatkovskaya's memoirs published in Paris (1930), the first Chisinau's eye infirmary was equipped on the money of one thankful patient. A complex of buildings of Dr. Lazar Tumarkin hydropathic was located in the central part of the city on 11 Pushkin Street. The clinic was considered one of the most progressive in the South of Russian Empire. The Jewish Hospital Centre initially was placed at town outskirts, within its northern borders, on Kaushanskaya street (today Columna Str.); at the end of the XIXth century the hospital was found to be close to the city center. The Jewish community converted the hospital to one of the most beautiful buildings in the city. By the end of the 19th century, it was the largest and the only Jewish hospital in Chisinau. The complex involved multifaceted medical centre for Jews. Since 1944 the hospital has been renamed as the City Clinical Hospital № 4. All the departments, except the infectious disease ward, are located on the same premises. Qualified health professionals, most of whom have started their career under the guidance of old Jewish doctors, work there.

Jewish industrialists actively arrived in Bessarabia from other provinces of the Empire. Possessing considerable financial resources, they became the main building investors in the region. This fact fostered a rapid development of various manufactures. About a hundred of industrial facilities had operated in Chisinau in the early XXth century. They included lime, brick and tile factories, metallurgical works (including iron foundry); soapery, candle works and tobacco factory, tannery, as well as many craftsman schools. There were windmills and steam powered

Mansion of Kligman, 113 Stefan cel Mare Str. Photo I. Shihova.

mills, in addition to a highly developed food industry, including pasta and bread-baking plants, two fruit and viniculture factories, five cognac houses and three breweries.

The first attempt to build a brewery in Chisinau belongs to the Third Guild merchant Froim Engler and is dated to 1832–1833. In 1856 the mother of architect Bernardazzi acquired a plot on Meshchanskaya Street and divided it among her children. On the obtained plot Naum Tsigler built a brewery, which was opened in 1890. However, in 1983 the ownership of the brewery passed to the City Bank because of debt. In 1897 bourgeois Idel Shpirt redeemed it. After the construction and technological remodeling was completed in order to bring it up to date, the enterprise was named the First Bessarabian honey brewery „BOHEMIYA, the factory of fizzy and fruity drinks”. The abundance of production space and improved technology allowed the „BOHEMIYA” to attain high level. The factory distributed products not only all over Bessarabia, but also in Odessa, Iasi, Galati and other cities.

The only survived steam mill in Chisinau is a unique industrial architectural monument of the late XIXth – early XXth century. Known as „Red Mill”, one of the first Bessarabian steam mills was built in the second half of the XIXth century. An unremarkable one-storey building during 1850–1860, the mill changed several owners in a quarter of a century. Chisinau was growing, and so did people’s requirement for flour and bread, entrepreneurship was also developing. According to archival documents, already in 1884 the mill became roller-crushing and ran on steam.

As it appears from archival sources, according to the statement of the Mayor of Chisinau of May 8, 1892, the city had 1492 houses belonging to Jews, 42 houses of prayer and one synagogue. In 1904, the provincial government holds the following information: 1693 houses in the city were accommodated by Jews; there were 51 houses of prayer. The document further mentions that 4 more houses of prayer could be opened based on the recommendation on 30 residential houses for 1 house of prayer.

As Jews made the majority of Chisinau population in the first half of the XXth century, synagogues and houses of prayer formed an integral part of the cultural space of the city for decades. There is information about the existence of the list of rabbi Tsirelson³ that was made in 1911 and named 59 synagogues, including houses of prayer. By 1913, the city had 65 functional synagogues and houses of prayer. By the end of the 1930 Tsirelson updated his list and the number of synagogues allegedly reached 77. But

in 1939, the Romanian administration made an inventory of Jewish property, including synagogues and houses of prayer, where 65 names were mentioned again, with a specification of the address and, in some cases, the area was occupied by the synagogues.

The existence of synagogues in the city, likewise the quantity of synagogues, is an illustration of Jewish presence in it. Religious life of the community is impossible without synagogues. Only seven synagogue buildings survived from supposed 77 buildings existing in pre-war Chisinau.

They are:

- The synagogue building on Il’inskaya St. preserved its original look, including interior. Now the building belongs to another confession. It is located at the back of the yard, the access inside is prohibited.
- Synagogue „Beith – Amidrash” (Yeshiva „Sinai”) on 5 Leovskaya St. (Schusev St.) hosted yeshiva „Agudat Israel” in 1990s. Today the building is closed.
- Synagogue on 65 Nicolaevskaya street (61 Columna St.) The building is preserved without any exterior changes. Today it is a dwelling.
- Synagogue „Lemnariya” on 5 Pavlovscaya street (Diordita St.) Only vault basement is conserved. The new building of “KEDEM” Jewish centre is constructed above.
- Yeshiva „Tsirelson” with asylum for the elderly, on 8 Popovskaya St. (8 Rabbi Tsirilson St.), only exterior walls are preserved.
- Funeral synagogue „Beth Tahara”, on the old Jewish cemetery, only exterior walls are preserved.
- Synagogue „Gleizer sheel” at Yakimovskiy lane, the only acting synagogue today.
- On the place of previous Choral synagogue Russian Drama Theatre was erected (Parcalab St). There is a hypothesis that some of the synagogue premises are used as theatre deposits, but this has no documentary proof.

Religious architecture is the oldest, but at the same time, remains one of the most up-to-date trends in architecture. Architectural historian Carol Herselle Krinsky has written that synagogues „reveal especially clearly the connections between architecture and society” (Krinsky, 1985, 112). It is in the sacral architecture that the specificity of Jewish architecture is reflected. As it was seen, the vast majority of this kind of architecture of Bessarabia had a specific image. Here lies the invaluable cognitive importance of Jewish religious architecture and its uniqueness. The sacral architecture was specific mainly due to two factors: multinational Bessarabian society around the Jewish community and the steady adherence to tradition, the canonization of the traditional, archaic forms. Together with the traditions, the architecture

was influenced by structural and stylistic features of Chisinau urban environment.

All the types of Chisinau architecture concern buildings of previous Jewish property. The residential buildings are of three categories: standardized dwellings, lodgings and mansions. Public buildings are schools, colleges, asylums and hospitals. Industrial architecture is presented by brewery and mill. Many of these buildings are noted in the State Register of Historical and Cultural Monuments of Chisinau as monuments of national and local significance. Most of them still preserved their residential and public functions.

Note

¹ According to another version, Jewish Street was later renamed as Kagulsky Street, and before Stavrievsky Street. This street, located in the same district, was much longer.

² It is confirmed by German map of prewar Kishinev from 1940.

³ Yehuda Leib Tsirelson (1859–1941) was the Chief Rabbi of Bessarabia, a member of the Romanian parliament and a prominent Jewish leader.

Literature

Beiser M. Synagogues of CIS in the Past and Present. Jerusalem: Gesharim, 2002.

Boldur A. Istoria Basarabiei. Vol. III. Kishinev, 1940.

Ciobanu S. Basarabia. Populația, Istoria. București-Chișinău: Cultura, 1992.

Gangal B. Proiectul Centrului Istoric al Chișinăului la începutul sec. al XIX-lea. Kishinev: Arc, 2009.

Krinsky C. Synagogues of Europe. Architecture. History. Meaning, New York: MIT Press, 1985.

Notes of Bessarabian Regional Statistical Office. Kishinev, 1864.

Shoikhet S. Наш вклад в развитие градостроительства Молдовы. Kishinev: Museum, 1997.

Slutsky M. Мои воспоминания из детства, юности и полувековой врачебной и общественной деятельности. Kishinev, 1927.

Rezumat

În prima jumătate a secolului XX, evreii constituiau, după unele calculele, mai mult de 50% din populația orașului Chișinău. Acest fenomen demografic și antro-

pologic era simțit în orice sferă a vieții urbane, exercitând un impact asupra politicii generale de planificare urbană a orașului. Multe clădiri rezidențiale și instituții publice din fosta proprietate evreiască au fost conservate. Înainte de 1940 în Chișinău existau 77 de sinagogi și case de rugăciuni. În prezent au supraviețuit doar șapte clădiri de sinagogi. Prin urmare, diverse «locuri evreiești» din oraș au devenit o parte integrantă a spațiului urban indivizibil, atestând contribuții semnificative ale comunității evreiești în ansamblul mediului urban al Chișinăului.

Cuvinte-cheie: contribuție evreiască, Chișinău, arhitectură, planificare urbană.

Резюме

В первой половине XX в. евреи составляли более половины населения многонационального Кишинева. Этот демографический и антропологический феномен сказался на всех сферах городской жизни, оказав существенное влияние на градостроительную политику. Многие жилые и общественные здания, в том числе медицинские, учебные, торговые и промышленные предприятия, относящиеся к бывшей еврейской собственности, были сохранены. До 1940 г. в Кишиневе насчитывалось 77 синагог и молельных домов. В настоящее время сохранилось только семь синагогальных зданий. Таким образом, разнообразные «еврейские места» в городе стали составной частью единого городского пространства, подтверждая значительный вклад еврейской общины в городскую среду.

Ключевые слова: вклад евреев, Кишинев, архитектура, градостроительство.

Summary

During the first half of the 20th century, Chisinau's Jewish population was estimated at more than 50% of all residents. This demographic and anthropological phenomenon was felt in every walk of the city's life and had an impact on its urban planning. Many residential buildings and public institutions of the Jewish community, including medical, educational, commercial and industrial enterprises, have been conserved. However, of the 77 pre-war synagogues and Jewish prayer halls that existed, holding a special place in Chisinau's architecture, only seven buildings remain today. Hence the city's diverse "Jewish places" have become an integral part of one indivisible urban space, testifying to the community's significant contributions to the totality of Chisinau's urban environment.

Key words: Jewish contribution, Chisinau, architecture, urban planning.

Tamara NESTEROV

**ARHITECTUL DAVID PALATNIC –
„PERSONALITATE LARG CUNOSCUȚĂ ÎNTR-UN MEDIU RESTRÂNS”
(1913–1986)**

Numele marelui arhitect David Izrailevici Palatnic a fost scos din anonimat grație activității Muzeului Național de Arheologie și Istorie și Muzeului КЕДЕМ¹ și publicațiilor electronice ale unor arhitecți entuziaști – regretatului Grigore Bosenco², Eugen Smolin³, cercetătorului Constantin Șișcan⁴ și ziaristei Tatiana Solovieva⁵, săvârșindu-se, astfel într-un fel, o dreptate istorică, cu organizarea expoziției jubiliare în Chișinău, Bălți, Tiraspol. După aprecierile postume apare ca o autoritate în domeniul arhitecturii, o personalitate dotată cu cel mai înalt grad de inteligență, dar și cu o modestie și cu calități morale deosebite. Poate fi caracterizat după dictonul „personalitate larg cunoscută într-un mediu restrâns”, ce în cazul dat pierde din subtextul inițial ironic. În cea mai îndelungată perioadă a vieții sale de arhitect, David Izrailevici a activat într-un timp, care nu a fost favorabil arhitecturii ca artă, redusă la o fază în lungul proces al industriei constructive. În timpuri memorabile, când arhitectura, în spiritul tradițiilor artistice, cerea un efort intelectual și novator, arhitectul era apreciat după merit de către opinia publică, numele său fiind inclus pe o tăbliță lângă opera sa, dar nu și în perioada anilor ‘50–‘70 ai sec. XX în URSS – unde arhitectura ajunsese o componentă a mașinii de proiectare, unde creatorul era cunoscut doar de colegii de breaslă.

În asemenea perioadă l-am cunoscut pe arhitectul David Palatnic, cu care avusem câteva întâlniri de suflet. Mulți din cei care iau fost alături – îl cunosc mult mai bine, păstrând vie amintirea despre el, dar, după cum se afirmă, imaginea este integră de la depărtare, eu cunoscându-l prin creația sa. Fiind studentă la Facultatea de arhitectură a Institutului Politehnic din Chișinău, actuala Universitate Tehnică, am participat la conferința studentească cu genericul „Arhitecți din RSSM”. Erau propuse pentru cercetare creația unor arhitecți larg mediatizate în presă: V. Voițehovschi, V. Mednec, R. Curț, Gh. Solominov, ș. a., dar și câteva nume mai puțin cunoscute, printre acestea – D. I. Palatnic.

Curatorul grupei noastre A. H. Toramanean⁶ m-a sfătuit să studiez activitatea acestui arhitect, spunând: „Este o persoană deosebită, eu am să vorbesc cu el să te primească, vei face cunoștință cu el, îți va povesti și arăta proiectele sale”. Am făcut legătura telefonică cu arhitectul Palatnic, m-a invitat la el acasă

pentru o zi de odihnă, sâmbătă sau duminică. Locuia pe str. Alexandru cel Bun, nr. 62, într-un bloc cu patru etaje, la etajul trei, casă proiectată pentru proprii colaboratori de către Institutul unde activa, aliniată la linia roșie a străzii, cu intrările pe scară din curte. M-a întâlnit foarte amabil, invitându-mă să trec în biroul său de acasă, care era orientat cu fereastra spre stradă. Era îmbrăcat într-o vestă de cabinet – din flanea cafenie, cu guler și manșete matlasate din material mai întunecat, încheiată cu cheutori sub forma galunilor. S-a prezentat „David Izrailevici Palatnic”. Eu am rămas perplexă, deoarece eram sigură, judecând după inițiale numelui că trebuia să fie „Dmitrii Ivanovici Palatnic”. Era încă vie amintirea prigonirilor din secolul XX ale acestei etnii, drept consecință urmând modificarea numelor evreiești pentru a nu atrage atenția xenofobilor. Păstrarea numelui original era un act de curaj, o sfidare a opiniei depășite a mediului comunitar, arhitectul purtând cu aceeași demnitate, după cum am înțeles mai târziu, și ocolirea de către responsabilii pe cultură din RSSM a aprecierii sale ca personalitate remarcabilă în domeniul artei naționale.

Necătând la starea mea sufletească răvășită de modificarea scenariului imaginat al vizitei, am reținut în memorie detaliile specifice activității profesionale: masa de lucru cu planșeta pe care se afla o coală de vatman în lucru, instrumentele, cu aspect uzat, dar elegante, confecționate din inox cu placaje de culoare neagră, ș. a. Mult mai târziu am recunoscut aceste instrumente, transmise Muzeului Național de Istorie, filiala „Casa muzeu A. Șciusev”.

David Izrailevici a testat delicat prin câteva întrebări nivelul meu de pregătire și de înțelegere a fenomenului de arhitectură, corectând la un moment dat numirea profesiei de arhitect, utilizată în cazul unor mari personalități. Discuția avea loc în limba rusă, astfel că vorbind despre A. Șciusev, am spus „архитектор Шцусев”, la care D. Palatnic m-a corectat: „зодчий Шцусев”. Această intervenție, relatată mai târziu colegilor, a fost pentru noi un prilej de amuzare, căci, după părerea noastră, arhitectul era prea „ancorat” în trecut, folosind denumirea veche, cu o nuanță patetică și emfatică „зодчий”. Noi – încă niște copii mari, – repetam mai târziu acest cuvânt pentru a sublinia exigențele exagerate față de viitoarea profesie: doar era anul 1973, când arhitectura so-

vietică se afla într-o depresie indefinită ca durată și direcție de orientare, iar arhitectura contemporană din lumea capitalistă – apreciată denigrator.

După această introducere, arhitectul Palatnic mi-a arătat albumele cu fotografiile clădirilor edificate după proiectele sale și proiectele obiectivelor nerealizate, schițe, o listă a proiectelor și lucrărilor sale cu indicarea timpului când au fost realizate. Și nu s-a găsit în această arhivă personală nici o apreciere publicată în presa noastră despre activitatea sa! Comunicarea pe care aveam s-o prezint urma să fie prima apreciere a activității sale.

M-a invitat pentru o altă zi la Institutul de proiectări *Moldghiprostroï*, care se afla la capătul de nord al bulevardului Ștefan cel Mare, o clădire cu șase niveluri, o adevărată fabrică de proiectare, traversată în lung de un culoar central, de la care într-o parte și în alta se deschideau sălile largi și luminoase, dotate cu instalația de proiectare ortogonală – *culman*, D. I. Palatnic era șeful unui grup de proiectanți, alcătuit din arhitecți și constructori, numită impropriu *brigadă*, special organizată pentru elaborarea și perfectarea proiectelor-model de clădiri cu funcții publice și a blocurilor de locuit cu apartamente. Atunci mi-am dat seama din ce cauză era cunoscut doar într-un mediu restrâns, și aceasta nu numai din cauza specificului organizării activității arhitecturii sovietice din acea perioadă: David Izrailevici activa într-o ramură a arhitecturii unde personalitatea arhitectului se dizolva în numeroase edificii cu față comună, așa numita implementare a *modelelor exemplare* (rus. типовое проектирование) pentru construcții repetate, ridicate în mai multe localități, particularitate ce ștergea din originalitatea arhitecturii lor și aspectul lor comun era o mărturie a lipsei unui autor.

Din toate materialele acumulate și din impresiile vizitei la institutul de proiectări, biografia lui David Izrailevici Palatnic se releva tipică pentru intelectualii din URSS, din acea perioadă când se schimbau doctrinele ideologice și sistemele politice, se modificau hotarele între state, iar evoluția socială ridica exigențele față de confortul și aspectul locuințelor, a clădirilor publice și localităților.

...David Palatnic s-a născut la 1 decembrie 1913 în or. Balta, gubernia Novorosia, într-o familie de muncitori, tatăl său profesând meseria de pietrar. În 1929 familia trece cu traiul în Tiraspol, devenită capitala RSSAM, iar David, după școala medie continuă studiile la colegiul de construcții din Odesa (anii 1929–1932), după care, întors acasă, activează în organizația de proiectare a RSSAM „МолдАППУ” (Direcția Proiectării arhitectural-planimetrice Moldovenești) din Tiraspol. A început activitatea profesională în grupul arhitecților de orientare construc-

tivistă: M. E. Petrov (autorul clădirii Institutului pedagogic din Tiraspol) și D. P. Kovalenko, autorul clădiri de învățământ comunal (rus. = „Комвуз”), participând alături de ei la proiectarea clădirilor care formau piața Teatrului din Tiraspol. Destinul i-a mai oferit marea șansă de a se include în grupul de proiectare a clădirii Teatrului de dramă din Tiraspol (finalizat în 1936), cea mai târzie și cea mai vestică apariție a unei realizări în spirit constructivist de pe teritoriul fostei URSS, arhitect Gr. M. Gotghelf, care i-a fost ulterior profesor la facultatea de arhitectură a Institutului de construcții civile și comunale din Odesa, unde D. Palatnic își va continua studiile superioare în arhitectură între anii 1934–1939. Tot în perioada de orientare constructivistă i s-a încredințat proiectarea casei de locuit cu 32 de apartamente, amplasată la colțul cartierului mărginit de străzile Lenin și 25 Octombrie, finisată în 1933⁷, care a rezistat până astăzi, deși cu arhitectura ulterior modificată în perioada postbelică.

După absolvirea facultății a lucrat în Kiev, angajat al Institutului de proiectări Civile din Ucraina („Укргражданпроект”), după un an revine acasă și se angajează la Institutul Moldovenesc de Proiectări din Tiraspol. După alipirea în 1940 a teritoriului dintre Prut și Nistru la URSS, D. Palatnic este transferat cu serviciul la Chișinău, în funcția de arhitect superior în Institutul de proiectare a drumurilor (rus. „Дорпроект”) al tronsonului Odesa-Chișinău al căilor ferate din URSS. În cadrul acestei instituții a proiectat obiective specifice transportului feroviar – stații de cale ferată, cămine și locuințe pentru angajați. În iulie 1941, institutul, care era militarizat, este evacuat în orașul Armolinsk (actualul Țelinograd), tronsonul de cale ferată Caraganda, unde colaboratorii vor continua proiectarea de obiective pentru infrastructura căilor ferate până în mai 1944, când Institutul „Дорпроект” revine la Chișinău, iar D. Palatnic, avansat până la gradul de maior al serviciului feroviar, ocupă postul de arhitect principal. În această funcție s-a aflat peste 10 ani, proiectând obiective civile pentru calea ferată, dintre care cel mai important a fost refacerea anturajului urban al gării Chișinău, distrus în timpul celui de al doilea război mondial. A proiectat obiectivele ce formează astăzi ansamblul Pieții Gării, urmând ca prin mijloace arhitecturale să fie creată „poarta Chișinăului”, problema compozițională constând în crearea unui ansamblu al gării feroviare, al cărui obiectiv central deja exista: sediul administrativ cu sălile pentru pasageri și cu toată infrastructura inerentă, proiectat de L. Ciuprinin, consultat de către A. V. Șciusev, aspectul căruia era tributar stilizării arhitecturii vechi rusești, prezentând și prima realizare arhitectonică în stilul realismului socialist pe teritoriul RSSM, orientare la care se vor ralia în curând și arhitecții locali.

Arhitectura gării a influențat scara și aspectul Pieții Gării, formată la fațada de vest, patrulateră în plan, cu deschidere spre bulevardul Iu. Gagarin, conturată lateral cu câte trei case de locuit cu apartamente, ridicate în 3-4-5 niveluri, dotate cu unități comerciale la parter (alimentare, oficiu poștal, farmacie, magazine de mărfuri industriale, librărie, etc.), amplasate simetric în raport cu axa pieții. Forma circulară a golurilor de ferestre și a intrării gării și-au găsit replică în vitrinele unităților comerciale, subliniate de arhivolte, contrastând cu paramentul clădirilor tratat în piatră aparentă cu includerea cărămizii roșii și a panourilor decorative din ghips. Cea mai elaborată a fost clădirea de la colțul de sud-vest: o clădire cu 4 niveluri, cu planul unghiular, care prin compoziția volumetrică sublinia colțul străzii, soluție tradițională pentru orașele istorice, specifice secolului XIX, cu colțul teșit sub 45 gr., scos în evidență de rezalitele laterale. Detalii arhitectonice sunt inspirate din renașterea italiană: divizarea în trei registre a fațadelor, nivelul inferior cu rol de susținere, este tratat masiv prin trasarea bosajelor orizontale, străpunse de vitrinele în arc a parterului; iar partea consistentă a compoziției este reprezentată de nivelul intermediar – un portic colosal, alcătuit din trei arcade care unesc etajele, toată compoziția fiind încheiată de cornișa largă, susținută de console din piatră, cu toată modelatura specifică stilisticii. Această clădire se prezintă ca un model de arhitectură neoclasică, cu toate detaliile de rigoare: coloane, muluri, proporții, îndeplinind exigențele arhitecturii sovietice din acei ani. La fel de riguros au fost executate și fațadele posterioare ale casei, orientate spre curte, intrările fiind protejate cu copertine, susținute de console, dar executate din lemn sculptat. Detaliile din lemn de la cornișă și de la intrările din curte în scările clădirii, datorită prelucrării antiseptice și antipirine s-au păstrat excelent până astăzi.

Realizarea proiectelor clădirilor Pieții Gării s-a prelungit până în 1957, intersectând anul 1955, acel an al schimbării orientărilor stilistice ca urmare a Deciziei Guvernului URSS „*Cu privire la excesele din arhitectură*”, avându-se în vedere abundența decorului plastic. Această decizie a apărut, pe de o parte ca o reacție firească la ritmul încet de refacere postbelică a localităților și, pe de altă parte, la costul înalt la care se ridica edificarea clădirilor cu multă manoperă, ce s-a răsfrânt ulterior malefic asupra arhitecturii în general, și asupra finisării ansamblului Pieții Gării, în particular. Clădirile de la colțul sud-vest și de nord-est a pieței, și clădirile din mijlocul laturilor, au reușit să fie finalizate conform proiectului, dar arhitectura clădirilor de la colțul de nord-vest și de la sud-est a pieței, a fost modificată în corespundere cu regimul

de economie: clădirile au fost „despuiate” de decorația plastică, existentă la edificiile-corespondente lor, renunțându-se la forma în arc a vitrinelor, și adăugând fiecărei din acestea două câte un etaj, micșorându-se astfel sinecostul construcțiilor, soluții ad-hoc în corespundere cu renumita „Decizie”.

Concomitent cu proiectarea ansamblului Pieții Gării, David Palatnic a proiectat reconstrucția obiectivelor distruse ale căii ferate: pavilioanelor de pasageri din orașele Reni, Cetatea Albă, ambele realizate între anii 1949–1951, a proiectat gara stației Mereni de lângă Chișinău, între anii 1948–1955 – autor al proiectelor căminelor pentru 50, 100 și 124 de persoane, caselor de odihnă pentru brigăzile de feroviar, case de locuit pentru 2, 4, 8 și 12 apartamente, la multe stații ale tronsonului căilor ferate, ș. a.

Calea ferată din RSSM, era o componentă a celor sovietice, fiind subordonată Ministerului Transporturilor din URSS, o structură autonomă, care își crea propria infrastructură: școli, clădiri curative, cămine și locuințe de servicii, depozite, depouri, etc. Una dintre primele edificii civile ale regiei căilor ferate din Moldova a fost construcția școlii pentru copiii feroviarilor cu o capacitate de 400 de elevi (actualul liceu Minerva, Chișinău, str. 31 August, 1989, nr. 50), ridicată între anii 1945–1947 după proiectul lui D. Palatnic. Arhitectura clădirii, cu planul alcătuit dintr-un bloc cu două aripi laterale în formă de careu orientat spre stradă, se remarcă prin continuarea unor tradiții locale ale arhitecturii de instruire și, în același timp, al unor soluții novatoare, care răspundeau mai bine funcționalității școlii. Școala are două intrări: una de onoare din stradă, în fața căreia era organizată o lărgire a trotuarului sub forma unei piațete semicirculare, și alta – dinspre curtea școlii, pentru utilizare cotidiană. Compoziția spațial-volumetrică era inspirată din arhitectura profesională locală interbelică: ferestre cu cornișe decorative din țiglă, streășina largă a clădirii fiind susținută de o structură din lemn, alcătuită din câpriori cu capetele sculptate, susținuți de console din lemn, tratate decorativ, forme inspirate din arhitectura populară prelucrate cu artistism, care vor fi ulterior utilizate și la clădirile din Piața Gării. Deasupra intrării, era plasat balconul de la etaj, care era perceput drept o tribună, era element tradițional al arhitecturii școlilor, începând cu cele de la sfârșitul secolului XIX, păstrate în Chișinău: liceul zemstvei, liceul Iuliei von Gheiking, liceul Dadiani, liceul comercial, liceul pentru băieți nr. 2 și 3, ș. a., astfel profilându-se o continuitate a arhitecturii locale. O soluție nouă prezenta orientarea claselor spre curte, cu culoarul larg pentru recreații amplasat lateral, iluminat din abundență dinspre stradă.

Un alt obiectiv important din această perioadă

este clădirea fostului spital pentru feroviar (str. Columna, nr. 30, azi sediul Serviciului vamal din RM). Proiectul, început în 1946, peste un an a fost finalizat, participând la concursul unional de proiecte ale tinerilor arhitecți (D. Palatnic avea pe atunci 32 de ani), președinte al juriului A. Șciusev, care l-a apreciat fiind în spiritul orientării stilistice dominante ale timpului – realismul socialist, care a pus amprenta pe haina arhitectonică a structurii spațial-planimetrice funcționale, și ea inspirată din forme renescentiste și neoclasiche. Planul este în formă de careu dublu (forma literei H), cu două aripi laterale, cu o curte interioară la fațada posterioară și o curte de onoare în față, spațiul larg permițând o tratare peisagistică. Clădirea este în două niveluri, cu fațada principală simetrică, dominată de trei rezalite: două laterale și unul central, sub forma unui portic din cinci arcade, sprijinite pe piloni prismatici, dominat de un etaj atic, ce conferă clădirii un aspect monumental. Decorația plastică a fost inspirată din cultura popoarelor URSS, căile ferate, ca vasele sangvine, unind toate orașele din vastul imperiu sovietic, de aceea, pe panourile și detaliile arhitectonice, dotate cu simbolul medicinei: șarpele încolăcit în jurul cupei, au apărut discuri-rozete specifice culturii Asiei Centrale. Sunt și reliefuri ce reprezentau bogăția plaiului Moldovei: mere, strugurele de poamă, spice de grâu, floarea soarelui, știuleți de porumb, etc., și toată această expresie a belșugului, era reprezentată, destul de naturalist, pe lângă florile de acant stilizate și de reprezentarea stelei cu cinci colțuri, simbol revoluționar al puterii sovietice.

În această perioadă deosebit de tensionată creator și dominată ideologic, D. Palatnic a proiectat și alte obiective, de proporții mai mici: case de locuit pe lângă stațiile de cale ferată, cămine, case cu apartamente. Dintre acestea se distinge casa de locuit în două niveluri (Chișinău, str. Hâncești, 38), cu o soluție compozițională laconică, dar monumentală, necătând la destinația sa locativă, fenomen caracteristic pentru perioada postbelică. Are un plan alungit, retras de la linia străzii, în două niveluri, cu fațada simetrică. Partea centrală este evidențiată printr-o compoziție alcătuită din două retrageri suprapuse – terasa intrării la parter și logia la etaj. Terasă este îngărdită prin trei goluri în arc, conturate cu arhivolte, logia, mai lejeră este mărginită de două colonete de lemn, cu detalii fanteziste, cioplite artistic, care susțin partea mai ridicată a acoperișului. Paramentul este din piatră tăiată, cu parterul subliniat de bosale orizontale, ce sugerează vizual rolul lor de susținere a clădirii. Clădirea actuală a pierdut din aspectul autentic, dispărând balcoanele de la etaj, panourile decorative, făcându-și apariția baluștri la golurile laterale ale terasei de intrare. După același proiect a

fost construită încă o casă pe str. Muncești, în apropierea gării.

Din luna iulie 1955 și până în 1986, timp de peste patru decenii D. Palatnic a activat în cadrul Institutului *Moldghiprostroï* în funcția de arhitect principal al proiectelor, deși continua finisarea obiectivelor începute anterior, cum a fost amenajarea scuarului cu fântâni a Pieții Gării în 1959. Astfel, activitatea sa, cu dăruire totală și fără întrerupere, s-a desfășurat în cadrul a două instituții de proiectare, cu rezultate strălucite în fiecare din aceste perioade, dar cu schimbarea manierei de creație. Anul de cotitură în propria biografie a coincis cu returnarea orientării arhitecturale, care a avut loc în anul 1955, devenită o piatră de hotar în stilistica arhitecturii sovietice. Până în 1955 arhitectura era continuatoarea moștenirii neoclasiche, neorenescentiste și populare, de unde arhitecții alimentau cu suflu nou ideile proprii, ancorate în tradiția arhitecturii universale, iar după 1955 – creației arhitecturale în URSS i-au fost impuse anumite stavile, declanșându-se lupta cu *decorația plastică în arhitectură*, urmând ca efectul plastic să fie obținut doar prin procedee compoziționale: simetrie-asimetrie, contrast, nuanță, proporții, siluetă, policromie, etc., făcându-și apariția volume austere. Aceasta a fost lovitură de grație dată arhitecturii ca artă vizuală, deși, dacă este să ne orientăm la tendințele de atunci a arhitecturii universale, restricțiile, exprimau vluat, orientarea funcționalistă în arhitectură. Turnura spre arhitectura nouă a fost, însă, prea bruscă și în următorii 20–30 de ani arhitectura clădirilor era ascetică, lipsită total de haina decorului plastic. Este inutil de a căuta reacțiile arhitecților de atunci la această denigrare a tradițiilor milenare, restricțiile economice impuse au fost susținute, ca întotdeauna găsindu-se și argumentarea, și motivarea. Astfel, timpul respectiv nu a fost generos cu arhitecții, anul 1955 fiind an de cotitură, după care profesia de arhitect, creator de bunuri spațiale soluționate artistic, a cedat în fața inițiativei inginerului. Cutezanța, imaginația, fantezia, erau cai struniți, ținuți în chingi, și doar uneori, în cazul unor proiecte de clădiri importante, cu rol de dominante urbane, funcții sociale sau ideologice, erau sloboziți mai liber. Dar câte clădiri cu valoare de unicat erau realizate?

Una din șansele, unde s-au intersectat rigorile stricte ale funcționalității cu libertatea de exprimare a sentimentelor, i-a revenit lui D. Palatnic ca angajat al Institutului *Moldghiprostroï*: realizarea între anii 1956–1958 a proiectului intrării principale în parcul Valea Morilor (pe atunci *Parcul central de cultură și agrement*) cu organizarea a coborârii în trepte la oglindă. Acest proiect reprezintă o simbioză între orientarea veche și direcția nouă în arhitectură, in-

trarea în parc (str. Mateevici, 75) obținând aspectul unor propilee a ordinului doric, cu aură antică, iar scara cu treptele din granit roșu, a fost soluționată laconic, în forme pure, subordonată exigențelor ergonomice (trepte comode, popasuri) dar și peisagistice: găsirea locurilor de priveliște, schimbarea perspectivelor pentru a îndepărtarea monotoniei, rigorii compoziționale. D. Palatnic avusese deja o colaborare anterioară cu acest parc, elaborând proiectul unei mini căi ferate pentru copii, care ar fi realizat accesul la toate obiectivele parcului, dar care a așteptat prea mult timp implementarea, ca apoi proiectul să devină neactual și să fie înlocuit cu un trenuț din vagonete pe pneuri, care făcea legătura cu EREN-ul.

În perioada dictatului industriei constructive, când în centrul atenției s-a aflat elaborarea proiectelor *clădirilor-model* pentru locuințe și a obiectivelor de interes social, potențialul creator al arhitectului D. Palatnic, se deschide plenar, dar altfel. Împreună cu grupul de proiectare, a elaborat aproape toată nomenclatura proiectelor de școli și grădinițe pentru copii, de diverse capacități, case de cultură pentru localitățile rurale, casa pionerilor, palate de cultură. Proiectul-model al palatului de cultură, a fost construit în trei orașe: Chișinău (Palatul sindicatelor cu sala de spectacole de 800 locuri, str. Kiev), la Bălți și Cahul. Proiectarea locuințelor și căminelor a avut loc cu implementarea unei tehnologii noi – *cofrăj glisant*, o realizare în premieră în arhitectura URSS. În această tehnică au fost construite: complexul de 9–11 niveluri, str. Ismailului, 1968–1970; complexul căminelor cu 16 niveluri cu unități comerciale la parter, str. Calea Iașilor, 1974; complexul din trei imobile cu apartamente, de 16 niveluri, str. Miorița, anul 1975. A elaborat și obiective de unicat: sediul Uniunii Scriitorilor din RM, Chișinău, str. 31 August, anii 1969–1974, Centrul republican de protecție a sănătății mamei și copilului (Chișinău, str. Burebista), 1975–1986, etc.

Toate aceste proiecte și realizări sunt funcționale, confortabile, economice, dar, când vorbim de arta arhitecturii, ilustrând maniera individuală a maestrului, facem trimitere la construcțiile perioadei postbelice: școala, spitalul, anturajul Pieții Gării, scara de granit.

Luând în considerare toate cele auzite și văzute a fost elaborată comunicarea „*Creația postbelică a arhitectului D. Palatnic*”, cea ce prezentase pentru mine o descoperire, o viziune plastică armonioasă, executată la scara umană, cu atenție față de mediul înconjurător, cu elemente artistice inedite, prelucrări din creația populară, pe fundalul arhitecturii clasice. Era o optică nouă asupra moștenirii apropiate de timpul nostru, dar care, datorită aceleiași „*Decizii*” din 1955,

arhitectura postbelică ajunse în dizgrație. Comunicarea, bazată pe informațiile inedite, furnizate de eroul expunerii, a fost recomandată pentru publicare în revista „Moldova”.

Publicarea nu a fost simplă, umbrită de câteva momente jenante. Primul a a fost numele arhitectului. Redactorul de atunci, M. V., după ce a citit textul prescurtat al comunicării, s-a arătat indispus, a aruncat privirea pe fereastră, a oftat, apoi m-a întrebat „Dar noi nu avem de-ai noștri să-i prezentăm? Băieți buni, tineri, despre care merită să scriem, să le facem cunoscut numele?”. Reacția sa m-a întristat, adâncită în informații noi, cucerită de talentul, erudiția și cultura arhitectului Palatnic, uitasem de etnia sa, care se destrămase fără să știu când. Am răspuns ceva în genul „Nu sunt ziaristă. Textul prezentat este o cercetare de curs. Nu doresc nimic altceva decât să îndeplinesc hotărârea luată în cadrul conferinței”. S-a înmuiat, zicând „Lasă, nu mai plânge. Noi vom invita arhitectul la redacție, materialul tău va primi forma de interviu, așa că vino și tu”. În ziua stabilită am venit la redacția revistei. D. Palatnic era deja în cabinet. Și aici a intervenit un alt moment jenant. Trebuie de specificat, că era anul său jubiliar, D. Palatnic împlinise 60 de ani și crezuse că revista la propria inițiativă pregătește un material cu această ocazie. Dar am apărut eu, studenta, o începătoare, fără practică. Eu i-am simțit dezamăgirea. Și aceasta m-a îndepărtat, nedorind să par insistentă. Aceasta a fost ultima mea întâlnire cu D. Palatnic.

Materialul publicat în revista Moldova, în numărul 8, anul 1974, a fost redactat totalmente, cu schimbarea accentelor: de la aprecierea realizărilor arhitecturale de reală valoare din perioada postbelică, s-a trecut la tema relațiilor dintre veterani și tinerii specialiști cu relatarea succeselor proiectării obiectivelor-model...

Acum când nu mai este, îmi pare rău că din cauza unor temeri, n-am păstrat relația profesională cu D. Palatnic, mai ales fiind cunoscută activitatea sa de păstrare a informațiilor istorice despre arhitectura și arhitecții din Moldova.

...Cu trecerea timpului am conștientizat sensul adânc al denumirii vechi al profesiei de arhitect, utilizat de D. Palatnic „зодчий”, ce conținea în sine sensul ce desena cel mai bine transformarea clădirii în „mai mult decât o construcție”, subliniindu-se prin acest termen activitatea arhitectului într-o ipostază de *демиург*. Etimologia cuvântului „зодчий” este foarte curioasă, deși în dicționarele explicative „зодчий, зодчество” sunt considerate identice cu „*arhitect, arhitectură*”, ele au sens nuanțat diferit. „Зодчий, зодчество” provenind de la cuvântul „здь”, fonem comun pentru limbile slave și romanice (!), corespun-

zător românescului „*zid, perete din piatră*”. De la acest cuvânt provin „здати, здать, зидарь (rom.=zidar), зодчий”, cu sens tranzitiv „*a crea, creator*”⁸. Pentru a simți diferența de sens, verificăm termenul în expresia „*clădirea este opera unui colectiv de arhitecți*” prin înlocuirea cuvântului „*arhitecți*” cu termenul de „*creatori*” – „*clădirea este opera unui colectiv de creatori*” („коллектив зодчих”), ce sună absurd, deoarece creația este un act individual, arhitectul este autorul unic al ideii operei promovate, și implicit, responsabil pentru calitatea ei. Lecția dată mie de D. Palatnic cu privire la alegerea termenului potrivit pentru desenarea importanței valorice a omului de artă, prezenta pe atunci cunoștințe metafizice pentru înțelegerea unei realități ce lipsea din timpul proiectării colective, realizată cu spiritul și mâinile mai multor persoane, care, de fapt, erau lipsite de bucuria individuală în caz de succes și a amarului unui eșec.

Într-adevăr, după cum s-a exprimat Gr. Bosenco⁹ „*Palatnic este dispariția epocii erudiției și a culturii arhitecturale*”.

D. Palatnic, în anul 1985, cu un an înainte de a ieși la pensie, a fost distins cu titlul onorific „*Arhitect emerit al MSSR*”. S-a stins din viață în aprilie 1998, la 85 de ani, reușind să facă ordine în documentele sale și să le transmită la Arhiva RM, un tezaur de informații, care urmează a fi valorificat.

Note

Давид, сын Израила. <http://www.dorledor.info/node/15174.29/04/14>

Босенко Гр., Палатник Д. // Литература ши Арта Молдовеи, Т. 2, 1985, п. 133, Кишинэу, п. 113; Босенко Гр. Давид Палатник. Памяти архитектора // Экономическое обозрение, № 41, ноябрь 1998 г. С. 30.

<http://www.oldchisinau.com/forum/viewtopic.php?f=27&t=1323> (vizitat 5 august 2014)

Шишкан К. Давид Палатник // Молдавско-русские взаимосвязи в искусстве в лицах и персоналиях (XVIII – начало XXI вв.), Т. 2. Кишинев, 2010. С. 160.

Соловьёва Т. Сердцем, пером и кистью // <http://www.dorledor.info/node/14396.20/02/2014>

Toramanean Arșavir Horenovici (1927–2010, Erevan), doctor habilitat în arhitectură, între anii 1965 și 1979 profesor la Institutul Politehnic din Chișinău.

Кузь А. В. Становление молдавской советской архитектуры. Автореф. дисс. ... к. арх. М., 1987. С. 12.

Este noua interpretare a termenului „*arhitectura*” după Дм. Швидковский История архитектуры. М., 2008.

Босенко Гр. Памяти архитектора... С. 30.

Rezumat

Articolul este dedicat creației și personalității arhitectului David Palatnic, bazat pe amintirile autoarei și informațiile furnizate de arhitect în timpul a trei întâlniri, care avuse drept scop scrierea unui studiu studentesc.

D. Palatnic este autorul proiectelor unor clădiri cu arhitectură remarcabilă, deși era cunoscut mai mult ca autor al proiectelor clădirilor-model. În articol este analizată arhitectura celor mai importante clădiri, încă din perioada aflării lui D. Palatnic la Tiraspol, unde și-a început creația arhitecturală, alături de arhitectorii constructiviști. Trecând cu traiul în Chișinău, a proiectat ansamblul Pieții Gării, școala pentru copiii feroviarilor, spitalul feroviarilor, case de locuit, și scara din granit pentru coborâre la lacul din Parcul Lacul Morilor, etc.

Cuvinte-cheie: arhitect, Palatnic, creație, proiect-model, realism socialist în arhitectură.

Резюме

Статья посвящена творчеству и личности архитектора Давида Палатника. Она основана на воспоминаниях автора и информации, полученной от архитектора во время трех встреч, целью которых было студенческое исследование его творчества.

Д. Палатник является автором строений с замечательной архитектурой, хотя более известен как руководитель и автор типовых проектов. В статье подвергнуты анализу самые известные его произведения, начиная с пребывания в Тирасполе, где он прошел посвящение в специальность рядом с архитекторами-конструктивистами, продолжая творить, проектируя гражданские объекты железной дороги. Лучшие его проекты, которые характеризует особая творческая манера, являются национальным достоянием (ансамбль Привокзальной площади, бывшая железнодорожная школа, бывшее здание железнодорожной больницы, главный вход в парк Валя Морилор и др.).

Ключевые слова: зодчий, Палатник, творчество, типовое проектирование, социалистический реализм в архитектуре.

Summary

The article is dedicated to the creation and personality of the architect David Palatnic, based on memories of the author and information given by the architect during the three meetings that aimed writing a student research. D. Palatnic is the author of projects of certain buildings with a remarkable architecture, though he was better known as the author of model-building projects. This article analyzes the architecture of the most important buildings, starting with the period of stay of Mr. D. Palatnic in Tiraspol, where he began architectural creation. Going to live in Chisinau he projected the ensemble of Station Square, the school for children of railway workers, the railway hospital, residential homes, and the granite stair descending to the Park Valea Morilor, etc.

Key words: architect, Palatnic, creation, model-project, socialist realism in architecture.

Arhitectul D. Palatnic într-un moment de creație.
Anii '50 ai secolului al XX-lea

Imobilul din colțul sud-vest al Pieții Gării. Foto 2013

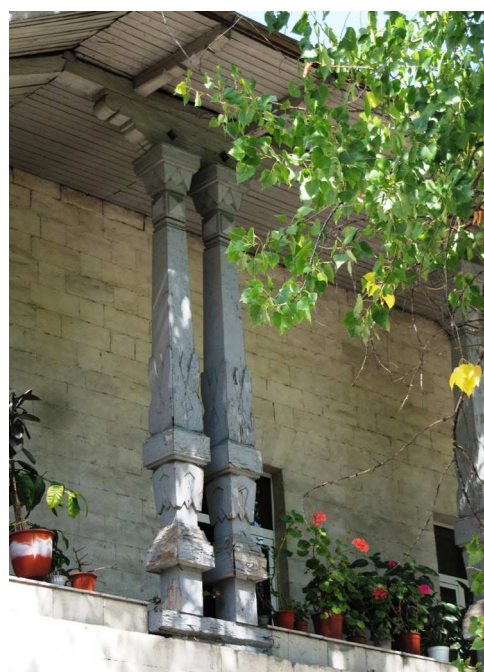
Clădirea fostei școli feroviare, str. 31 August 1989,
nr. 50. Foto 2013

Clădirea fostului spital al feroviarilor, str. Columna, nr. 30.
Foto 2013

Casa de pe șoseaua Hâncești, nr. 38. Aspectul original,
înainte de reconstrucție. Foto 1973

Coloană proiectată de D. Palatnic

CONTRIBUȚII LA STUDIUL CREAȚIEI GRAFICE A LUI ȘNEER COGAN

Artistul plastic și pedagogul basarabean Șneer Cogan s-a născut la 30 martie 1875 în orașul Orhei, într-o familie religioasă de evrei. După primirea educației tradiționale ebraice, se strămută cu familia la Chișinău, unde absolveste gimnaziul. La sfârșitul anilor '90 ai secolului al XIX-lea, împreună cu fratele său mai mic Moisei Kogan, studiază la Odesa profesia de inginer. Aici, ajungând într-un mediu artistic, este atras de pictură și decide să frecventeze Școala de Arte Plastice din Odesa. În 1903 pleacă la München, integrându-se efectiv în societatea pictorilor-expatriati, din care fac parte pictorii renumiți V. Kandinski și A. Iavlenski. Studiază la Academia Regală din Bavaria (München), participând, spre sfârșitul deceniului, cu lucrări plastice la expoziții de grup. În 1910 pleacă la Tel Aviv (Israel), unde execută și lucrări în mozaic. Revine în 1914 în Basarabia, dedicându-se creației artistice și, în mare măsură, instruirii artistico-plastice a tinerilor. Astfel, fondează în 1915 o școală particulară de artă care, cu patru ani mai târziu fuzionează cu Școala de Arte Plastice din Chișinău condusă de sculptorul Alexandru Plămădeală. Activează în cadrul acesteia ca pedagog de pictură și desen (Stavilă, 2000, 46) până la sfârșitul vieții sale (2 martie 1940). Printre cei mai remarcabili elevi ai lui Ș. Cogan au fost Moisei Gamburd (1903–1954) și Eugenia Gamburd (1913–1956), Mihail Beirehman (1908–2005), Olga Hrșanovskaia-Beslau (1900–1990), Elizaveta Ivanovsky (1910–2006) ș. a. (Stavilă, 2000).

Constituirea artei plastice basarabene a avut loc în rezultatul diferitor interferențe cultural-artistice: atât din partea peredviijnicilor din Rusia și Ucraina, cât și a celor procese moderne și postmoderne europene, ce au penetrat din partea de vest – România, Franța, Belgia, Germania. O importanță incontestabilă, în acest context, a avut-o activitatea la artiștilor plastici: L. Arionescu-Baillayre și A. Baillayre, V. Doncev, P. Piscariov, E. Maleșevscaia, Ș. Cogan, M. Gamburd, G. Fiurer, R. Ocușco, A. Plămădeală ș. a. (Гольцов, 1967, 160), precum și acele procese istorico-politice, care s-au desfășurat în ținut la sfârșitul secolului al XIX-lea – începutul secolului al XX-lea.

Șneer Cogan a avut un rol important în viața cultural-artistică a ținutului din perioada antebelică. A fost întemeietorul (1917) și conducătorul Societății de Arte Frumoase din Basarabia. La cele circa unsprezece saloane, organizate de Societate până în 1940, au participat, pe lângă Ș. Cogan și A. Plămădeală, pictori influenți, printre care pot fi menționați

August Baillayre (1879–1961), Vladimir Doncev (1878–1941), Aleksandr Tarabukin (1875–1943) ș.a. (Stavilă, 2000, 19).

Creația grafică a lui Șneer Cogan prezintă interes atât ca tehnică de figurare grafică – acvaforte, acvatinta – cât și din punct de vedere tematic, al organizării pozițional-artistice și stilistice a spațiului grafic. Deși sunt cunoscute, în aspect cantitativ, nu atât de multe stampe, acestea se remarcă printr-o manieră stilistică distinctă, formată sub influența expresioniștilor (Stavilă, 2000, 24), a „barbizonenilor” și a proceselor artistice din perioada „La Belle Époque” (Franța, 1871–1914).

Astfel, în fondurile Muzeului Național de Artă al Moldovei (MNAM) se păstrează un ciclu de gravuri în acvaforte, acvatinta, care reprezintă, preponderent, peisaje citadine, ce desemnează secvențe arhitecturale ale bisericilor, moscheilor sau edificiilor de locuit, precum și unele peisaje de landșaft realizate în perioada antebelică: *Casă în Chișinăul Vechi* (1932), *Vilă în apropierea Chișinăului* (1916), *Colina Inzov* (1918), *Balcic. Moschee* (anii 1930), *Constantinopol. Curtea Moscheii* (1934), *Biserica Mazarache* (1935–1936).

Formatul apropiat de cel pătrat, caracteristic pentru majoritatea lucrărilor, perspectiva frontală, aplatizată a spațiului pozițional – sunt specifice atât peisajelor, cât și portretelor lui Ș. Cogan. Spațiile grafice uniformizate și diferențierea promptă a luminii și umbrei, diapazonul tonal reținut al lucrărilor, frecvent integrat printr-o nuanță de cafeniu, expresivitatea vădită a liniei de contur a formei și impregnarea minimală a suprafețelor de clarobscur – denotă maniera stilistică proprie graficianului, prismată de influențele modernismului și postimpresionismului european – francez și german, unde a călătorit sau și-a efectuat studiile autorul. Eventual, unele din particularitățile descrise mai sus se datorează specificului de figurare grafică în tehnica acvaforte, acvatinta. Aceasta nu este decât o completare a stilisticii postmoderniste a graficianului, în care se atestă, într-o manieră specifică, elementul decorativismului și a simbolismului imaginii.

Domnite de o atmosferă calmă, solitară, lipsite de siluete figurative, de detalii sau prezențe auxiliare, peisajele citadine din ciclurile ce desemnează Chișinăul, Balcicul sau Constantinopolul sunt, practic, similare după tipul structurării poziționale și ca modalitate de operare cu elementele grafice ale lim-

bajului vizual. Această atmosferă de insolitudine se resimte în toate gravurile lui Ș. Cogan, inducându-l pe privitor pe pozițiile unui contemplator imparțial – mai mult al atmosferei decât al arhitecturii propriuzise. Or, valorațiile grafice tonale – cele ale suprafețelor arhitecturale având luminozitate mai mare, fapt care sugerează atmosfera specific imperturbabilă, germinală sau crepusculară a imaginilor – constituie, de fapt, elementul distinctiv al creației graficianului.

Trebuie de menționat, că o asemenea tratare artistică a spațiului compozițional o atestăm și la alți graficieni ai timpului. De exemplu, aceeași expresie poetică și manieră expresionistă de reprezentare denotă gravurile în acvaforte ale lui Grigore Fiurer: *Peisaj moldovenesc* (1947?), *Amurg* (1948), *Monumentul lui A. Pușkin din Chișinău* (1959) ș.a. Lucrările grafice vădesc o bună profesare a tehnicii de figurare, precum și calitățile relevate de desenator ale graficianului. În mod deosebit se remarcă peisajele lui G. Fiurer, distinse prin valorație tonală vibrantă a spațiilor compoziționale, fapt care oferă imaginilor o notă de concilianță și armonie. Bunăoară, acvafortele *Amurg* (1948) reprezintă o idilă a naturii în care, ca și în cazul peisajelor lirice ale lui Ș. Cogan, prin intermediul expresiilor tonale generalizate este redată atmosfera crepusculului pe malul unui lac.

În aceeași ordine de idei, apare specific portretul în interpretarea lui Șneer Cogan: *Bătrâna (Vânzătoarea de răsărită, 1935–1936)*, *Portretul unui evreu bătrân* (1935), *Icoană?* (1925) ș.a. Imaginile figurativului evlavios sunt încadrate, de asemenea, într-un format, apropiat de pătrat. Atât axa de înclinare a capului, cât și privirea „stinsă” a ochilor reprezentați,

de regulă, închiși sau abia întredeschși, creează o structură compozițională închisă, cu o dinamică vectorială intravertă a câmpului vizual. Acest efect este augmentat și de expresiile tonale apropiate ale imaginii, distribuite în suprafețe integre, generale ale figurativului, precum și de nuanțarea stampelor cu un „laviu” ocru-brun.

Este neordinară – ca mod de organizare compozițională și abordare a tipajului portretistic – gravura în acvaforte, acvatinta *Bătrâna* (1935–1936). Aceasta reprezintă portretul în profil a unei femei în vârstă, axa capului acesteia fiind ordonată ascendent corespunzător diagonalei formatului (practic, pătrat). În pofida unor trăsături specifice de portret (care induc, în careva măsură, la *Portretul mamei* de Albrecht Dürer) și structurarea dinamică a figurativului, chipul bătrânei exprimă calmitate și evlavie. Lucrarea se remarcă și prin organizarea grafică-tonală a suprafețelor compoziționale, aceasta atestând aceeași expresivitate și valorație, ca în cazul peisajelor graficianului.

Creația grafică a lui Șneer Cogan, realizată în baza gravurii pe metal (acvaforte, acvatinta) se rezumă, preponderent, la genurile peisaj și portret, acestea fiind relevante prin soluționări compozițional-artistice distinctive ale subiectelor abordate, dar, mai ales, prin maniera stilistică de abordare a spațiului compozițional și prin valorațiile tehnicii de figurare. Astfel, stampele realizate de Ș. Cogan impresionează prin lirismul și narativitatea imaginii, obținută prin „jocul” fin de semitonuri și o corelare tonală excelentă a suprafețelor, prin care se asigură integritatea și claritatea compoziției artistice.

Șneer Cogan. *Balcic. Moscheie*, anii 1930

Șneer Cogan. *Portretul unui evreu bătrân*, 1935

Literatura

Mocanu Igor. Mitul național în România marginală: azeziuni, împrumuturi și delimitări în arta din Basarabia (1887–1930) // <http://igormocanu.wordpress.com/2013/01/22/mitul-national-in-romania-marginala-adeziuni-imprumuturi-si-delimitari-in-arta-din-basarabia-1887-1930/> (vizitat 21 aprilie 2014).

Stavilă T. Arta plastică modernă din Basarabia. Chișinău: Știința, 2000, 160 p.

Гольцов Д., Зевина А., Лившиц М., Роднин К., Чезза Л., Эльтман И. Искусство Молдавии. Кишинев: Карта молдовеняскэ, 1967.

Графики Советской Молдавии / Автор-сост. Д. Гольцов. Москва: Советский художник, 1981.

Лившиц М., Чезза Л. Изобразительное искусство Молдавии. Кишинев, 1958.

Первая Республиканская выставка эстампа. Каталог / Автор-сост. К. Роднин. Кишинев, 1966.

Роднин К. Графика Советской Молдавии. Кишинев: Карта молдовеняскэ, 1963.

Шнеер Герцевич Коган // <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1202298> (vizitat 15 mai 2014)

Шнеер Коган/ Sneer Cogan // http://www.peoples.ru/art/painter/sneer_cogan/ (vizitat 13 mai 2014)

Rezumat

Artistul plastic și pedagog basarabean Șneer Cogan a avut un rol important în viața cultural-artistică a țării din perioada antebelică. Întemeietor și conducător al Societății de Arte Frumoase din Basarabia, a contribuit la proliferarea artelor plastice și la formarea unui contingent profesional de forță în domeniu. Printre cei mai remarcabili elevi ai lui Ș. Cogan se numără Moisei Gamburd și Eugenia Gamburd, Mihail Beirehman, Olga Hrșanovsk-Beslau, Elizaveta Ivanovsky ș.a. O importanță aparte are creația grafică a lui Șneer Cogan, realizată în baza gravurii pe metal – acvaforte, acvatinta. Stampele graficianului sunt relevante prin soluționări compozițional-artistice distinctive ale subiectelor abordate, se remarcă prin spații grafice uniformizate, cu un diapazon tonal reținut. Lucrările impresionează prin lirismul și narativitatea imaginii, obținute prin „jocul” fin de semitonuri și buna corelare a spațiilor grafice, prin care se asigură integritatea și claritatea compozițiilor artistice.

Cuvinte-cheie: Basarabia, arte plastice, grafică, gravură, plasticieni.

Резюме

Бессарабский художник и педагог Шнеер Коган сыграл важную роль в культурной и художественной жизни страны довоенного периода. Как основатель и руководитель Общества изящных искусств Бессарабии, он способствовал развитию изобразительного искусства, формированию профессиональных художников. Среди известных учеников Ш. Когана – Моисей и Евгения Гамбурд, Михаил Бейрехман, Ольга Хршановская-Беслау, Елизавета Ивановски и др. Особое значение имеет графическое творчество Шнеера Когана, основанное на техниках гравюры

на металле – офорт, акватинта. Гравюры Ш. Когана характеризуются уравновешенными соотношениями графических плоскостей, выдержанным тональным диапазоном. Благодаря тонкой «игре» полутонов и отличительной корреляции графических поверхностей, работы Когана впечатляют лиризмом и повествовательностью изображений, обеспечивая целостность и выразительность художественных композиций.

Ключевые слова: Бессарабия, изобразительное искусство, графика, гравюра, художники.

Summary

Bessarabian painter and teacher played a significant role in cultural and artistic life of country for the pre-war period. As the founder and head of the Society of Fine Arts of Bessarabia he promoted the development of visual arts and the formation of professional artists. Such as Moses and Eugenia Gamburd, Michael Beyrehman, Olga Hrșanovskaya-Beslau, Elisabeth Ivanovsky and others were among the famous pupils of Sh. Kogan. The particular importance for Sh. Kogan's graphical creativity was his technique based on metal engraving as etching and aquatint. Gravures of Sh. Kogan are characterized by proper correlation of graphic lanes, consistent tonal diapason. Due to the fine play of some halftones and distinctive graphic correlations of graphic surfaces, all works of Shneer Kogan are amazed by lyricism and imagination's richness of content, ensuring integrity of artistic compositions.

Key words: Bessarabia, fine art, graphic arts, etching, artists.

Șneer Cogan. *Icoană*. 1925

Andrei EMILCIUC

CONSIDERAȚII PRIVIND ROLUL ELEMENTULUI EVREIESC ÎN COMERȚUL EXTERN AL BASARABIEI (1812–1853)

Un rol important în comerțul Basarabiei după anexarea sa la Imperiul Rus prin pacea de la București din 16/28 mai 1812 le-a revenit, alături de negustorii armeni, greci și de alte etnii, negustorilor evrei. E adevărat ei erau cunoscuți pe teritoriul Țării Moldovei încă din perioada anterioară. Astfel, începând cu anul 1579, evreii beneficiau de anumite privilegii, din care cauză începând cu sec. al XVII-lea ei încep a fi persecutați și limitați în drepturi din cauza concurenței pe care le-o creau negustorilor moldoveni, ceea ce treptat a dus la diminuarea numărului evreilor implicați în comerțul țării (Бєр, 1993, 119). Însă, după 1812 situația în teritoriul dintre Prut și Nistru rupt din corpul țării se schimbă, iar numărul evreilor crește de pe seama imigrării lor din guberniile ruse și posesiunile habsburgice.

În Imperiul Rus evreilor li s-a impus încă prin ucazul din 1804 „dreptul” de a locui în cele 15 gubernii apusene, iar 1812 Basarabia a fost inclusă în rândul regiunilor unde evreii aveau dreptul de a se stabili. În marea lor majoritate aceștia se stabileau în centrele comerciale. În 1813, șeful vămilor de control N. Baikov, caracterizând orașul Akkerman, menționa că pe lângă negustorii greci, armeni, s-au stabilit în acest oraș-port și mulți evrei, care practicau nu doar comerțul intern, ci și cel extern prin intermediul negustorilor din Odesa¹. Izvoarele de arhivă îi atestă pe evrei și în alte așezări din Basarabia precum Chișinău, Orhei, Telenești, Criuleni, Călărași, Hâncești și altele². În baza cercetărilor realizate de etnograful rus A. Zașciuk în Basarabia către 1816 locuiau deja circa 5 mii familii de evrei (Защук, 1863, 325). Autoritățile regionale scriau în 1818 că în Chișinău erau înregistrate 696 familii de evrei³, numărul acestora fiind foarte mare și în Orhei⁴.

Mobilitatea înaltă de care dădeau dovadă evreii în modul lor de viață era strâns legată de specificul îndeletnicirii principale a acestora – comerțul. Însă din acest motiv ei erau percepuți ca un pericol real în perioadele de răspândire a epidemiilor. Autoritățile vamale susțineau ideea că una din principalele căi de pătrundere a molimei în provincie erau negustorii evrei, care practicau intens comerțul de contrabandă, ocolind măsurile sanitare impuse de organele de con-

trol. Astfel, la 3 august 1813 V. I. Poltavțov îi scria lui I. M. Hartingh, în baza informațiilor pe care le-a primit de la observatorii săi din carantina de la Sculeni, că mulți evrei, care constituiau o mare parte din numărul populației din această localitate practicau, de regulă, comerțul de contrabandă. În așa fel, aceștia puteau contribui la răspândirea molimei, care bântuia în posesiunile Imperiul Otoman, inclusiv și în Valahia⁵. V. I. Poltavțov i-a solicitat lui I. M. Hartingh să fie luate măsurile de rigoare: să se urmărească cu strictețe ca toți evreii ce erau stabiliți în Sculeni, și alte localități de frontieră să dispună de acte de identitate; să se stabilească activitatea pe care o practicau, locul unde se deplasează și în ce scopuri, iar la întoarcere să fie impuși să raporteze unde au fost și care a fost scopul deplasării etc. În cazul în care erau depistate încălcări, evreilor urma să li se interzică deplasarea în alte localități pentru realizarea activităților declarate oficial⁶.

La 2 aprilie 1817 Departamentul 2 a discutat dispoziția din 14 martie a lui A. N. Bahmetev privitor la obiecțiile făcute de Iușnevski cu referire la încălcările pe care le comiteau evreii la exportul mărfurilor din Basarabia și măsurile ce se impuneau pentru prevenirea acestor încălcări⁷. Departamentul a decis ca pentru exportul mărfurilor produse în Basarabia în guberniile interne ruse negustorii urmau să dispună de certificate comerciale eliberate de ispravnici sau de poliția orășenească locală cu care urmau a se prezenta la Departamentul 2 al guvernului provincial pentru a le fi eliberate certificatele comerciale necesare exportului mărfurilor prin vămile de la Nistru. Certificatele eliberate de poliție urmau să conțină informația de la cine a fost achiziționată marfa, din ce localitate cu indicarea exactă a tipului și cantității exacte, date pe care poliția urma să le verifice la fața locului.

Prin decizia din 28 noiembrie 1816 locuitorii Basarabiei au primit dreptul la exportul liber al mărfurilor de proveniență locală în guberniile ruse, cu prezența obligatorie a certificatelor comerciale. Însă, felul în care își organizau afacerile negustorii evrei, a dat peste cap prevederile concepute de guvernul rus pentru a controla și reglementa comerțul provinciilor nou-anexate. Astfel, în lunile octombrie-decem-

brie 1816 aceștia n-au exportat nici a patra parte din cantitatea de mărfuri fixată în certificate și practicau intens transmiterea certificatelor obținute altor evrei, contra unei plăți. Ca urmare șeful districtului vamal Dubăsari Iușnevski i-a adresat rezidentului plenipotențiar în Basarabia A. N. Bahmetev un memoriu, în care acesta semnala că abuzurile și practicile evreilor care achiziționau în cantități mari nuci, prune uscate, ceapă și piei de oaie etc., obțineau certificatele comerciale necesare exportării acestora peste Nistru, însă nu transportau întreaga cantitate odată, dar în timp diferit și cantități mici⁸. Ca rezultat, A. N. Bahmetev a dispus la 14 martie 1817 Departamentului 2 al guvernului provincial, ca negustorii să poată exporta fără plata taxelor vamale doar acele produse pe care le aveau pregătite pentru export, și doar timp de 2 săptămâni, după expirarea cărui termen certificatele comerciale pierzându-și valabilitatea⁹. Negustorii au fost înștiințați despre această decizie, iar Departamentul 2 urma să elibereze certificate comerciale doar în baza unor decizii speciale¹⁰. În plus, certificatul comercial urma să fie înmănat în Departamentul 2 sub semnătura persoanei pe numele căruia a fost eliberat acesta, iar despre fiecare caz urma să fie informat rezidentul plenipotențiar. La 6 aprilie 1817 despre noile reglementări au fost informate administrațiile locale¹¹.

Regulamentul organizării administrative a Basarabiei din 29 aprilie 1818 acorda evreilor dreptul de a se ocupa cu comerțul în baza cărților domnești, dar concomitent și a dispozițiilor adoptate de administrația imperială ce reglementa comerțul în Basarabia, cu condiția achitării impozitelor de stat și a taxelor locale (ПСЗРІ, 1830a, № 27357, 231). Negustorii evrei obțineau periodic unele drepturi suplimentare, dar la scurt timp, sub presiunea burgheziei comercial-industriale locale și acelei de guberniile interne ruse, aceste drepturi erau limitate prin alte legi (Зеленчук, 1979, 203).

În Basarabia numărul evreilor concentrați în orașele-porturi din provincie nu era atât de mare, majoritatea acestora practicând comerțul de frontieră. Astfel, în 1820 în orașelul Tucikov și cetatea Ismail se ocupau cu comerțul 242 de persoane, inclusiv: 28 dvoreni, 10 mici-burghezi moldoveni, 42 ruși, 10 bulgari, 6 ucraineni, 7 armeni, 74 fețe bisericesti și 65 evrei (Мунтян, 1971, 293). Pe de altă parte, în registrele vamale ale punctelor vamale de pe uscat Sculeni și Lipcani putem depista numeroși evrei, care practicau comerțul extern, ca comisionari ai unor negustori din Odesa, importând în Basarabia diferite produse. Astfel, Noe Zavelson, în calitate de comisionar al negustorului de ghilda întâi din Odesa Nimiyski, a importat în iulie 1819 prin punctul vamal Sculeni

sare¹², Mordka Uralis, în calitate de comisionar al negustorului de ghilda întâi din Odesa Zoia Kuțovski – sare și scânduri de pin¹³, iar în august 1819 – ulei de cânepă și pietre de construcție¹⁴. Mai mulți negustori importau în Basarabia mărfuri prin comisia negustorului de ghilda întâi din Odesa, Șmuli Levenson, spre exemplu, în martie 1822, Dimenberg – în sumă de 2400 ruble asigurate¹⁵; în septembrie 1822, Vernokov – în sumă de 22393 ruble¹⁶, iar în decembrie 1822 – în suma de 528 ruble asigurate¹⁷; în iunie 1823, Șliuma Mordkoviici – 6 mii de scânduri de pin și 200 mii de dranițe¹⁸.

Rolul negustorilor evrei în comerțul extern al Basarabiei nu se manifesta doar direct, ci și indirect¹⁹. Mulți din aceștia contractau trecerile de pe Nistru, care erau folosite intens la transportarea mărfurilor destinate atât exportului în guberniile interne ruse, cât și peste hotare. De multe ori aceștia dădeau dovadă de multă ingeniozitate, folosind la maximum situația juridică duplicitară a Basarabiei. Ca urmare, administrațiile locale încercau să includă în contractul de concesiune cât mai multe detalii. Astfel, în contractul prin care trecerea peste limanul Nistrului a fost concesiunată de дума din Akkerman pentru anul 1828 mic-burghezului Duid Abramovici, a fost inclusă clauza ca prețurile să se stabilească nu după vechile tradiții, ci conform unei liste atașate. Aceasta fixa ca de pe transportarea unui *cetvert* de grâu contractul să perceapă 3 copeici, de făină – 4 copeici, de orz – 9 copeici etc.²⁰.

După lichidarea autonomiei Basarabiei prin Regulamentul de administrarea a Basarabiei în 1828, s-a pus problema includerii Basarabiei în sistemul economic al Imperiul Rus. În timpul discutării acestei întrebări în ședința Consiliului de Miniștri ministrul de finanțe a propus să fie acordate privilegiile de 10 ani negustorilor ruși, dar și celor străini din Basarabia, pentru a stimula comerțul și a contribui la instituirea anumitor întreprinderi comercial-industriale în provincie²¹. Ucazul din 26 septembrie 1830, care se referea la introducerea sistemului de ghildă în provincie, acorda asemenea privilegiile, începând cu 1831, doar negustorilor străini care s-au transferat cu traiul în Basarabia de 10 ani, sau care manifestau dorința să primească cetățenia rusă și să se înscrie în rândurile burgheziei comerciale din provincie. Regulamentul prevedea, însă, că privilegiile nu se răspândeau asupra evreilor din străinătate, cărora le era interzis să treacă cu traiul în Rusia (Леванда, 1874, 275-276). Totodată, prin legea adoptată la 28 noiembrie 1830 a fost fixat la un termen de trei ani privilegiul la plata impozitelor acordat evreilor care se creștinau, privilegiu care anterior se acorda în Basarabia pe viață, e adevărat fără efect retroactiv (ПСЗРІ, 1831, № 4143, 433).

Nici după includerea Basarabiei în sistemul pieței interne ruse, comerțul extern nu a reprezentat o prioritate pentru etnicii evrei din provincie. Rapoartele administrației provinciale din 1835 sugerează că evreilor le revenea un rol neînsemnat în comerțul extern prin porturile Ismail, Reni și Chilia. Ei se ocupau de obicei cu comerțul mărunț²² și cu comercializarea băuturilor tari²³. De altfel, legislația ce îi viza pe evrei nu purta un caracter consecvent, fapt ce îi reținea pe mulți dintre aceștia să se aventureze în afaceri importante, precum cele legate de comerțul extern. Dacă la începutul secolului al XIX-lea evreii dețineau dreptul de a se ocupa cu vânzare băuturilor spirtoase și de a deține în concesiune cârciumi, în raza localității de reședință, ucazul Senatului guvernant din 8 aprilie 1836 a prevăzut neadmiterea evreilor în comerțul cu băuturi alcoolice în localitățile moșierești pe perioada concesiunii din 1835–1839 în Novorosia și Basarabia. Această decizie a fost aprobată de împărat la 12 mai 1836 (ПСЗРИ, 1837, № 9174, 520) în vederea punerii în aplicare a Regulamentului privitor la evrei din 13 aprilie 1835 (ПСЗРИ, № 8054, 308)²⁴. Este adevărat, la 9 martie 1837, în urma nemulțumirilor survenite chiar din partea concesionarului taxelor pe băuturi spirtoase din Akkerman, negustorul Carasic, împăratul a aprobat decizia Comitetului de Miniștri în privința permiterii concesionarilor cârciumilor moșierești din cuprinsul provinciei să comercializeze băuturi alcoolice prin intermediul evreilor (ПСЗРИ, 1838, № 10012, 146-147), însă la 15 august 1845 au fost adoptate un șir de noi restricții și limitări privitoare la încadrarea evreilor în producerea și comercializarea băuturilor spirtoase (ПСЗРИ, 1846, № 19289, 1034-1036). Pe de altă parte, odată cu obținerea în 1830 a independenței Greciei, și retragerea treptată a negustorilor greci din afacerile comerciale externe ale regiunilor din sud-vestul Imperiului Rus, această sferă a comerțului devine o nișă de neglijat, fapt care a determinat o implicare mai activă a evreilor în comerțul extern.

După 1835, odată cu creșterea cererii pe piața externă la cereale, evreii se implică tot mai activ în această ramură a exportului, care va deveni principală pentru regiunile de sud-vest ale Imperiului Rus. Paralel, pe măsură ce comerțul extern cu cereale din aceste regiuni este acaparat de negustorii evrei, precum cei de gilda întâi din Odesa Straș, Bernstein, Entingher ș.a. (Бернштейн, 1881, 79-80), crește numărul evreilor și în rândul intermediarilor ce acumulau pe loc cantitățile necesare pentru export, și le furnizau exportatorilor. De altfel, grosul tranzacțiilor cu cereale destinate marilor exportatori, negustori de gilda întâi, era intermediat de negustorii de ghildele a doua și a treia, inclusiv din Basarabia, printre care se numărau

foarte mulți evrei. Astfel, în anul 1835, printre negustorii din Akkerman, care au furnizat în Odesa cereale îl găsim pe negustorul evreu Maia Ușirovici cu 500 cetverturi de grâu, în 1836 – cu 400 cetverturi²⁵, în 1837 – cu 460 cetverturi de grâu²⁶, în 1838 – cu 1460 cetverturi de grâu, în 1839 – 700 cetverturi²⁷, în 1840 – 1000 cetverturi²⁸, în 1842 – 2000 cetverturi²⁹. Un alt exemplu similar era negustorul de gilda a treia Constantin Feșeld³⁰.

În anii '40 contractarea în Basarabia și transportarea cerealelor în portul Odesa a fost practic monopolizată de negustorii evrei, inclusiv din afara provinciei. Numele acestora apar în majoritatea dosarelor de arhivă ce țin de acest domeniu. Spre exemplu, în august 1846, la Chișinău se afla negustorul din Berdicev Moșko Kraiț, care avea cu anumiți locuitori din județul Chișinău și din alte județe ale Basarabiei contracte formale de livrare a grâului în Odesa și pretindea penalități pentru nerespectarea termenelor contractuale³¹. Negustorii evrei, de asemenea, angajau ca mandatar mic-burghezi, tot evrei, afacerile lor purtând un caracter etnic mult mai pronunțat decât al altor negustori, chiar și celor greci. Astfel, dintr-un înscris emis de Magistratura din Chișinău la 28 mai 1843 aflăm că Matei Puding, supus de Wurtemberg, reprezentantul legal al colonistului din Naiburgh (Basarabia) Petro Ferș, și Gavriil Gukovski, mic-burghez din Bălți, au încheiat o înțelegere de transportare și comercializare a grâului în Odesa. Dat fiind că Gukovski și-a exprimat nemulțumirea față de nerespectarea înțelegerii, ambii contractanți și-au delegat reprezentanți: Puding – pe colonistul Adam Șal, iar Gukovski – pe mic-burghezul Ușer Rubin, care urmau să medieze neînțelegerile timp de patru luni. Conform acordului încheiat la 15 iulie 1843 la Magistratura din Chișinău, dacă acești mediatorii nu ajungeau la o înțelegere, atunci funcționarul civil de clasa a 13-a Grigorii Grosu urma să ia o decizie definitivă, fără drept de atac³².

Contractarea cerealelor de la micii producători, de altfel destul de anevoioasă, din cauza litigiilor ce puteau apărea nu reprezenta pentru evrei o problemă în sine, ei fiind meșteri iscușiți în obținerea unor decizii favorabile în instanțele de judecată, și chiar s-au învățat a scoate venit din cele mai mici neconcordanțe din partea contractanților. Astfel, din procura dată de negustorul de gilda a treia din Chișinău Mordka Averduh în Magistratura orașenească din Chișinău la 5 mai 1844 aflăm că negustorul avea șase cereri depuse la Judecătoria județului Orhei pentru sumele care acesta le pretindea de la diferite persoane pentru nerespectarea contractelor de furnizare și transportare a cerealelor în Odesa: pentru nefurnizarea grâului de către moșierul Iordachie Chirichi suma de 1430 ruble

argint; de la căraușii cu care avea contracte de transportare a grâului în Odesa, pentru restanțele la predare la destinație: de la locuitorii satului Furceni Ivan Constantino, Ilia Corlan, Vasilie Nicolae – 15 cetverturi, de la locuitorii satului Brănești (?) Efrim Grachi, Nistor Puldor și Mihail Duca – 10 cetverturi 1 *cetveric*³³, de la locuitorii satului Morozești (Morozeni ?) Vasilie Toma, Dementii M. (indescifrabil) și Vasilie Blaghen – 13 cetverturi 6 *cetvericuri*, de la locuitorii satului Jora Alexandru Arnăut, Constantin Rudei și Vasilie Lesnic – 6 cetverturi, de la locuitorul satului Ipăței Leonție Dimitrachie și consătenii săi – 8 cetverturi și bani gheață 19 ruble argint; de la locuitorii satului Bogzești, pentru deteriorarea grâului descărcat pe drum – 12 ruble argint; și de la răzeșul din satul Onițcani Vasilie M. (indescifrabil) pentru nepredarea grâului conform contractului – 290 ruble argint. Toate aceste necesități, potrivit negustorului din Chișinău, o permanentă prezentare la organele de decizie și judiciare, lucru ce îl abătea de la afacerile sale. Ca urmare, acesta l-a mandatat pe mic-burghezul Froima M. Foinbran să îl reprezinte și să îi apare interesele³⁴.

Negustorii evrei își practicau afacerile cu o iscusință notorie, reușind să fie convingători în obținerea chiar și a celor mai dificile contracte. Un astfel de caz este descris în acțiunea judiciară inițiată de moșierul din județul Soroca Ștefan Leonard împotriva răzeșilor satului Cornești. La 5 ianuarie 1847, Ștefan Leonard a încheiat cu aceștia un contract de livrare prin căraușie a 317 chile de grâu la Odesa, pentru suma totală de 729,10 ruble. După afirmațiile moșierului, la 1 august, când grâul era gata de transportare, răzeșii au refuzat să presteze serviciile contractate, deoarece s-au înțeles cu niște evrei să transporte grâul în Odesa la un preț mult mai avantajos³⁵.

Succesul economic al evreilor, după cum subliniază istoricul american Jerry Z. Muller, era determinat în mare parte de capacitatea evreilor de a forma rețele sociale. Ei erau predispuși la relații personale mai largi, datorită faptului că în virtutea specificului religiei lor erau obiectul prejudecăților și animozității comunităților mai mari ne-evreiești și de aceea aveau un sentiment al comunității pe criterii etnice și religioase mai dezvoltat. O formă a acestei relații era și împărtășirea informațiilor cu alți evrei despre potențialele oportunități comerciale (Мюллер, 2011, 107).

După expirarea perioadei de privilegii fiscale din Basarabia, mulți evrei preferau să părăsească provincia, căutând noi oportunități³⁶. Astfel, în documentele de arhivă din anii '40 întâlnim multe cazuri când oficialii care alcătuiau registrele fiscale ale negustorilor de gildă din diferite orașe din Basarabia, explicând nedeclararea capitalului de către un negustor sau altul, indicau că acesta s-a transferat în alt oraș. Este cazul

și negustorilor evrei Gherșko Buștab din Chișinău (1842)³⁷, și cel al lui Gherșko Vaisban din Ismail³⁸, precum și al altora³⁹. De altfel, din raportul Dumei orașenești din Ismail către guvernatorul militar al Basarabiei pe anul 1852 aflăm că, potrivit reviziei din 1848, în oraș erau înscrise în starea socială de mic-burghezi 769 de familii de evrei, dintre care doar 349 se numărau ca fiind cu traiul permanent în Ismail, iar restul se aflau din 1831 în orașele Odesa (81 familii) și Herson (160 familii), precum și în localitățile Mostovo și Kantakuzino din județul Ananiev (179 de familii)⁴⁰. Din datele recensământului IX din 1835 aflăm că în Odesa locuiau 172 de persoane de ambele sexe, care făceau parte din Noua Societate a Evreilor din Ismail, după revizia din 27 iulie 1848 – 204 persoane, iar după cea din 20 iulie 1854 – 177 persoane⁴¹.

Această societate a fost formată din evreii expulzați conform ucazului din 20 noiembrie 1829 din orașele Sevastopol și Nikolaev, cărora li s-a acordat dreptul de a se stabili în Basarabia și de a beneficia de scutirea totală la plata impozitelor de stat acordată locuitorilor Ismailului pentru 25 de ani, în conformitate cu ucazul din 6 octombrie 1828, dar și celor din alte orașe din provincie, în conformitate cu Regulamentul din 26 septembrie 1830⁴². Prevederea în cauză a fost inclusă în decizia Comitetului de Miniștri, aprobată de împărat la 20 decembrie 1830 și publicată la 15 ianuarie 1831, ca urmare a unei solicitări survenite din partea negustorului evreu de gilda a doua din Nicolaev Aizin Râvkin (ПСЗРІ, 1831, № 4204, 537). Ca rezultat, numai pe parcursul anilor 1831–1835 din aceste orașe s-au transferat în Chișinău 42 familii de evrei (216 persoane), iar, ținând cont de celelalte orașe ale guberniilor Herson, Podolia, Ekaterinoslav, Kiev etc. – 252 familii (961 persoane), încadrându-se în rândurile micii burghezii basarabene⁴³. Beneficiind de aceste privilegii, mulți dintre aceștia figurau doar pe hârtie cu reședința în Ismail sau Chișinău, aflându-se de fapt acolo unde profiturile comerciale promiteau a fi mai mari. Nu e de mirare că, spre exemplu în anul 1840, în Odesa erau înregistrați 7091 de mici-burghezi din alte orașe ale imperiului, în 1849 – 8670, iar în 1852 – 9451 (Смольянинов, 1853, 418).

De altfel, un caz concludent despre practicile negustorilor evrei pentru depășirea restricțiilor ucazului din 20 noiembrie 1829, este cel al negustorului de gilda întâi din Nicolaev Șlema Rafalovici. Fiind nevoit formal să se înscrie în comunitatea negustorilor din orașul Chișinău, el a continuat să dețină monopolul contractelor de furnizare, mai ales a lemnului, pentru necesitățile flotei ruse de la Marea Neagră și Marea Azov, ajungând să obțină chiar câteva contracte importante de construcție a navelor

militare în Nicolaev. Istoricul A. N. Pavliuc scrie, de altfel, că în arhiva din or. Nicolaev se păstrează cererea din 29 octombrie 1830 a negustorului Șlema Rafalovici de a se muta în orașul Akkerman, dar și o cerere similară din 1 noiembrie 1830 deja pentru a i se permite a se muta în orașul Odesa. Cu toate acestea, Șlema fie nu s-a mutat în Odesa, fie a stat acolo foarte puțin, înscriindu-se la scurt timp în rândul negustorilor de gildă întâi din Chișinău (Павлюк, 2010, 32-34), iar urmașii săi au continuat a figura aici și în anii 50 ai secolului al XIX-lea. Cel mai probabil aceștia, chiar dacă făceau parte din comunitatea negustorilor din Chișinău, continuau a se afla în Nicolaev, unde prezența lor era necesară pentru onorarea contractelor. În 1859, odată cu scoaterea interdicției, urmașii săi, negustorii de primă gildă din Chișinău Revekka și Alexandr Rafalovici, au fost printre primii evrei care s-au reînscris în rândurile negustorilor din Nicolaev. Este de notat, totuși, că pe lângă faptul că dețineau numeroase imobile în Chișinău, negustorii Rafalovici, aveau în proprietate în Basarabia și largi suprafețe forestiere. Astfel, spre exemplu, în lista pădurilor din Basarabia întocmită în anul 1865 de colonel-inginerul A. V. Novgorodțev pentru Comitetul Regional de Statistică, pădurea din Zarojeni (1850 desetine) din jud. Hotin aparținea negustorului Rafalovici (Ведомость., 1864, 234). Necesitatea acestor proprietăți era una prozaică, deoarece, în conformitate cu legea, ele se foloseau drept garanție la licitațiile pentru acordarea concesiunilor și a contractelor de stat, iar în cazul pădurii este clar că era folosită pe post de sursă de lemn pentru afacerile de construcție a navelor militare. Pe de altă parte, acest lucru demonstrează că chiar și acei mari negustori evrei de gilda întâi din Basarabia nu pot fi considerați automat promotori de operațiuni comerciale externe. În cazul dat înscrierea în gilda întâi a fost generată de necesitatea eligibilității contractării concesiunilor și contractelor de stat mai mari de 50000 de ruble (ПСЗРИ, 1830b, № 30115, 590).

Potrivit calculelor istoricului Valentin Tomuleț, în perioada dintre 1849–1863, conform certificatelor comerciale eliberate, rolul de bază în comerțul Basarabiei le-a revenit evreilor, care dețineau 61,8% din numărul total de certificate (64,6% – negustorilor ce nu dispuneau de dreptul la avantaje și 44,4% – cu avantaje), însă lor le revenea doar 0,8% din numărul certificatelor comerciale de gilda întâi (0,2% – fără avantaje și 6,1% – cu avantaje) și 2,6% de gilda a doua (0,7% – fără avantaje și 19,7% – cu avantaje) (Tomuleț, 2002, 352). Însă, necesită a fi luat în considerare faptul că numărul capitalurilor de primele două ghilde era foarte mic în Basarabia, comparativ cu regiunile vecine. Astfel, în 1851 în Basarabia au

fost declarate doar 7 capitaluri comerciale de gilda întâi și 19 de gilda a doua, însumând în total 219 mii ruble argint. În anul 1852 respectiv 3 și 17, însumând 147 mii ruble argint⁴⁴. Spre comparație, în 1852, doar în orașul-port Odesa fuseseră declarate 60 de capitaluri comerciale de gilda întâi și 90 de gilda doi (Смольянинов, 1853, 418).

Mulți negustori și mic-burghezi din orașele din afara Basarabiei, precum Berdicev sau Odesa activau intens și în provincie. În Odesa numărul evreilor în rândul negustorilor era la fel majoritar, astfel în 1852 din cele 5466 de persoane ce beneficiau de drepturile negustorilor de gildă, 2907 erau evrei (53,1%) (Смольянинов, 1853, 429-430), iar în 1853 din 5601 – respectiv 2928 (52,2%). În anul 1853, în Odesa se numărau 50256 mic-burghezi, dintre care 7712 figurau ca evrei (Новороссийский., 1853, 406-407). Numărul capitalurilor negustorilor evrei era mai mic, dar în virtutea faptului că întreaga familie a persoanei ce a declarat capitalul se bucura de privilegiile respective, precum și datorită faptului că familiile evreilor erau numeroase, aceștia predominau numeric. Mai mult decât atât, având strânse legături între ei, negustorii evrei, foloseau deseori practica concesiunii drepturilor pe care le dețineau ca negustori de gildă, unor mici-burghezi de aceeași etnie. Astfel, comunitatea evreiască reușea să depășească restricțiile impuse de sistemul de gildă. Potrivit afirmațiilor oficialilor din Odesa, a cincina parte a mic-burghezilor înscriși în listele de aici nu locuiau în oraș și activau în afara lui (Рындзюнский, 1959, 343).

În concluzie putem afirma că deși elementul evreiesc nu s-a inclus în perioada abordată prea intens în comerțul extern al Basarabiei, ci mai mult în cel intern, el a contribuit la dezvoltarea acestuia prin faptul că a servit drept un intermediar exemplar între producători și marii negustori exportatori din Odesa, Ismail și Reni. În marea lor majoritate negustori de gilda a treia și mic-burghezi, evreii stabileau foarte ușor legături între toate verigile comerciale, reușind să obțină toate privilegiile și accețiunile de la instanțele judecătorești și administrative și să ocolească toate restricțiile dictate de guvernul de la Sankt Petersburg. În așa mod se reușea să se pună în mișcare mecanismul pieței capitaliste de mărfuri, într-un sistem încă plin de elemente feudale.

Note

¹ Arhiva Istorică de Stat din Rusia, F. 19, inv. 3, d. 129, f. 222.

² Arhiva Națională a Republicii Moldova (în continuare ANRM), F. 5, inv. 2, d. 743, f. 35-36 verso.

³ ANRM, F. 75, inv. 1, d. 57, f. 82.

⁴ ANRM, F. 5, inv. 2, d. 743, f. 35.

⁵ ANRM, F. 2, inv. 1, d. 210, f. 56-56 verso.

- ⁶ ANRM, F. 2, inv. 1, d. 210, f. 56 verso – 57.
⁷ ANRM, F. 5, inv. 3, d. 586, f. 22-25.
⁸ ANRM, F. 5, inv. 2, d. 690, f. 5 verso.
⁹ ANRM, F. 5, inv. 2, d. 690, f. 6.
¹⁰ ANRM, F. 5, inv. 2, d. 690, f. 6 verso.
¹¹ ANRM, F. 5, inv. 3, d. 585, f. 48-50.
¹² ANRM, F. 17, inv. 1, d. 126, f. 37 verso.
¹³ ANRM, F. 17, inv. 1, d. 126, f. 37 verso, 39 verso.
¹⁴ ANRM, F. 17, inv. 1, d. 126, f. 329 verso – 330.
¹⁵ ANRM, F. 17, inv. 1, d. 180, f. 114.
¹⁶ ANRM, F. 17, inv. 1, d. 173, f. 189.
¹⁷ ANRM, F. 17, inv. 1, d. 202, f. 111.
¹⁸ ANRM, F. 17, inv. 1, d. 201, f. 40.
¹⁹ ANRM, F. 3, inv. 1, d. 614, f. 1; ANRM, F. 3, inv. 1, d. 614, f. 134.
²⁰ ANRM, F. 3, inv. 2, d. 49, f. 1-2.
²¹ AISR, F. 560, inv. 4, d. 402, f. 37 verso.
²² ANRM, F. 2, inv. 1, d. 2325, f. 38.
²³ ANRM, F. 2, inv. 1, d. 2325, f. 54 verso, 66 verso.
²⁴ Regulamentul prevedea, de asemenea, interdicții pentru stabilirea evreilor în localitățile aflate la o distanță mai mică de 50 de verste de hotarul vestic al imperiului, fapt care s-a răsfrânt pentru scurt timp asupra evreilor din Ismail.
²⁵ ANRM, F. 2, inv. 1, d. 2330, f. 27 verso.
²⁶ ANRM, F. 2, inv. 1, d. 2593, f. 71 verso-72.
²⁷ ANRM, F. 2, inv. 1, d. 2983, f. 69 verso.
²⁸ ANRM, F. 2, inv. 1, d. 3588, f. 105-105 verso.
²⁹ ANRM, F. 2, inv. 1, d. 4137, f. 7 verso; 14.
³⁰ ANRM, F. 2, inv. 1, d. 2815, f. 83.
³¹ ANRM, F. 54, inv. 1, d. 35, f. 81 verso.
³² ANRM, F. 54, inv. 1, d. 30, f. 90 verso.
³³ Cetveric (merka) – măsură de capacitate rusă utilizată pentru produsele solide friabile, egală cu 26, 24 litri.
³⁴ ANRM, F. 54, inv. 1, d. 32, f. 40 verso-41.
³⁵ ANRM, F. 6, inv. 9, d. 559, f. 1, 26-27, 81.
³⁶ ANRM, F. 399, inv. 1, d. 1, f. 13.
³⁷ ANRM, F. 399, inv. 1, d. 4, f. 27, 28; inv. 2, d. 18, f. 43 verso.
³⁸ ANRM, F. 2, inv. 1, d. 4374, f. 133.
³⁹ ANRM, F. 75, inv. 1, d. 39, f. 1-3.
⁴⁰ ANRM, F. 2, inv. 1, d. 5757, f. 2-2 verso.
⁴¹ ANRM, F. 134, inv. 2, d. 138, f. 132-133.
⁴² ANRM, F. 6, inv. 2, d. 370, f. 4-8.
⁴³ ANRM, F. 75, inv. 1, d. 1485, f. 5-5 verso.
⁴⁴ ANRM, F. 2, inv. 1, d. 5650, f. 483; d. 5774, f. 238.

Literatura

Tomuleț Valentin. Politica comercial-vamală a țării în Basarabia și influența ei asupra constituirii burghezii comerciale. Chișinău, 2002.

Берг Л. С. Бессарабия. Страна – Люди – Хозяйство. Кишинев, 1993.

Бернштейн С. Одесса – исторический и торгово-экономический очерк в связи с Новороссийским краем. Одесса, 1881.

Ведомость о количестве лесов в Бессарабии, на землях частных владельцев, городских, монастырских и казенных // Записки Бессарабского Област-

ного Статистического Комитета (под ред. А. Н. Егупова). Т. I. Кишинев, 1864.

Защук А. И. Этнография Бессарабской области // Записки Одесского Общества истории и древностей [ЗООИД]. Одесса, 1863, т. V.

Зеленчук В. С. Население Бессарабии и Поднепровья в XIX в. Этнические и социально-демографические процессы. Кишинев, 1979.

Леванда В. О. (сост.) Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев. СПб., 1874.

Мунтян М. П. Экономическое развитие дореформенной Бессарабии // Ученые записки Кишиневского университета, т. 117 (ист.). 1971.

Мюллер Д. Капитализм, коммунизм и евреи. Москва, 2011.

Новороссийский Календарь на 1854 год. Одесса, 1853.

Павлюк А. Н. Купцы-судостроители Рафаловичи. Николаев, 2010.

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ), Собр. I, т. XXXV, 1818. СПб., 1830.

ПСЗРИ, Собр. I, т. XXXIX, 1824. СПб., 1830.

ПСЗРИ, (собрание II), том V, 1830, СПб., 1831, отделение 2.

ПСЗРИ, (собрание II), том X, 1835, СПб., 1836, отделение 1.

ПСЗРИ, (собрание II), том XI, 1836, СПб., 1837, отделение 1.

ПСЗРИ, (собрание II), том XII, 1837, СПб., 1838, отделение 1.

ПСЗРИ, (собрание II), том XX, 1845, СПб., 1846, отделение 1.

Рындзюнский П. Г. Городское население // Очерки экономической истории России первой половины XIX века. Сборник статей под ред. М. К. Рожковой. М., 1959.

Смолянинов К. История Одессы // Записки Одесского Общества истории и древностей, № III. Одесса, 1853.

Rezumat

În articolul de față se analizează rolul negustorilor evrei în comerțul extern al Basarabiei în anii 1812–1853. În baza izvoarelor de arhivă, dar și a literaturii monografice se demonstrează că în perioada abordată negustorii evrei din provincie practica în special comerțul intern și inter-gubernial, și într-o măsură mai mică cel extern. Cauzele acestui fenomen urmează a fi căutate atât în legislația „evreiască” rusă, care limita posibilitățile evreilor de a se stabili în localitățile de hotar și creau riscuri majore acestora în practicarea tranzacțiilor comerciale externe, dar și în specificul provinciei, a cărei comerț extern, a fost direcționat prin măsurile adoptate de guvernul rus în sfera de acțiune a portului Odesa.

Cuvinte-cheie: evreu, comerț extern, Basarabia, Ismail, Odesa, Nikolaev, negustor de ghildă, mic-burghez, concesiuni, contracte de stat, resident/nerezident, legislație evreiască, privilegii fiscale.

Резюме

В данной статье проанализирована роль еврейских купцов во внешней торговле Бессарабии в пе-

риод 1812–1853 гг. На основе архивных источников и научной литературы показано, что еврейские купцы из данной области Российской империи в течение указанного периода практиковали в особенности внутреннюю и межгубернскую торговлю, а в меньшей степени – внешнюю. Причины этого феномена следует искать как в российском «еврейском» законодательстве (которое ограничивало возможности евреев селиться в приграничных населенных пунктах и создавало для них значительные риски в области внешнеторговых операций), так и в специфике провинции, чья внешняя торговля была направлена мерирами, предпринятыми Российском правительством, в сферу влияния Одесского морского порта.

Ключевые слова: евреи, внешняя торговля, Бессарабия, Измаил, Одесса, Николаев, купеческие гильдии, мещанин, откупа, государственные подряды, резидент/нерезидент, еврейские законы, налоговые льготы.

Summary

In this article we analyze the role of Jewish merchants in foreign trade of Bessarabia in the years 1812–1853. Based on archival sources, and monographic literature it is shown that Jewish merchants from province, during the addressed period, practiced especially domestic and inter-gubernatorial trade, and to a lesser extent the external. The reasons for this are to be sought both in Russian «Jewish» laws, which limited the possibilities for Jews to settle in border localities and created for them major risks in practicing foreign trade transactions, and in the specific of the province, whose foreign trade was directed by measures taken by the Russian government in the scope of Odessa seaport.

Key words: Jews, foreign trade, Bessarabia, Izmail, Odessa, Nikolaev, merchant guilds, tradesman, concession, public contracts, the resident / non-resident, Jewish laws, tax exemptions.

Angela LISNIC

REALIZAREA DREPTURILOR INTELECTUALITĂȚII EVREIȘTI DIN RSSM ÎN RAPORT CU POLITICA DE EMIGRARE DIN URSS DIN ANII 50–70 (în baza materialelor de arhivă)

Istoria în evoluția sa cunoaște un șir de procese și fenomene irepetabile și unice. Prin esența sa aceste procese și fenomene constituie o plagă profundă a existenței umane. Este un lucru arhicunoscut că, emigrarea este un unul din cele mai vechi fenomene istorice. Motivele emigrării unor grupuri sau categorii sociale dintr-un spațiu istoric în altul trebuie privite în contextul unor realități istorice bine definite. Multe din ele au tangențe și repercusiuni ce țin de realitatea contemporană. În prezentul studiu ne-am propus ca obiect de examinare acțiunile organelor de stat și de partid din URSS asupra procesul de emigrare a populației evreiești din URSS și din RSSM din anii 60–80 ai secolului XX. Sursele de arhivă analizate ne-au permis să identificăm un șir de motive și instrumente pe care le-a aplicat guvernarea sovietică față de această etnie în dorința lor de a emigra în Patria lor istorică în perioada dată. În urma adoptării planului de împărțire a Palestinei din 1947 al Organizației Națiunilor Unite, pe data de 14 mai 1948 și odată cu expirarea mandatului britanic pentru Palestina se reîncepe procesul de emigrare a populației evreiești din diferite locuri spre pământul istoric. Acest eveniment istoric a marcat și un contingent enorm al populației evreiești din URSS. Totodată necesită să reamintim că după ruperea relațiilor diplomatice a URSS cu statul Israel se atestă o activizare a propagandei antisemite. În urma acestei propagande are loc o marginalizare a evreilor din toate sferele vieții sociale din URSS. Repre-

zențații etniei evreiești nu sunt angajați la posturi de conducere din motivul renumitul paragraf din actele personale privitor la apartenența etnică. Acest indiciu din dosarul personal al multor candidați exclude accesul acestora la posturi de conducere în aparatele de conducere a statului. Examinarea listelor cadrelor angajate în renumitul aparat cum era „Glavlit”-ul din URSS și cel din RSSM ne-a permis să identificăm unele date relevante în raport cu reprezentanții acestei etnii. „Glavlit”-ul din RSSM, constituit în august 1944 avea în statele sale reprezentați de etnie evreiască. Astfel din cele 6 persoane cu studii superioare angajate în această structură la data de 1 iulie 1948 patru erau de etnie evreiască¹. Evidențiem în această listă referințele biografice ale angajaților în această instituție. Toți cei patru erau angajați în calitate de cenzori:

– Grinberg Maria Ilinicina, anul nașterii 1903, candidat în rândurile membrilor Partidului Comunist din URSS, absolventă a Facultății de Biblioteconomie, specialist în biblioteconomie (Anexa 1);

– Moldavschaia Haseia Haimovna, anul nașterii 1922, membru al UTCUS (Uniunea Tineretului Comunist din Uniunea Sovietică), absolventă a Facultății de Biologie a Institutului Pedagogic din Chișinău, cenzor a producției poligrafice (Anexa 1);

– Cealic Sali Zaharovici, anul nașterii 1913, Membru al Partidului Comunist din 1944, absolvent al Institutului Pedagogic Moldovenesc din 1934, Facultatea de Filologie, profesor limbii și literaturii ruse 1945, cenzor pe raionul Tiraspol (Anexa 1);

– Fridentali Jenea Moiseevna, anul nașterii 1923, Membru al Partidului Comunist din 1947, absolventul Facultății de Istorie a Institutului Pedagogic 1945, cenzor pe producția revistelor și ziarelor (Anexa 1).

Această listă ne permite să susținem ideea, că în rândurile populației din regiune reprezentanții acestei etnii dețineau studiile necesare pentru suplینirea multor posturi de conducere în instituțiile nou formate după instaurarea puterii sovietice după cel de al doilea război mondial. Însă evenimentele ce au urmat ulterior au conturat o nouă configurație partitinică în aceste liste. Astfel deja în lista din anul următor 1949, din instituția dată sunt eliberate patru persoane, dintre care trei erau evrei². Cum remarca V. V. Engel în cursul său de lecții, că în toate instituțiile sociale și de stat are loc campania de excludere din viața social-politică a statului reprezentați ai acestei etnii³. Referințele de arhivă ne permite să acceptăm această ideea privind strâmtorarea reprezentanților acestei etnii din diferite organizații de partid, de control și de stat⁴.

Totodată analiza materialelor de arhivă ne permite să identificăm și alte interdicții care erau aplicate față de etnia evreiască în perioada studiată. Una din aceste interdicții se referă la interzicerea și lichidarea publicațiilor cu caracter suspect din punct de vedere ideologic. Ca argument la aceasta ne servește scrisoarea din 4 decembrie 1969, adresată secretarului

Comitetului Central a Partidului Comunist din Moldova tov. Cornovanu D. S. din partea șefului „Goslitul-ui” Stelea I.⁵ În acest document se atenționează că «editura „Cartea moldovenească” din 27.XI.1968 a prezentat spre control culegerea de versuri a lui Paul Mihnea „Galeria cu autopotret” în care a fost inclusă poezia „La mormântul lui Pasternak” versuri dedicate poeziei lui B. Pasternak „Peredelchino”». Dar cum susține mai departe Stelea I. că «este cunoscut, că B. Pasternak a fost acuzat de societatea sovietică pentru romanul său antirevoluționar „Doctorul Jivago”. Acest roman a fost prezentat la una din editurile sovietice și nu a fost acceptat spre editare, ca apoi să fie editat peste hotare. Iar pentru această comportare nedestoinică Pasternak a fost exclus din rândurile Uniunii scriitorilor»⁶ (Anexa 1). Această scrisoare demonstrează una din modalitățile de oprimare a opiniilor liberale pe care le manifesta puterea de guvernământ față de o parte din intelectualitatea sovietică.

Tot ca o atitudine ostilă față de intelectualitatea de etnie evreiască ne pot servi și cele două scrisori din partea conducerii „Glavlitul”-ui adresată adjunctului Ministerului învățământului public din RSSM tov. Lemne V. E. și ministrului Culturii tov. Culiuc L. F. (5) Astfel, în cele două scrisori de serviciu se dă

tranșant indicația de sustragere din fondurile bibliotecilor instituțiilor a unor cărți, care erau considerate „periculoase”, și din care motiv urmau a fi scoase din circuit. În aceste scrisori se aduce la cunoștința organelor de resort rezultatele controlului privind nerespectarea scoaterii din fondurile bibliotecilor școlare a lucrărilor lui N. Telesin Mânzul și Pliuh-pliuh, a lui R. Baumvol Sub același acoperiș, Mănușa albastră, Soare și vânt⁷. I. Stelea, șeful Glavlitului din RSSM, remarcă faptul, că în bibliotecile subordonate acestui minister se regăsesc cărți care au fost deja cenzurate, dar ele mai continuă a fi prezente pe rafturile bibliotecilor. Printre cărțile care sunt identificate în bibliotecile subordonate acestor ministere regăsim așa autori ca R. Baumvol, N. Telesin, P. Kerler. Totodată în scrisoare se face și o constatare, că lucrătorii bibliotecilor au o atitudine neserioasă față de îndeplinirea ordinelor date de către Direcția Glavlitului⁸. În acest context trebuie să intervenim cu unele precizări legate de această campanie de excludere din circulație a cărților susnumite. Această campanie era dictată de conjunctura politică în care au fost implicați autorii acestor cărți. Astfel ele sunt sustrate din circulație îndată ce autorii lor au depus actele pentru a pleca în Israel. De exemplu R. Baumvol și Z. Telesin în 1971 au depus actele pentru a pleca în Israel și ca urmare are loc interdicția susnumită⁹. Aceeași soartă a avut-o și Iachir Iacov Iosifovici, care a emigrat în Israel în 1972¹⁰.

Dar ca model de interdicții sovietice ne servește ordinul adjunctului Glavlitului din Moldova a M. F. Mamei din data de 15 mai 1979 adresată Șefului Direcției Generale de Pază a Tainelor de Stat de pe lângă Sovietul de Miniștri din URSS tov. Romașev¹¹ (Anexa 2). În acest ordin M. F. Mamaev scrie: „Vă trimitem ordinul șefului Goslitului din Moldova Nr. 3-dsp. de la 15 mai 1979 Cu privire la scoaterea din circuitul bibliotecilor și librăriilor a cărților lui E. I. Bauh. Baza ordinului: dispoziția orală a secretarului Comitetului Central al Partidului Comunist din Moldova I. P. Calin. E. I. Bauh a emigrat în Izrail. Se dă în anexă ordinului șefului Goslitului din MSSR nr. 3-dsp. de la 15 mai 1979, ex. 2”¹².

Analiza documentelor de arhivă demonstrează că în perioada studiată sistemul sovietic întreprinde prin instituțiile sale speciale o lustrare a tot ce se producea în URSS. Documentele examinate demonstrează existența unui sistem întreg de oprimare a voinței populației la niște acțiuni firești și existențiale, deplasarea în spațiu, reîntoarcerea în patria sa istorică, sau o simplă dorință de a schimba modul său de viață. Însă toate acestea aspirații erau stopate și neglijate de către puterea conducătoare a statului din motivul unei frici în față dezlegării unor adevăruri crunte legate de existență în statul sovietic socialist.

Note

¹ Arhiva Națională de Stat din Republica Moldova (ANRM). Fond. 3209, inv. 1, dosarul 13, f. 1, Anexa 1.

² ANRM. F. 3209, inv. 1, d. 13, f. 9, Anexa 2.

³ Энгель В. В. Курс лекций по истории евреев в России. Тема 20. Евреи СССР в годы «Застоя» (1967–1985 гг.) // <http://jhistory.Nfurman.Com/Russ/Russ001-20.Html>

⁴ Борьба советских евреев за выезд // <http://www.megapolis.org/israel/ind152.html>

⁵ ANRM. F. 3902, inv. 1a, d. 5, f. 4.

⁶ Ibidem. Anexa 3.

⁷ ANRM. F. 3902, inv. 1, d. 46, f. 71, 72, 73, 74.

⁸ Ibidem

⁹ Рахиль Львовна Баумволь. Биография // <http://lib.rus.ec/a/925> Шуламит Шалит Рахиль и Зяма <http://berkovich-zametki.com/2011/Starina/Nomer3/Shalit1.php>

¹⁰ ANRM. F. 3902, inv. 1, d. 60, f. 2.

¹¹ ANRM. F. 3902, inv. 1, d. 115, f. 35.

восхищается Пастернаком, преклоняется перед его творчеством. Стоя перед его памятником, автор восклицает – «Борис Пастернак! О эта подпись! я ее узнаю, узнаю и этот величественный профиль».

В стихотворении «Переделкино» Михня считает, что места в Переделкино, где ходил и похоронен Пастернак, священные. Он пишет, что боится сделать лишний неосторожный шаг, чтобы не задеть корни деревьев, из которых может появиться человеческая кровь, но нечаянно он все же наступил на корень и из него выступила кровь, похожая на кровь автора, и он почувствовал себя убийцей, т. е. он считает и себя виновником смерти Пастернака.

Как известно, Б. Пастернак был строго осужден советской общественностью за свой антиреволюционный роман «Доктор Живаго». Этот роман был представлен в одно из советских издательств и не был принят в производство из-за своего антисоветского содержания. Тогда Б. Пастернак напечатал свой роман за рубежом.

За предательское поведение, недостойное звания советского писателя, Б. Пастернак был исключен из членов Союза писателей.

Scrisoarea de serviciu a lui I. Stelea, șefului Goslitului din RSSM adresată secretarului Comitetului Central din Moldova tov. Cornovan D.S despre încercare de publicare a versurilor dedicate lui B. Pasternak.
ANRM, f. 3902, inv. 1a, d. 5, f. 4.

Anexa 4

для служебного пользования
Начальнику главного управления по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР тов. РОМАНОВУ Д. К.

Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете Министров Молдавской ССР направляет приказ начальника Главлита Молдавии № 3-дсп от 15 мая 1979 г. об изъятии из библиотек и книготорговой сети книги Бауха Е. И.

ОСНОВАНИЕ: устное указание секретаря ЦК КП Молдавии

тов. КАЛИНА И. П.
– Баух Е. И. выехал в государство Израиль.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Приказ начальника Главлита МССР № 3-дсп от 15 мая 1979 г. Экз. № 2

Заместитель Начальника Главлита Молдавии М. Ф. Мамей

Ordinul adjunctului Glavlitolui din RSSM
M. F. Mamei,
ANRM, f. 3902, inv. 1, d. 115 f. 35.

Anexa 1

Фамилия, имя и отчество	Занимаемая должность	Год рождения	Место рождения	Образование	С какого времени работает на этой должности
МАРИА Александр Васильевич	Начальник Главлита	1940	Чл. ВКП(б) 1938г.	Укр. Коммунистический университет им. Ленина	1932
ЦОНЕВ Константин Теодорович	Зам. Нач. Главлита	1898	1929г.	Болгар. Ин-т журналистики	1934
РАБЕНЮТ Марианна	Цензор по библ.	1903	член ВКП(б) 1947г.	Болгарский Ин-т журналистики	1937
МОЛДАСКАЯ Хеса Ефимовна	Цензор кинематографа, про-дукции	1922	член ВКП(б) 1943	Молдавский Ин-т искусств	1945
РАБЕНЮТ Борух-Тобия	Цензор Тираспольского уезда	1903	чл. ВКП(б) 1944г.	Бел. Институт	1934
РАБЕНЮТ Ивек Иосифовна	Цензор кинематографа, продукции	1941	член ВКП(б) 1947г.	Молдавский Ин-т искусств	1945

Anexa 2

№ п/п	Фамилия, имя и отчество	С какой должности	Дата увольнения	Причина
1.	ЦОНЕВ Константин Теодорович	Зам. Нач. Главлита МССР	с 3/1-1949г.	переведен на другую работу
2.	МОЛДАСКАЯ Хеса Ефимовна	цензор	с 6/1-1949г.	За неправильное выполнение личных документов
3.	РАБЕНЮТ Борух-Тобия	Цензор	с 2/1-1949г.	На учебу
4.	РАБЕНЮТ Сефир Давидович	Бухгалтер	26/2-1949г.	переведен по месту жительства

Anexa 3

Секретарю ЦК КП Молдавии тов. КОРНОВАНУ Д. С.

Издательство «Картя Молдовеняскэ» 27.XI.1968 г. представило на контроль сборник стихов Паула Михни «Галерие ку аутопортрет» («Галерея с автопортретом»), в который были включены стихотворения, посвященные Б. Пастернаку, – «Переделкино», «Ла морынтул луй Пастернак» («На могиле Пастернака»).

В стихотворении «На могиле Пастернака» автор

Rezumat

Prezentul studiu este dedicat examinării modului de oprire a drepturilor intelectualității evreiești la emigrare din URSS. În cercetare se atrage atenție la situația intelectualității de etnie evreiască din URSS în general și a celei din RSSM în particular. În temeiul analizei datelor de arhivă se caută a identifica instrumentele de control și de cenzură care erau aplicate de către organele de stat și de partid față de persoanele care doreau să emigreze din URSS.

Cuvinte-cheie: drepturi, intelectualitate, politica de emigrare, cenzură politică.

Резюме

Данное исследование посвящено изучению того, как ущемлялись права представителей еврейской интеллигенции на эмиграцию из СССР. Исследование обращает внимание на положение в СССР еврейской этнической интеллигенции в целом и в частности в МССР. На основе архивного анализа рассматриваются контроль и цензура, применявшиеся на уровне государства и партии к людям, которые хотели эмигрировать из СССР.

Ключевые слова: права, интеллигенция, эмиграционная политика, политическая цензура.

Summary

This study is dedicated to examining how oppression intellectual rights Hebrew emigration from the USSR. The research focuses on the situation of ethnic Hebrew intellectuals in the USSR in general and in particular that of MССР. Under archival data analysis is looking to identify control and censorship tools that were applied by state and party organs towards people who wanted to emigrate from the USSR.

Key words: Rights, intellectuals, policy of emigrated.

Dymitry SHEVELIOV

THE JEWISH REVIVAL IN MOLDOVA (A SURVEY OF THE JEWISH LIFE IN MOLDOVA IN THE 1990–2000)¹

In the mid-1990s a number of foreign reporters stated that the Jewish community was “in the midst of a renaissance, even during emigration surges” (JTA eArchive, Sep. 19, 1994). Unfortunately, nobody could prove that. This issue is poorly studied so far. There are a few papers on the contemporary Jewish community in Moldova: several sociological studies – one co-authored by M. Korazim, E. Katz, and V. Bruter (Korazim, Katz, and Bruter, 2002), the others – by Vladimir Bruter (Брутер, 1998 [?]; Брутер, [S. a.]); one work is devoted to the charitable activity in Moldova in the 1990s (Копанский, Брутер [S. a.]); several authors also debate the history of Holocaust as a topic in Moldavian political discourse (Solonari, 2002; Думитру, 2008; Tartakovsky, 2008; Шевелёв, 2009).

I have recently presented the viewpoint on several aspects of Jewish life in Moldova in the 1990s–2000s and the prospects of Jewish revival (Шевелёв, 2009). In this article I would like to present a study of Jewish revival in a postSoviet state, based on the study of sources and personal observations made during several trips to Moldova. I assert that Moldova is a pattern of Jewish revival in the post-Soviet countries. The country witnessed the renaissance of the Jewish community.

Jewish population of Moldova

In 1989 before the fall of the Soviet Union and the beginning of the conflict in Transdnistria there were 65,800 Jews in the Moldavian SSR according to the official population census of the USSR.

Most of the Moldavian Jewish population immigrated to Israel in the early 1990s with its maximum amount of immigrants in 1991 (see table “*Aliya* from

Moldova in 1990–2012”). The peak of *aliya*² from the FSU was in 1990–1991. The number of immigrants has decreased since 1996. Immigrants from Moldova represent a high percentage of total immigrants from the FSU countries. They accounted for 10.5% in 1991. Since 1993 the number of immigrants from Moldova has been approximately 3% of all immigrants from the FSU. A large amount of immigrants from Moldova in 1990–1991 could be explained by the beginning of the interethnic conflict. In 1992 the *aliya* from Transdnistria was organized by the Jewish Agency, AJJDC and Israeli special services. More than 1,200 men from the conflicting zone on the river Dniester immigrated to Israel in 1992 (my personal calculations according to the data presented by JTA eArchive, Aug. 5, 1992 – D. S.).

The observers believed that there were 68,000 Jews in 1994 (JTA eArchive, Sep. 19, 1994) and 60,000 (1.5% of total populations) in 1997. 20,000 Jews stayed in Moldova in 2003, and there were between 20,000 and 30,000 Jews in the country in 2005. It is noticed that in Transdnistria there were 3,000–4,000 Jewish people in 2003.

According to Moldovan official census of 2004, 3,608 persons called themselves Jews (0.11% of total population, excluded Transdnistria). The official census of Transdnistrian Moldavian Republic was held in that very year. There is no access to the official data of the census, so the precise amount of Jewish population at that time is not known. The information which is given by the Jewish organizations differs from the official one. It is supposed that in 2008 15,000 Jews lived in Moldova and 2,000 in Transdnistria. Most of Jews live in Kishinev (about 7,000) and in Balti (about 1,000 people). I suppose that the

official data are considered to be more objective because this information is based on the principle of self-identification, i.e. a person identifies himself/herself as a Jew (see: Шевелёв, 2009). (The Jewish institutions working within the territories of the post-Soviet states give disproportionate numbers.) I would like to present details on some aspects of Jewish life in Moldova, which other researchers do not mention in their research.

State policy towards national minorities

I have not found any evidence on what was going on with the Moldavian establishment in the late Soviet period. I assume that starting from the late 1980s former Moldavian Communist leaders seemed to change their political orientation to the ultra-national one. In 1990 Mircea Snegur, a former secretary for agriculture of the Moldavian Commu-

nist Party and the head of the Supreme Council, was elected President. He supported the People's Front of Moldova, in their turn the frontists supported him. Front's representative Mircea Druk occupied the post of the Prime Minister. M. Druk initiated "*The March towards the South*" against Gagauzians in August 1990 as well as the clashes at the Dubossary bridge in October 1990. Later on President Snegur stated that he was not in Kishinev then and did not know what the Prime Minister and the others did (Снегур–Волков, 2007, 141, 153). It is worth noticing that when the ethnic clashes reached their climax, President Snegur stated he was on official trips to other countries.

Probably, President Snegur and PM Druk had conflicting opinions on the inter-ethnic policy in the country. M. Snegur had a moderate view, whereas

Table "Aliya from Moldova from 1990 to 2012"

Year	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Amount of immigrants from Moldova	11926	15452	4305	2173	1907	2407	1953	1413	1189	1360	1791
Total amount of immigrants from the FSU	185230	147839	65093	66145	68079	64847	59049	54623	46133	66907	51080
Per cent of immigrants of Moldavian origin	6,4	10,5	6,6	3,3	2,8	3,7	3,3	2,6	2,6	2,0	3,5

Table "Aliya from Moldova from 1990 to 2012" (continuation)

Year	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Amount of immigrants from Moldova	961	544	360	360	330	273	189	189	244	236	231	215
Total amount of immigrants from the FSU	33766	18878	12595	10403	9526	7574	6655	5745	7008	7261	7450	7310
Per cent of immigrants of Moldavian origin	2,8	2,9	2,9	3,5	3,5	3,6	2,8	3,3	3,5	3,3	3,1	2,9

Note. The table has been made up by the author of the article on the basis of the data presented by the Ministry of absorption of Israel and Central Bureau of Statistics of Israel.

Druk – the ultra-right one. There is evidence showing that Druk represented the interests of Romania in the early period of Moldavian independence. Bucharest might have inclined to re-unify Romania and Moldavia then.

Snegur endeavored to show a moderate policy. The advisor on inter-ethnic relations in Snegur's political party – Moldavian Party of Revival and Harmony (*Partiya vrozhdheniya i soglasiya Moldovy*) – Ye. Volkov listed the measures, made since 1989 (Снегур–Волков, 2007, 213). The Law on languages was adopted; it declared Russian the language of inter-ethnic communication (item 3), as well as the right to use and develop Yiddish and Hebrew (item 4). In 1991–1992 laws and decrees concerning the rights of national minorities were adopted. President Snegur signed the Decree “On the measures concerning the development of Jewish national culture and meeting the needs of the Jewish population of Moldova” (Decree 161 dated 12.08.1991). In December 1991 the Governmental act on these measures was adopted (Act 682 dated 09.12.1991). Two Jewish schools and institutions of traditional education were opened in 1991–1992, as well as a Jewish library in 1991 (on *Diordița* str., 4). In November 1990 the Department of InterEthnic Relations was established within the framework of the Government. It is supposed that the opening of the Departments for the study of the history and culture of the national minorities of Moldova within the Academy of Sciences was a part of state policy.

These rights of national minorities were also promoted in the Law on education of 21 July 1995 and in the Law on identity cards of 9 October 1994. The Constitution of 1994 also declared the right of national minorities and their languages.

As the frontists came to power, M. Snegur was just biding his time: whether the frontists would win or lose. As soon as the unionists lost, Snegur decided to continue his middle-of-the-road policy. It should be noticed that several observers argued that all the governmental measures towards national minorities aimed to gain western support and investments (JTA eArchive, Sep. 19, 1994).

This national policy was not changed after the Communists came to power in 2001, as well as after the revenge of the unionists in 2009.

In the mid-2000s M. Snegur declared:

“During my work I sought to ensure that the national revival of major ethnic group, the reform of society, and the democratization of political life was accompanied by the development of national minorities' cultures and languages, I always believed that moving this way, keeping balance of interests between majority and minorities, the accord and har-

mony in society could appear. This is my credo in the sphere of inter-ethnic relations” (Снегур–Волков, 2007, 204).

Thus, in the early 1990s, while frontists pursued the policy of reunification with Romania, Moldavian moderates proclaimed the rights for the development of all the nations within the country. The foundation of Jewish scholarship was an important part of this policy.

The Jewish community and Transnistrian conflict

There is little evidence on the community in the early 1990s. It can be said that for nationalists the Jews were a risk factor: they were speakers of Russian and did not support the idea of unification with Romania. They were assimilated by the Soviet power from the nationalists' point of view. Later on M. Snegur reproached the Jews that they refused to follow his national policy:

Once I was watching a TV programme “Today in Israel” (*Segodnya v Israile*). There was a fragment about Jews in Moldova. They showed a Jewish school. Children are trained in their native language. Everything was written in Russian on the blackboard, as well as in Hebrew. One could ask: why was in Russian, why was not in Romanian, or in Hebrew and Romanian, why only in Russian? Is it a step forward? (Снегур–Волков, 2007, 220).

One of the watchwords of that time reads: “Drive Russians beyond the Dniester, drown Jews in the Dniester” (*Russkikh – za Dniestr, evreev – v Dniestr*). Moreover, anti-Semitic sentiments spread among Moldavian nationalistic intelligentsia from Romania. One witness, who was living in Kishinev then, told me that there were no pogroms in Moldova then, although Jews were afraid of such actions. The activity of unionists forced some Jews to leave Moldova and move to Israel. *Aliya* of 1990–1992 data are presented here.

It is known that Jewish organizations evacuated Jewish refugees from the zone of conflict. Moldavian observers Yakov Kopansky and Vladimir Bruter wrote that 950 men were brought out to Israel in 1992 (Копанский, Брутер, [S. a.]). According to the information presented by JTA, it could be estimated that about 1200 persons were rescued and brought to Israel in 1992 (JTA eArchive, Aug. 5, 1992).

Political orientation of the Jewish community

It is worth presenting the classification of Moldavian political forces according to their approaches towards unification with Romania, although the factor became less important as Romania joined the European Union in 2007. The sociopolitical discussion of the nation's self-identification still continues in

Moldova. The right-wing representatives or unionists are in favor of unification with Romania, while the Moldavian communists are in the center of political spectrum. The communists tried to introduce the new ideology of *Moldovanism* against Romanization, presented by other political parties.

The communists won the election in 2001. Then the observers noticed that the Jews of Moldova supported the communists. The Jewish community is an elderly one. "All people including Jews", as stated by one of Kishinev Jews, "are sick and tired of the economic collapse and poverty, terrible unemployment". The observers claimed that elderly Jews, that is most of the community, "desired for increased social services, while young men voted for "pro-Western parties" (JTA eArchive, Feb. 28, 2001).

It could be traced that during the times when the communists were in power – from 2001 – 2009 – the amount of emigrants fell down from 961 in 2001 to 189 in 2008. The emigration to Israel also increased in 2009 after the unrest in Kishinev and political instability of 2009–2011 – 244 people in 2009, 236 in 2010 and 231 – in 2011.

According to international observers, the younger Jews voted for the right parties, while the majority of the community, which consists of middle-aged and elderly people, voted for the communists. It is not only voting against poverty, but also the support of the country's independence. During the communist rule of 2001–2009 mass emigration to Israel fell down and only increased after the unionists came to power in 2009. It is worth noticing that the Jewish community preferred a stable national regime to that of the unionists.

The Jewish scholarship

We assume that Jewish scholarship is considered to be an element of interethnic policy in Moldova. Several western observers have reported about that earlier (JTA eArchive, Sep. 19, 1994). The department for the study of Jewish history and culture of the Moldavian Academy of Sciences was established in July 1991 (Istoria succinta., 2009). The authorities paid much attention to the department's activity. It was an attempt to lessen the tension of inter-ethnic relations after the civil war and unrest of 1990–1992. International observers stated that there were several manifestations against Jews in the early 1990s.

The Jewish department of the Moldavian Academy of Sciences was headed by well-known Jewish–Moldavian scholars and community leaders – I. Levit, Y. Kopansky, and R. Kleyman³. The two main themes of the department's research were the history of Jews in Bessarabia and Russian Jewish contacts in the literature of Bessarabia and Moldavia.

The heads of the academic Jewish department were engaged in the formulation of the national policy. After the centre-leftists came to power in the mid-1990s (in 1996 Petru Luchinsky⁴ was elected President of Moldova), the Commission for Inter-Ethnic Affairs was established on December 16, 1997 (Decree No. 400). The Commission aimed "to provide assistance in fulfilling the policy in the field of interethnic relations and assuring the right of all citizens to have their own ethnic, cultural, language and religious identity". In such a way the authorities expressed their interests in the research conducted by the Jewish department. Y. Kopansky was a member of the Commission. Thus, academic institutions in Moldova have been involved in the dialogue between the authorities and the society.

The department has published several appreciated research works concerning the Jewish history of Bessarabia: e. g., archival records on Kishinev massacre of 1903, several works by Y. Kopansky, etc.

It is unique among the post-Soviet states that the Jewish scholarship is included into the state national policy.

There is a trend which characterizes the Jewish scholarship of the post-Soviet states in the 1990–2000s. It is the rise of independent, or better to say "virtual", academic centers. They are called "virtual" because they are non-academic institutions; they are not part of universities or academies. They aim at collecting financial support from the western sponsors for academic purposes. They might have no offices, telephones or other communication tools, but nevertheless they published books and journals and arranged conferences.

In 2011 a group of independent researchers founded the Institute for Jewish Studies in Moldova. The Institute issued the academic periodical *Sbornik nauchnykh trudov Instituta iudaiki* ("A collection of papers issued by the Institute for Jewish Studies")⁵.

So, after the disturbances of the early 1990s the authorities decided to pursue a tolerant policy towards the national minorities. The Jewish scholarship is an element of the state interethnic policy.

The Jewish education

In Kishinev there are two state establishments that provide secondary education: T. Herzl Technological Lyceum (school no. 22) and Rambam Lyceum (school no.15). The technological lyceum has about 400 pupils. It was established on 10 October 1991 and supported by *Lishkat ha-kasher*⁶. In 2000 ORT⁷ became a donor of the Lyceum no. 22 (according to the Agreement between Kishinev administration, the Consulate of the State of Israel and World ORT). The vocational training center was opened there in 2006.

Rambam Lyceum is a former Jewish secondary school which was established in 1992. The school is supported by CHABAD⁸. ORT is also actively engaged in the training program of Rambam Lyceum.

CHABAD also supports kindergarten, *kheder* and *yeshiva*, a seminary on teaching *shkhetim*⁹, and a teacher's seminary. In addition, there are eight Sunday extended-day programs across the country: three in Kishinev, and per one in Soroca, Balti, Rybnitsa, Bender, and Tiraspol (the last three are in Transdnistria). Thus, the system of Jewish education was created in the 1990–2000s.

The religious life

CHABAD has one active synagogue in Kishinev (*Chabad Lubavitch str.*, 8) and one in Tiraspol. Also, CHABAD has a *yeshiva* in Kishinev. According to various sources, another *yeshiva* there belongs to the Orthodox community “*Aggudat Yisrael*” (*Shchuseva str.*, 5), and it has been sponsored by the *Aggudat Yisrael* movement from the USA since 1991, although several sources inform that there is a synagogue there. Moreover, there are several synagogues across the country. Since 2012, a *beith-midrash* / synagogue of the community “*Khofetz Hayim*” has been operating (*București str.*, 31)¹⁰.

Observers recorded CHABAD contribution to the religious revival within the CIS countries, including Moldova. The movement has two synagogues, a kindergarten, a lyceum, a *yeshiva* and two seminaries. CHABAD community is led by Rav Zalman Abelski, who came to Kishinev in 1989¹¹. He has done the best he could for the Jewish religious revival. He organized *Lag baOmer* parades in Kishinev. He also initiated a campaign to rename one of the streets (the former Yakimovski lane to *Habad Lubavich street*).

An obvious tendency can be found in Moldavian Jewish life (this tendency cannot be observed in other post-Soviet states): local businessmen invest in the Jewish religious revival. One of these samples is *Beith-midrash* of “*Khofetz Hayim*” community mentioned above.

Small businessmen aged 35–40 actively participate in supporting the community and synagogues in the country. In December 2002 two Kishinev businessmen established the charitable foundation “*Dor le-Dor*”. The Foundation cleaned the Jewish cemetery in Kishinev, issued a regular newspaper “*Yevreyskoye mestechko*” (published from March 2003 till July 2012). The foundation continues to sponsor charitable projects all over the country.

This tendency started in the mid-2000s: in the early 2000s Moldavian expert V. Bruter noticed a low involvement of the local businesses in the Jewish life (Bruter, 2002).

During the expedition to North Moldova supported by Moscow Center for University Teaching of Jewish Civilization “*Sefer*” in summer 2012, in which I took part, it was found out that the involvement of small businesses in preserving the Jewish life is strong. We talked to the community leaders in Soroca. The synagogue there was built in 1989. There is a service on Saturday (*Shabbat*) in the synagogue, as well as on holidays. Soroca community leaders are about 40 years old. They have their own businesses. It is interesting that they did not take any part in any Jewish activities in the 1990s. It was their deliberate step towards Jewishness. Now they sponsor the Jewish community of Soroca and support the synagogue's service. These men speak Yiddish. They did not learn either Yiddish, or Hebrew before¹².

There are among 100 Jews (mostly from mixed Jewish families) living in Soroca now. These figures were provided by the community leaders, but according to the Moldovan population census of 2004, there are 64 Jews in Soroca.

The synagogue in Balti is a typical house rebuilt for a synagogue in 1989. The building was bought by a U.S. businessman from the Ukraine (Bel_012_030_Khodak; Bel_012_022_Grinberg). The Jewish leaders of Moldova said that the community there comprises 2600 Jews. According to the official census of 2004, there are 411 Jews in Balti municipality.

While interviewing the local people in Balti, the participants of the expedition to Moldova in 2011 found out that there is a Moldavian man, a physician, a respected person in Balti, who has been visiting Balti synagogue for a long time and intends to convert to Judaism. According to various evidences, rabbis neither in Kishinev nor in Odessa are satisfied with his decision. He continues to visit synagogue services, having no right to read the Torah (Bel_011_07_Khodak).

Big businesses are also involved in the life of Jewish community. In 2003 several businessmen established the Jewish Congress of Moldova. Since 2007 the leaders of the Congress have been controlling an older Jewish organization – Association of Jewish Communities and Organizations in the Republic of Moldova.

Thus, CHABAD made a great contribution to the religious revival in Kishinev, while in provinces the local businessmen support Jewish traditions. There is also a strong tendency in the modern Jewish community: local small businessmen are involved in various community projects, they support the Jewish religious life in the province, outside Kishinev. It can be stated that the local Moldavian population expresses interest in Judaism.

The Jewish cultural activity

Moldova seems to be the country where the Jewish community has chances of further development: local businessmen are interested in the involvement in the community life, whereas the state created conditions which could be characterized as a cultural autonomy. Moreover, small business is also involved in the community life, and even in its religious life. I can say that the Jewish life within Eastern European countries will be Jewish as long as the community supports Yiddish culture – the culture of this area (Шевелёв, 2009, 68).

In spite of a little amount of the Jewish population, there is evidence that the Jewish revival in Moldova will continue. The state and the community endeavor to support Yiddish. Books in Yiddish were published in Kishinev in the 2000s. They were the works by Yekhiel Shraybman. There are courses of Yiddish in Rambam Lyceum and in Kishinev Jewish Library. Also, the radio program in Yiddish *Yiddish lebn*¹³ is broadcast on Radio Moldova.

Several Jewish newspapers were issued in Moldova. Jewish Agency representative publishes the newspaper *Oliva*, more or less regularly. Since 1991 till probably 2004 the newspaper *Nash golos* was published rather irregularly. CHABAD had its own paper called *Istoki zhizni* (it was published until 2011). *Dor ledor* Foundation published the paper *Yevreyskoye mestechko* since 2003 till 2012, as was stated above. All the papers were closed because of lack of money.

In spite of the situation with the Jewish press, the Jewish cultural development is obvious, as long as the community supports Yiddish.

Contribution to the Jewish revival in Moldova, made by “Joint”

It is necessary to mention that the American Jewish Joint Distribution Committee (AJJDC) made a great contribution to the development of Jewish life in the CIS countries. “Joint” sponsored the biggest part of all the Jewish social and cultural activities there, or almost all of them, since 1989. On November 2, 1991, President Snegur agreed on opening AJJDC representative office in Moldova after his negotiation with AJJDC President Sylvia Hassenfeld. In 1992 “Joint” began to provide Moldova with humanitarian aid (Kopansky, Bruter [S. a.], Экономическое обозрение, 13.06.2008, no. 22; Еврейский новостной портал Молдовы..., 12.07.2007, 14.12.2007, 13.06.2008, 19.06.2008, 27.02.2009). In the early 1990s “Joint” assisted in evacuating refugees from the zone of conflict in Transnistria (see above). In 1993 AJJDC employee Amos Avgar suggested creating charitable centers.

Based on these community centers, which had been founded before, *Khesed*¹⁴ center was established in 1996. In 2003 the representative of AJJDC in Moldova initiated the program of food supply to children; the project was called “Let My Children Grow” (JTA eArchive, Apr. 22, 2003).

However, in the mid-2000s “Joint” activity in the CIS was criticized by the community leaders: several materials about it appeared in mass media (see, e. g.: Джойнт в СНГ..., 2008, Еврейский новостной портал Молдовы..., 12.07.2007). According to the information from various sources, the picture of events can be established. So, in the 1990s the Russian department of AJJDC was headed by two men – Asher Ostrin and Elli Malki. By 2000 those two persons took absolute power in their hands. They brought under their control “Joint” representatives across the FSU states, creating parallel Jewish organizations and dismissing unpopular community leaders in the early 2000s. In 2000 they paid their attention to the real estate in the FSU countries, buying it up. In this way the idea of big Community Houses appeared. Those who suggested the idea were going to combine all the Jewish institutions together. Building houses for Jewish organizations in the FSU, at the same time “Joint” became the owner of the new estate. “Joint” leased rooms to the Jewish organizations and received money from them. To carry out financial operations, the heads of the AJJDC CIS department established an offshore company called “AREC”. Three streams flowed via the company: firstly, money from sponsors and AJJDC; secondly, rent payments from Jewish organizations, and thirdly, profits from commercial firms that rented offices in the Community Houses”. As several observers believed, the US sponsors could not control that way of money circulation. Moreover, “Joint” staff could afford expensive things while working in the FSU.

In Kishinev the scheme looked like this, as we can understand from various sources. In 1999 President Luchinsky and mayor of Kishinev Serafim Urechean decided to give back the building of the former synagogue called “Wooden” (or “the Synagogue of Woodcutters”) at *Diordița str.*, 5. The building was bought at the price lower than the market price. “Joint” representatives negotiated with the community leaders who agreed to transfer the building of the old synagogue to “Joint”, supposedly to facilitate fundraising from western sponsors. In such a way “Joint” took a building in the center of the city. AJJDC reconstructed the building. Naturally, it increased the total cost of the building and area around it. The Community House was opened in 2005. “Joint” began to rent offices both to Jewish

organizations and commercial firms. Also, it was proposed to rent an office to the Moldavian Association of Jewish Communities, which was the owner of the old building. The community leaders insisted that "Joint" had promised to return the building to the community and rejected to pay the rent. At the same time, Moldavian businessmen established the Moldavian Jewish Congress, aiming to watch over the Jewish community. The case was brought to court. During the court trials in 2007–2009 "Joint" lost. It was forced to return a part of Kishinev Community House to the Association – a building of the old Wooden Synagogue.

Thus, there were two periods of the activities of AJJDC in the FSU states. The first one is from 1990 to 1998, when AJJDC was involved in building Jewish communities in the FSU, and the second one is from 1999, when the Russian department of AJJDC began its machinations with real estate and was involved in reshuffling Jewish organizations there. At the same time, in the late 2000s big Moldavian business returned control under the Jewish community.

The Messianic Jewish movement in Moldova

One interviewee in Balti in 2011 mentioned the activity of Messianic Jews there. He stated that he kicked a person who was visiting the meetings of the Messianic Jews in Balti out of the synagogue (the interviewee might mean "Jews for Jesus" mission) (Bel_011_07_Khodak). There is evidence of the Messianic movement activity. In 1997 the Government of Moldova approved the Regulations of the Union of Messianic Jews (The Governmental Act no. 822, dated Sep. 9, 1997). It is known that the Messianic Jewish movement was established by Joseph Rabinovitz in the early 1880s and was actively spread in Bessarabia¹⁵. In the early 1990s this movement appeared again.

There is no reference to the amount of followers of the Messianic Judaism in Moldova. The strongest community in the CIS is in Kiev (Ukraine), and it might reach approximately 1,000 members. It is known that there is also a big community in Moscow, which comprises 400 adherents (according to various data from the Internet, it seems that the figure is exaggerated). The Moldavian followers of Messianism do not form a strong community, since there are about 100 people there.

The Union of the Messianic Jews proclaims itself "the canonical successor of the Messianic community acted in Kishinev until 1940" (item 4 of the Regulations mentioned above). There is little information about the Union. It is not very active, contacted similar organizations in Romania. It is mentioned by UN Special Rapporteur on freedom of religion

or belief Prof. Heiner Bielefeldt in his Report of 27 January, 2012 (UN Document. A/HRC/19/60/Add.2, item 21). Probably, Kishinev Jewish Messianic Society "*Bnei Brit Khadasha*" is a part of the Union. The society in Kishinev has strong connections with the Ukrainian followers of the movement (Еврейский мессианский портал). The Union in Kishinev is not included into the Union of Messianic Jewish Congregations and the International Alliance of Messianic Congregations and Synagogues (see: <<http://umjc.org>> <<http://www.iamcs.org>>).

Conclusions

The article reveals the Jewish revival in the post-Soviet Moldova. It can be concluded that in spite of the decreasing Jewish population in Moldova in the early 1990s, the Jewish renaissance took place in the late 1990s and 2000s.

Moldavian elite proclaimed the rights for free development of all the nations, their languages and cultures starting from the mid-1990s. These rights were guaranteed by several legislative acts. The foundation of Jewish scholarship was an element of this state policy. A special department for the study of Jewish history and culture was opened within the Moldavian Academy of Sciences, as well as the Jewish state library and two Jewish schools were established. The foreign observers argue that all the governmental measures towards national minorities aimed to gain western support and investments. Nevertheless, it was a type of national cultural autonomy. This national policy was not changed after the Communists came to power in 2001, as well as after the victory of the unionists in the elections of 2009.

The state policy towards national minorities was adopted after the inter-ethnic clashes in the early 1990s. It is worth mentioning that Jews did not see themselves in new Greater Romania – some kind of a state-formation planned by ultra-nationalist forces. The conflict on the Dniester made Jews begin mass immigration to Israel. The peak of *aliya* was in 1991 – 15,452 people. The Jewish organizations helped evacuate Jewish refugees from the zone of conflict on the Dniester. It is estimated that about 1200 people from there were sent to Israel in 1992.

The article also studied political sentiments of the Jewish community. Moldovan Party of Communists presents centrism. The communists introduced a new ideology of *Moldovanism* in 2001–2009. It must be stated that there was a split inside the Jewish community: the younger Jews voted for the right parties, while the middle-aged and elderly people voted for the communists. It was not only the economic voting against poverty, as the foreign experts noted, but also the sup-

port of the country's independence. It has been found out that during the communist rule of 2001–2009 mass emigration to Israel fell down and increased after unionists came to power in 2009. It should be stated that Jewish community preferred a stable national policy rather than the rule of unionists.

It has been stated that CHABAD plays an important role in the Jewish life in the country, especially in its religious revival. CHABAD managed to establish a system of Jewish religious education, as well as to launch synagogues all across the country. CHABAD's significant role can also be explained by its charismatic leaders striving for the religious service.

There is a strong tendency in Moldavian Jewish religious life. No observer has paid attention to it. The fact is that the Jewish religious revival is supported by the local businessmen. Also, interest in Judaism is seen among the local Moldavian population.

Moldova seems to be the country, in which the Jewish community has possibilities of further development: local businessmen, either big or small, are interested in the involvement in the community's activity, while the state has created conditions that can be characterized as a cultural autonomy. The statement can also be proved by the Jewish cultural activity and community's support of Yiddish.

It has been stressed that AJJDC contributed significantly to the Jewish revival in Moldova in the 1990–2000s. There are two periods of "Joint" activity in the FSU states. The first one is from 1990 to 1998, while AJJDC was involved in building Jewish communities in the FSU, and the second period is the 2000s, when the Russian department of AJJDC came up with a number of real estate fraud schemes and was involved in shuffling Jewish organizations there.

The surprising evidence is the activity of Messianic Jews in Moldova. This movement began to spread in the country in the early 1990s. The Moldavian followers of Messianism are not a strong community, comprising about 100 people.

Thus, the contributing factors to the Jewish revival in Moldova can be listed here: they are the state policy that allowed creating cultural national autonomies, the activity of CHABAD, support of the community life provided by the local small businessmen, as well as the use of Yiddish.

Notes

¹ The lecture "The Jewish revival in Moldova in the 1990/2000s" was presented by the author for The Sixteenth World Congress of Jewish Studies on 31 July 2013 in Jerusalem. This article is a revised version of that presentation.

² *Aliya* is a Hebrew word meaning "immigration to Israel".

³ Levit Izyaslav Elikovich is a Moldavian Jewish his-

torian. He was born in 1922 in Kishinev. His academic interests include the history of the Holocaust and the history of the World War II. Professor Levit has been the deputy head of the Jewish Department in the Moldavian Academy of Sciences in the early 1990s. In 1994 he immigrated to the USA. Kopansky Yakov Mikhaylovich (1930–2006) was a Moldavian Jewish historian. His key papers were devoted to the history of Moldavia during the 1920s–1930s. Kleyman Rita Yakovlevna (1947–2008) was a Moldavian Jewish literary theorist and an activist of the Jewish movement. She headed the Jewish Department of the Moldavian Academy of Sciences in the 2000s.

⁴ Luchinsky Pyotr Kirillovich (Petru Lucinschi) was the second President of Moldova (1997–2001). He was born in 1940. Since early 1970s till 1991 occupied various posts in Moldavian Communist Party and the Communist Party of the Soviet Union. He was a Speaker of the Parliament of Moldova in 1993–1997.

⁵ The review of the issues 1, 2, and 3 of the collection see: *Tsaytshrift*, Minsk-Vilnius, 2012, 7(2), *Tsaytshrift*, Minsk-Vilnius, 2013, 8(3).

⁶ *Lishkat ha-keshet* (The Liaison Bureau), also *Nativ* – the Israeli official organization founded in 1952 for maintaining contacts with Jews of the USSR and countries of the Soviet bloc. Today the organization holds the same functions, helped Jewish communities and encouraged emigration from the countries of the former Soviet Union.

⁷ ORT – Russian abbreviation of the words *Obshchestvo Remeslennogo Truda* (Association for the Promotion of Skilled Trades) – is a Jewish non-profitable organization for promoting education and training. ORT has its divisions all over the world.

⁸ CHABAD – a Hebrew abbreviation of three words – *khokhma* ('wisdom') *bina* ('understanding') *da'at* ('knowledge') is a Hasidic Jewish religious movement. Chabad-Lubavich actively entered in Jewish life in the CIS countries from 1991.

⁹ *Kheder* is a type of a Jewish religious elementary school. *Yeshiva* is a Jewish higher educational establishment. *Shkhetim* Hebrew word, plural of *shokhet*; *shokhet* is a man who practice a ritual slaughter.

¹⁰ A few evidences tell about the synagogue. Obviously, it was named in honor of Rabbi Chofetz Chayim (Yisroel Meir Ha-Koen), a leader of *Musar* movement. He was born in Grodno gubernia in 1838.

¹¹ Rav Zalman Abelski was born in 1927 in Moscow. At the beginning of the Great Patriotic War his family escaped to Samarkand. Zalman Abelski was educated in underground yeshiva there. In 1946 yeshiva students escaped from the Soviet Union. In 1948 Rav Abelski was sent as CHABAD missionary to Romania. In the early 1950s to the 1980s he lived in Israel. He was sent to Moldavia in the late 1980s. Now he is a Chief Rabbi of Kishinev and Moldova (See: Карпенко, 2005).

¹² It is interesting to note that the house set up for spiritual service in Soroca is, probably, the only place across the former Soviet Union where there is a prayer for the USSR on the wall of the prayer room.

¹³ *Yiddish lebn* in Yiddish means "Jewish life".

¹⁴ *Khesed* in Hebrew means "benefaction", "mercy".

¹⁵ Joseph Rabinovitz's activity is studied in: Kjaer-Hansen, 1994.

Records

JTA eArchive: <<http://www.jta.org/>>
 The materials of the expeditions to Balti supported by Moscow Center for University Teaching of Jewish Civilization "Sefer" in August 2012 and summer 2011:
 Bel_012_022_Grinberg
 Bel_012_030_Khodak
 Bel_011_07_Khodak
 UN Document. A/HRC/19/60/Add.2
 Экономическое обозрение, [Кишинев], 13.08.2008, № 22.

Literature

Kjaer Hansen K. Joseph Rabinowitz and the Messianic movement: The Herzl of Jewish Christianity / Transl. by B. Petterson. [S. l.]: Eerdmans Pub Co. 1994.
 Korazim M., Katz E., Bruter V. Survey of the Jewish population in Moldova: Research Report [of March 2002] / JDCBrookdale Institute. Jerusalem, 2002.
 Solonari V. From silence to justification? Moldovan historians on the Holocaust of Bessarabian and Transnistrian Jews // Nationalities Papers. The Journal of Nationalism and Ethnicity, 2002. Vol. 30. Issue 3. P. 435-457.
 Tartakovsky D. Conflicting Holocaust narratives in Moldovan nationalist historical discourse // East European Jewish Affairs, 2008. Vol. 38. Issue 2. P. 211-229.
 Думитру Д. В лабиринте политизации: преподавание Холокоста в школах Республики Молдова // Голокост і сучасність, 2008, № 1(3). С. 27-38.
 Мирча Снегур – Эдуард Волков: Откровенные диалоги (Краткая версия). Chișinău: Fundația "Draghiștea", 2007.
 Шевелёв Д. Еврейские общины Украины, Молдовы и Беларуси на рубеже 1990–2000х гг. // Перекрестки: Журнал исследований Восточноевропейского Пограничья. Вильнюс, 2009. № 1–2. С. 21-86.

Electronic resources

International Alliance of Messianic Congregations and Synagogues // <http://www.iamcs.org>
 Istoria succinta a Centrului de Etnologie [2009?] // <http://www.patrimoniu.asm.md/>
 Union of Messianic Jewish Congregations <http://umjc.org>
 Брутер В. Возможности целевой группы (еврейская община и население в возрасте от 30 до 50 лет). [S.a.] // http://igpi.ru/monitoring/jewish_world/investigations/1084458939.html
 Брутер В. Комментарии к опросу клиентов Хэсэдов Молдовы (Проводился 18–19 ноября 1998 г. посредством телефонных интервью) // http://igpi.ru/monitoring/jewish_world/investigations/hasad.html
 Брутер В. Перспективы еврейской общины Молдовы: социально политический аспект // http://www.igpi.ru/monitoring/jewish_world/investigations/1084459783.html
 Джойнт в СНГ: что происходит? [Март–апрель 2008] // <http://newswe.com/index.php?go=Pages&in=view&id=422>

Еврейский мессианский портал <http://ieshua.org/>
 Еврейский новостной портал Молдовы dorledor.info

Карпенко И. Раввин с улицы Хабад – Любавич [2005] // <http://www.lechaim.ru/ARHIV/162/VZR/k01.htm>

Копанский Я., Брутер В. Возрождение еврейской благотворительности в Молдове. [S. a.] // http://igpi.ru/monitoring/jewish_world/investigations/jewish_benef.html

Rezumat

În acest articol sunt analizate turnurile constituirii comunității evreiești din Moldova în anii 1990-2000. Bazându-se pe materialele de arhivă și observațiile personale, autorul articolului demonstrează ipoteza potrivit căreia, în această perioadă, în țară a luat avânt mișcarea de renaștere a evreilor. Autorul consideră că unii factori, printre care: politica statului de a crea autonomii culturale, dinamismul CHABAD-ului, participarea businessului mic și mijlociu în viața comunității din afara capitalei, dar însăși activitatea grupului – denotă perspective de existență durabilă a comunității evreiești în RM

Cuvinte-cheie: comunitatea evreiască din Moldova, autonomia culturală a evreilor, "Joint", CHABAD, viața religioasă, renaștere evreiască, iudaism mesianic.

Резюме

В статье рассмотрены некоторые аспекты строительства еврейской общины в Молдове в 1990–2000 гг. Исходя из архивных материалов и личных наблюдений, автор доказывает тезис о том, что в этот период в стране имело место еврейское возрождение. Автор считает, что некоторые факторы свидетельствуют о хороших перспективах дальнейшего существования еврейской общины в Молдове: политика центральной власти, создавшей национально-культурные автономии, активность ХАБАД, участие малого и среднего бизнеса в общественной жизни вне столицы, а также деятельность самой общины.

Ключевые слова: еврейская община Молдовы, еврейская национально-культурная автономия, «Джойнт», ХАБАД, религиозная жизнь, еврейское возрождение, мессианский иудаизм.

Summary

The article reveals several aspects, unknown before, of the Jewish life in Moldova in the 1990–2000s. Based on the records and personal observations, the author of the article proves that the Jewish renaissance took place in Moldova in the 1990–2000s. The author presents evidence in favor of good prospects of the Jewish community in Moldova: the state policy which allowed creating cultural national autonomies, the activity of CHABAD, support of the community life provided by the local small businessmen, as well as the use of Yiddish.

Key words: Jewish community of Moldova, Jewish national cultural autonomy, "Joint", CHABAD, religious life, Jewish renaissance, Messianic Jews.

Надежда КАРА

НИКОЛАЙ КАУФМАН – СОБИРАТЕЛЬ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬ НАРОДНЫХ ПЕСЕН БОЛГАР МОЛДОВЫ И УКРАИНЫ

Имя и профессиональная деятельность Николая Кауфмана – академика БАН, музыковеда-этнолога, фольклориста, теоретика музыки, композитора – связано не только с Болгарией, но и с Бессарабией (сегодня – Молдовой и Украиной). Благодаря самоотверженному труду этого собирателя и исследователя музыкального фольклора, болгары Украины и Молдовы обладают бесценным богатством – двухтомным собранием, наиболее полным по представленности песенного фольклора своего народа, – текстами и нотными записями. Весь этот материал в течение ряда лет, начиная с 1968 г., собирался Николаем Кауфманом, по его инициативе, под его руководством и при его непосредственном участии как собирателя¹.

Собранный в бывшей Бессарабии фольклорный материал был опубликован в 1982 г. БАН и АН Украины в виде солидного двухтомника. В этом издании содержатся записи около 3.000 песен и мелодий, дана характеристика ритмических схем строк, ноты и слова песен, представляющие различные тематические и обрядовые группы: Жетварски песни (90), Седенкарски песни (359), Сватбени песни (175), Коледарски песни (304), Лазарски песни (238), Хороводни песни и Градски песни (51). Представлены также записи музыкальных инструментальных мелодий: скрипка (гъдулка), волынка (гайда), кларнет, свирель (свирка), кавал.

Труд академика Николая Кауфмана – это неисчерпаемый источник не только для исполнителей народной болгарской песни в Молдове и Украине, но и для фольклористов-исследователей как словесного, так и музыкального фольклора – болгар и других балканских народов, а также восточных славян, соседствующих с болгарами Бессарабии.

Из биографии академика Николая Кауфмана

Н. Кауфман родился в болгарском городе Русе, в 1925 г., в еврейской семье. Его отец – из румынских евреев ашкенази, эмигрировал из Румынии в Болгарию после Первой мировой войны, в 1919 г. Мать его родилась в г. Свиштове, на границе с Румынией, тоже из семьи евреев ашкенази. Оба родителя – потомственные хасиды. Из г. Русе семья переезжает в город Габрово. Там же прошло детство Н. Кауфмана. В 1939–1944 гг. он учится в элитной Априловской гимназии – одном из лучших средних учебных заведений Болгарии,

с девятого класса начинает заниматься музыкой, играет на трубе. С 1947 г. Н. Кауфман – студент Софийского университета по специальности «философия». Но, как он сам пишет, тоскует по музыке. С 1948 г. становится студентом еще одного высшего учебного заведения – Государственной музыкальной академии. В 1952 г. заканчивает ее по специальности «музыкальная теория». Он успешно получает образование еще на одном факультете, по исполнительской специальности – труба. Но после окончания Музыкальной академии Н. Кауфман с 1952 по 1988 гг. работает в Институте по музыковедению, затем в Институте фольклористики БАН, где занимается в основном болгарскими народными песнями, описывая их роль в народных ритуалах. В 1962 г. Н. Кауфман защищает кандидатскую диссертацию по искусствоведению на тему «Музыкальный фольклор болгар-мусульман». С 1963 г. он является членом Этномузыковедческой секции ЮНЕСКО. В 1973 г. Н. Кауфман защищает докторскую диссертацию по искусствоведению на тему «Болгарская многоголосная народная песня». В 1990 г. он избран членом Королевского антропологического института Великобритании и Ирландии.

Н. Кауфман получает специальную награду Союза болгарских композиторов за монографию «Болгарская свадебная песня». За уже упомянутый двухтомный труд «Народные песни болгар Украинской и Молдавской ССР» (1983 г.) он получает орден «Паисий Хилендарский», присуждаемый БАН и СУ им. Климента Охридского.

В результате активной полевой работы Н. Кауфманом собрано и записано около 40 000 вокальных и инструментальных образцов народных мелодий в 940 населенных пунктах Болгарии, а также опубликовано 17 сборников (некоторые в 2-х томах), содержащих более 12 000 записанных и дешифрованных им народных песен и инструментальных мелодий. Издано более 20 научных монографических исследований академика Н. Кауфмана.

Следует отметить, что свою собирательскую деятельность (полевые записи музыкально-песенного фольклора Болгарии) Н. Кауфман начал еще в 50-е гг. XX в. Некоторые из его информаторов, чье исполнение он записывал, рождены еще в конце XIX или начале XX в. Это было особенно важно для «исторического» подхода к материалу,

для датировки музыкальных образцов и их отнесенности к определенному культурно-историческому пласту.

Наряду с собирательством народных песен и инструментальных мелодий Н. Кауфман одним из первых начинал проводить запись болгарской, балканской городской песни, вести фундаментальные исследования в области городской музыкальной культуры – песни, шлягера, городской инструментальной музыки и проч. Один из последних фундаментальных трудов академика – трехтомник «Болгарские городские песни».

Н. Кауфман – единственный болгарский музыковед, композитор и собиратель, получивший международную музыкальную награду «Грэмми» за свой альбом из серии «Мистерия болгарских голосов» (1990 г.). Он – основоположник современной болгарской фольклористической науки.

Сегодня исчезают формы естественного бытования фольклора. В связи с этим особо велики заслуги Н. Кауфмана в разработке современных форм хранения этого богатства. К таким формам можно отнести проводимые уже более 20 лет фестивали, организованные по его инициативе – Соборы народного творчества. В 1992 г. впервые по инициативе Н. Кауфмана в Болгарии был организован и фестиваль старой городской песни «Золотой каштан». Огромны его заслуги в утверждении музыкальной фольклористики как науки в Болгарии и в ее популяризации за рубежом.

Сам Н. Кауфман выделяет следующие основные сферы своего музыкально-научного творчества:

- проблемы болгарского народного многоголосья;
- песни болгар-мусульман (помаков – болгар, принявших ислам);
- фольклор болгар, живущих в диаспорах (переселенцев из Болгарии);
- сравнительное изучение болгарской и неболгарских музыкальных культур;
- фольклор этнических меньшинств Болгарии;
- городской песенный фольклор;
- актуальные проблемы музыкальной фольклористики.

Представим некоторые области исследования известного музыковеда-фольклориста, академика Н. Кауфмана.

Собирательская и научная деятельность Н. Кауфмана

В области регионального исследования болгарского музыкального фольклора музыковед подчеркивает необходимость соблюдать строгую

последовательность в работе с материалом: вначале сбор полевого материала (регионально структурированный), который также подчинен определенной последовательности – исследование образцов болгарского многоголосья, далее – изучение отдельных жанров песенного фольклора, наблюдения и анализ музыкального фольклора отдельных этнических и конфессиональных общностей, музыкально-теоретические проблемы песенного фольклора и т. д. «Региональная тема» в творчестве Н. Кауфмана естественным образом выводит его за пределы Болгарии, он занимается собирательством фольклора болгар-переселенцев. А это, в свою очередь, подводит его к сравнительному исследованию болгарской и неболгарских музыкальных культур. Наряду со сбором народных песен и инструментальных мелодий Н. Кауфман работает как первый собиратель и первый фундаментальный исследователь в сфере городской песни, долгие годы остававшейся вне поля зрения исследователей. Ему принадлежит первое и единственное такого рода исследование по проблемам городского музыкального фольклора.

Остановимся на нескольких наиболее важных направлениях в исследованиях региональных особенностей болгарского музыкального фольклора, выделенных самим Н. Кауфманом.

Особенности песенного фольклора болгар-мусульман

Изучая музыкальный фольклор болгар различных районов, исследователь обратил особое внимание на песенный фольклор в Родопском крае, где рядом с болгарскими христианами живут и болгары-мусульмане (помаки). В рамках регионального исследования были сопоставлены песни этих двух групп, прослежена трансформация песен болгар после принятия ислама (особенно при запрете на пение в определенные моменты). Н. Кауфман попытался выявить наличие общих песенных образцов у болгар-христиан и болгар-мусульман. В результате ученый приходит к выводу, что словесный компонент в песне под влиянием ряда факторов – новой религии и, соответственно, новых экономических и социокультурных условий, в которых оказывается песня, – чаще всего трансформируется, а мелодия остается той же. Именно мелодия является маркером «датировки» соответствующей песни. Автор отмечает, что сохранность наиболее старинных песенных образцов у болгар-мусульман связана с их религиозной принадлежностью, приведшей к своеобразной изоляции их музыкально-фольклорной системы. Особенно сохранены эти мелодии в песнях жен-

ского репертуара, из-за закрытости в общности этой социальной группы.

Болгарское народное многоголосье

Следующий важный предмет исследования академика Н. Кауфмана – диафония в болгарском песенном фольклоре. Можно утверждать, что именно Н. Кауфману принадлежит углубленное и целостное исследование болгарского народного двухголосья. Когда он начинает работу над этой темой, двухголосье, оказывается, все еще не было предметом изучения на Балканах. Н. Кауфман исследует и болгарское трехголосье. И далее он рассматривает это же явление в песенном фольклоре других балканских народов – в Сербии, Герцеговине, Хорватии, наблюдает греческое, албанское многоголосье, литовское и чувашское. Позже музыковеды в этих странах используют для изучения своих народных многоголосий исследовательские модели, терминологический аппарат и теоретические обоснования, принадлежащие Н. Кауфману.

Музыкальный фольклор других этнических групп Болгарии

Большое место в музыковедческих этнофольклорных трудах Н. Кауфмана занимает исследование музыкального фольклора различных этнических групп, живущих в Болгарии, среди которых и евреи, и казаки-некрасовцы (русские-старообрядцы). Но главное внимание в этом разделе научно-исследовательской деятельности Н. Кауфмана, конечно, уделено музыке болгарских евреев, музыкальный фольклор которых рассматривается в балканском контексте. Именно усилиями этого исследователя впервые были сделаны записи еврейского музыкального фольклора в Болгарии: академик Н. Кауфман углубленно исследует его и проводит соответствующую типологию. Одна из первых работ музыковеда в области музыкальной культуры евреев Болгарии – статья «Еврейский музыкальный инструмент „шофар“ в богослужебной практике болгарских евреев». В соответствии с представленными фольклорно-языковыми материалами Н. Кауфман выделяет на территории Болгарии три группы евреев: сефардские (испанские евреи, переселившиеся на Балканы из Испании и Португалии в 1492 г.; в Болгарию они переселяются из Франции, Италии, Греции, Турции); ашкенази (немецкие евреи, переселившиеся в Болгарию из Румынии, России, Украины и Польши); романьоты (местные евреи, населявшие Балканы). Так, в XVI в. в Софии проживали представители трех еврейских общностей, и автор допускает, что общим их языком стал язык наиболее многочисленных сефардских

евреев. Именно их музыкальный фольклор в Болгарии исследует Н. Кауфман. Основная его задача – установить, в какой мере песенный фольклор сефардских евреев на Балканах подвергся «балканизации». Выводы, к которым приходит автор, следующие: в мелодическом отношении песни сефардских евреев близки к песням греков и турок (на греческом языке, вероятно, говорило наиболее старое поколение местных евреев). В целом же налицо балканское влияние. Сравнительный анализ болгарских и сефардских народных песен доказывает, скорее, доминирующее влияние болгарских песен на сефардские, чем наоборот.

При типологическом сравнении с болгарским песенным фольклором исследователь условно выделяет в сефардских песнях три большие группы: обрядово-ритуальные песни (свадебные – исполняемые в различные моменты свадьбы; пасхальные с вариантом – домашние пасхальные песни; песни, исполняемые после родов (рождения); песни погребальные – «плакальные»); песни, сопровождающие чаще всего одиночный танец; любовные и повседневные песни (сюда же вошли и песни уличных торговцев). В расширенном балканском контексте (то есть и за пределами Болгарии) песни сефардских евреев Н. Кауфман объединяет в три другие группы: кантикас (групповые песни любовного, юмористического, лирического характера, сопровождающие танцы во время праздника); романцero (сольное пение, связанное с исторической судьбой еврейского народа); коплас де Пурим (обрядовые песни, исполняемые женщинами во время религиозного праздника Пурим и связанные с определенными обрядовыми действиями).

Песни болгарских евреев ашкенази Н. Кауфманом изучены в меньшей степени, так как он опирался только на репертуар собственной матери – Иды Фроим Гершович (позже Кауфман), ашкеназской еврейки. Она родилась в 1895 г. в г. Свиштове. Родители ее были родом из Украины и Молдовы (соответственно – из Одессы и Кишинева). Свои песни она исполняла на идиш, восходящем к старинному севернонемецкому диалекту. Песни своей матери он классифицирует как род городского фольклора (ашкеназские песни), приближенного к греческому городскому песенному фольклору («Ребетика»). Сефардская и ашкеназская фольклорные песни по музыке отличаются коренным образом. В ашкеназской городской песне исследователь усматривает и румынское, и украинское влияние (жанр городской песни), и немецкий интонационный тип патриотической маршевой песни, а также влияние скрипичной му-

зыки Украины и Молдовы. Автор допускает, что песни, родственные северонемецкой народной песне, исторически более ранние, а те, в которых выявляется румынское влияние, – более поздние. Для выдвигания определенных выводов требуется и углубленное сопоставление с еврейскими песенными образцами Украины, Молдовы и Румынии (для выявления сходств и различий).

Ашкеназская народная музыка рассматривается в балканском контексте в статье Н. Кауфмана «Взгляд на народную музыку балканских евреев». По мнению исследователя, музыкальный фольклор у ашкеназских евреев сохранился в большей мере, чем у испанских евреев (сефардов). Опираясь на исследования погребальных песен ашкеназских евреев, осуществленных румынским музыковедом Гизеллой Сулицяну, Н. Кауфман сравнивает их с балканскими погребальными песнями. Другая сфера тематических исследований музыкального фольклора ашкеназских евреев – это судьба танцевальной инструментальной музыки в репертуаре музыкантов-евреев – клемеров, называемая «булгариш», «булгар» в США, «булгаряска». Этот жанр исследован и описан Н. Кауфманом в статье «Бургариш» в репертуаре клезмеров» и в статье «Музыка – путник без паспорта». Н. Кауфман открывает инструментальные мелодии типа «булгариш», исследуя музыкальный фольклор бессарабских болгар в конце 60-х гг XX в. Наиболее детально «булгариш» исследовал американский автор Уолтер Фельдман. Для Н. Кауфмана парадоксально то, что мелодии «булгариш» болгарскими воспринимаются как еврейские, а евреи считают их болгарскими, но, тем не менее, невозможно отрицать родство «булгариш» с музыкой Северо-Западной Болгарии. В статье «Взгляд на народную музыку балканских евреев» автор приводит интересный пример, связанный с историей гимна Республики Болгария «Мила Родино». По его мнению, эта еврейская мелодия воспринята клезмерами в болгарском городе Свиштов, где и жил автор этой мелодии Цв. Радославов. Это еще раз подтверждает, по мнению Н. Кауфмана, явную близость «булгариш» и музыки Дунайской Болгарии.

Анализируя музыку для народных танцев болгарского автора Дико Илиева, типичную для Северо-Западной Болгарии, он находит общее и с «булгариш» (в творчестве Дэйва Тараса в США).

Данные исследования Н. Кауфмана прослеживают путь, проделанный конкретным типом болгарской мелодии во времени и в пространстве (еще в XIX в., раньше, чем песня).

Самое старое еврейское население в Болгарии – романьоты. Но музыкально-фольклорный материал этой группы в Болгарии уже отсутствует. Автору удалось записать только 22 песни у романьотской еврейки, переселившейся из Болгарии в США. Но и здесь обнаруживаются балканские элементы, свойственные музыкальному фольклору всех трех групп. Вопрос о еврейском фольклоре и фольклоре балканских стран отличается сложностью и обширностью, и исследование его находится еще в самом начале. Н. Кауфман – первый и единственный исследователь еврейской музыки в Болгарии, и ее же – в балканском контексте.

Н. Кауфман изучает и песни русских старообрядцев Болгарии (казаков-некрасовцев). Он отмечает, что их песни являются типично русскими по всем признакам и что за все годы жизни в Болгарии их песенный репертуар не подвергся влиянию болгарских интонационных моделей.

Музыкальный фольклор болгар-переселенцев вне Болгарии

Особенно важной для нас является тема исследования Н. Кауфманом музыкального фольклора болгар-переселенцев в Бессарабии и Таврии. В конце 60-х – начале 70-х гг XX в. Н. Кауфман приезжает вместе со Сливенским ансамблем народных песен и танцев в с. Кирютня (сегодня с. Кортен) Р. Молдова. Он посещает болгарские села Чадыр-Лунгского района и других районов республики. Вторично исследователь объезжает населенные пункты Молдовы и Украины, заселенные болгарскими переселенцами, в 1971 г. Посещает он также и села Приазовья. На основании осуществленных нотных и текстовых записей была проделана огромная работа и подготовлены к изданию уже упомянутые нами два тома записей народных песен и инструментальных мелодий. Издание было осуществлено только в 1982 г. В него включены все возможные песенные жанры, которые Н. Кауфман обнаруживает в репертуаре бессарабских болгар и которые иллюстрируют степень сохранности песенной системы. Двухтомник предваряется вводной статьей «Народные песни болгар Украинской и Молдавской ССР». Эта статья – первое исследование, в котором осуществляется музыковедческий анализ и типология инструментальных мелодий. Особо важным для автора был вопрос о влиянии молдавской инструментальной музыки на инструментальную музыку бессарабских болгар. Наблюдения автора показали, что полтора века – очень малый срок для развития и серьезной трансформации музыкального фольклора, а из этого следует, что песня

– это «памятник» далеких времен, претерпевший наименьшее изменение. Следует отметить еще раз, что сборник народных песен и инструментальных мелодий бессарабских болгар – это уникальное собрание, богатство, которое с позиций времени приобретает все большую ценность.

Сравнительное исследование болгарской музыкальной-фольклорной культуры с культурами других народов в трудах Н. Кауфмана представлено в различных аспектах. Один из них – это отражение балканского единства через сравнение многоголосья болгарского и других балканских народов. Другой аспект – это выявление праславянского архетипа, задающего единство болгарской народной песни и песни восточных славян (украинцев, великороссов, белорусов). Сравнительное изучение болгарской и чувашской народной музыки дает возможность выявить «протоболгарский» общий элемент.

Жанры болгарского песенного фольклора

Николая Кауфмана можно считать основателем систематического и системного исследования жанров песенного фольклора болгар. Эта тема – одна из наиболее пространных, углубленных и творчески разработанных в его научных трудах. Главные монографии, освещающие жанровый подход – это «Българска сватбена песен» (София: Музика, 1976, 392 с.); «Погребални и други оплаквания в България» (София: БАН, 1988, 392 с.); «Български народни песни на полски труд» (София: БАН, 2003, 379 с.). В многочисленных статьях, как и в упомянутых монографиях, описаны почти все возможные виды песенных жанров: семейная обрядовость, трудовая обрядовость, календарная обрядовость, и все это – на материале различных регионов Болгарии, в фольклоре болгар-переселенцев, различных этнических и конфессиональных групп Болгарии.

Как композитор Н. Кауфман опубликовал более 100 хоровых песен, около 300 произведений инструментальной музыки. Выпущено свыше 200 компакт-дисков с записями хоровых песен и инструментальной музыки. К шедеврам композиторского творчества можно отнести произведение для хорового исполнения – «Триптих». Это своеобразная философия болгарского фольклора, представленная в трех частях – Рождение, Свадьба, Смерть, где воссоздается обрядовость, мировидение и ценностные представления болгарского народа, выраженные в музыкальном фольклоре.

Примечание

¹ При написании данной статьи мы воспользовались источниками, указанными в разделе ЛИТЕРАТУРА. Перевод с болгарского языка – наш (Н. Кара).

Литература

«Булгариш» в репертоара на клемерите // Годишник на Организацията на евреите в България «Шалом». Т. XXX. София, 1998/1999.

Еврейските песни на майка ми // Български фолклор, 1990, № 3.

Илиева А. Николай Кауфман на 70 години // Български фолклор, 1995, № 5.

Кауфман Н. Поглед върху народната музика на балканските евреи // Българи и евреи. Втора част. София, 2000.

Кауфман Н. Фолклор и религия // Българско музикознание, 1999, № 2.

Литова-Николова Л. Приносът на Николай Кауфман в областта на сравнителните музикалнофолклорни изследвания // Български фолклор, 2001, № 1.

Народни песни на българите от Украинска и Молдавска СССР. Т. 1. и Т. 2. София, 1982.

Тончева В. Фолклористът Николай Кауфман. София: Академично изд-во «Марин Дринов», 2005.

Хлебаров И. Метроритмичната идея на Н. Кауфман // Български фолклор, 2001, № 1.

Rezumat

Articolul este dedicat creației poliedrice a vestitului etnolog, folclorist, compozitor, savant și muzicolog bulgar, de origine evreiască, – academicianului Nicolae Kaufman. Sunt prezentate informații despre cele mai importante realizări ale specialistului în studierea și popularizarea culturii muzicale a bulgarilor și ale altor etnii din Bulgaria.

Cuvinte-cheie: etnomuzicologie; folclorul muzical; folclorul muzical-ritual; cercetare comparativă a genurilor folclorice muzicale.

Резюме

Статья посвящена многогранной деятельности известного болгарского этнолога-музыковеда еврейского происхождения, фольклориста, композитора и ученого – академика Николая Кауфмана. Представлена информация о важнейших достижениях специалиста-универсала в изучении и популяризации народной музыкальной культуры болгар и других этносов Болгарии.

Ключевые слова: этномузыковедение, музыкально-песенный фольклор, обрядовый песенный фольклор, сопоставительное исследование фольклорных музыкальных жанров.

Summary

The article is dedicated to the multifaceted creation of the famous Bulgarian ethnologist-musicologist of the Jewish origin, folklorist, composer and scientist – Nicolai Kaufman. Here is presented information about the most important achievements of the general-purpose specialist in studying and popularization of folk musical culture of Bulgarians and others ethnicities in Bulgaria.

Key words: ethnomusicology, musical and song folklore, ceremonial-songs folklore, comparative research of the folklore musical genres.

ИУДАИСТИКА В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ Р. КЛЕЙМАН

Научное наследие Риты Яковлевны Клейман – доктора хабилитат филологии и профессора с почти сорокалетним научным и педагогическим стажем – является значительной страницей истории Отдела истории и культуры евреев Молдовы (в настоящее время – группа «Этнология евреев»). Однако ее вклад в мировую иудаистику одновременно и шире, и глубже.

Формально Рита Яковлевна работала в области еврейской этнологии только в рамках группы; реально же еврейская тема проходит, как говорили в приснопамятные времена, «красной нитью» через все ее научное творчество, через всю ее жизнь.

Это, разумеется, не значит, что она всю жизнь занималась русской литературой исключительно «для прикрытия», а на самом деле интересовалась только еврейская тема – это, конечно, неправда. Однако эта самая «еврейская тема», так сказать, давала о себе знать в самых неожиданных местах. Недаром ей был так близок гершензоновский образ Гольфстрема – течения культур, то видимого на поверхности, то уходящего вглубь, но никогда не прерывавшегося.

На протяжении многих десятилетий Р. Я. Клейман глубоко и серьезно занималась творчеством Достоевского. (И, кстати, никогда Достоевский не был ее официальной плановой темой – только «хобби»; это хобби сделало ее одним из немногих исследователей мирового уровня). И конечно, среди сквозных мотивов и констант поэтики Достоевского – кстати, так назывались две ее монографии (Клейман, 1985; Клейман, 2001) ее внимание не могла не привлечь еврейская тема – пресловутый «антисемитизм Достоевского». Несколько лет исследования, кропотливого контент-анализа позволили ей доказательно развеять этот миф: на самом деле то, что ненавистники евреев, с одной стороны, и ненавистники Достоевского, с другой, выдавали за его юдофобство, было болезненной смесью его ядовитой мизантропии и, как ни странно, мучительной юдофилии.

Еще один, и тоже очень необычный пример.

Рита Яковлевна в течение многих лет серьезно занималась изучением жизни и творчества Паисия Величковского (одну из обобщающих статей см.: Клейман, 2012). Скажем иначе: еще в советские времена, в 70–80-е гг., она фактически вытаскивала из забвения этого гиганта молдавской истории и культуры, только в 1988 г. канонизированного Великого Старца Молдавского Паисия. Как говорится, «при чем здесь евреи?» Не при том даже, что прадед Паисия по материнской линии был крещеным евреем – а при том, что для самого Паисия это было важным фактом личной духовной биографии, и он всегда подспудно ощущал, что иудаизм, от которого отказался даже не он, а его предки за три поколения до него, – ему не чужд; и в последние годы Р. Я. Клейман нащупала некие связи между исихазмом Паисия и иудейской традицией... к сожалению, слишком поздно, на уровне устных рассуждений, не успевших оформиться в текст.

Вообще вытаскивание из забвения, из почти небытия, из «фигуры умолчания» было ей свойственно. Так она «вытаскивала» еще одного титана – Михаила Гершензона. Философ, филолог, историк, пушкинист, идеолог Серебряного века, и не в последнюю очередь – самобытный религиозный писатель, Гершензон может служить образцом библейской «жестковости» своего народа: он никогда не изменял себе – ни ради карьеры, ни ради любви, ни ради комфорта... И каким-то непостижимым образом он был Рите Яковлевне очень близок. «...Поразительно острое чувство личной сопричастности к мировой цивилизации, чувство личной, индивидуальной ответственности за судьбы культуры», – писала она о Гершензоне (Клейман, 2003, 439) – а мы понимаем, что и о себе. Продолжим цитату: «Гершензон как бы соединил в себе мировую скорбь еврейского народа с тем “всемирным болением” русской интеллигенции, о которой говорил Достоевский в своей пушкинской речи», – и это тоже, конечно, о себе. Соединять индивидуальное с типическим, национальное с мировым было ее талантом. Гершензон для Клейман – и

уроженец любимого Кишинева, и великий пушкинист, и одновременно – серьезнейший теоретик уровня Лотмана и Бахтина.

Вообще, как любая точка в евклидовом пространстве описывается тремя декартовыми координатами, так любая точка в научном наследии Клейман существует пространственно и рассматривается стереоскопически. Если это Александр Гольдман – то в обосновании глубокой теоретической концепции «кишиневского текста»; если Яков Тихман – то в ряду Шолом-Алейхем – Иосиф Уткин – Яков Тихман; если Довид Кнут – то как пример (цитирую) «взаимодействия ряда компонентов общего культурного кода, образующего единое резонансное пространство, которое можно условно обозначить как "Russian-Jewish Paris"».

Или, например, готовя доклад для достоевческой конференции в Японии, она не только привлекает для сравнения поэтику Достоевского, традиционную японскую культуру и эстетику Эйзенштейна (имеющего, кстати, еврейские корни – впрочем, это как раз в означенном контексте роли не играло), но еще и использует для этого философию Мартина Бубера (а вот здесь уже более по-еврейски, чем это, не бывает)!

В данном пространстве нашлось место и для Шрайбмана, и для Корчака, и для Бродского: едва ли не ей первой пришлось в голову искать – и найти! – в его творчестве еврейские мотивы.

И уже *postmortem*, в 2010 г., опубликована книга, фактически собравшая под одной обложкой отдельные (далеко не все) материалы по еврейской истории и культуре, написанные Ритой Яковлевной за последние годы (Клейман, Шихова, 2010).

Не чуждалась Рита Яковлевна еврейской темы и в своем художественном творчестве, которому только по скромности не уделяла достойного внимания. Ее пьеса «Мышкин и Моисей» (Клейман, 2007), опубликованная в Санкт-Петербурге, развивает все ту же мысль о единстве всей мировой культуры: русской, европейской, еврейской... По сути это произведение экспериментального жанра, экспериментального в обоих смыслах: новаторского для литературы и в то же время представляющего собой в буквальном смысле эксперимент, поставленный литературоведом средствами литературы. Так Хлебников или Кручёных веком ранее художественно экспериментировали над языковыми и стилистическими средствами.

Эта пьеса должна была открыть новую, несомненно важную и продуктивную страницу в

творчестве Риты Клейман – если бы не ее безвременная кончина, отнявшая у мировой литературоведческой науки еще годы и годы плодотворного труда одного из подвижников.

Приложение

Мы впервые публикуем стихотворение
Р. Я. Клейман «Прапамять».

ПРАПАМЯТЬ

*Светлой памяти моей
прабабушки Ривки,
именем которой я названа*

В еврейской хижине лампада
В одном углу бледна горит
А. С. Пушкин

Тогда я снова буду я, –
Простой индеец, задремавший
В священный вечер у ручья...
Н. Гумилев

Мой странный сон, он снова рядом,
Тревожит душу и томит:
В еврейской хижине лампада
В одном углу бледна горит...

Забытый быт, – часы с кукушкой,
Комод, салфетка, две свечи;
Седая ветхая старушка
Тихонько молится в ночи.

Я никогда здесь не бывала,
Но каждый угол мне знаком...
А поутру я забывала
И странный сон, и старый дом.

Бежала жизнь в привычном ритме –
Дела, дела, куда ни кинь.
А ночью голос был мне:
«Ривке,
Майн арц... майн фейгалэ... майн кинд!»

...Она в войну погибла в гетто,
Молясь за нас среди огня.
Я ночью ясно вижу это,
Хоть не было еще меня.

О, эта горькая услада!
О, этот милый старый быт!
Моей прапамяти лампада
В углу души светло горит...

Литература

Клейман Р. Я. Возвращение Гершензона // Гершензон М. О. Очерки прошлого. Кишинев: Руксанда, 2003.

Клейман Р. Я. Достоевский: константы поэтики. Кишинев, 2001.

Клейман Р. Я. К проблеме методологического синтеза в современной этнокультурологии. Наследие

Старца Молдавского Паисия Величковского на стыке межэтнических и междисциплинарных исследований // Достоевский и мировая культура. Альманах, № 29: Памяти Натальи Васильевны Живолуповой и Риты Яковлевны Клейман. СПб.: Серебряный век, 2012.

Клейман Р. Я. Мышкин и Моисей. СПб.: Серебряный век, 2007.

Клейман Р. Я. Сквозные мотивы творчества Достоевского в историко-культурной перспективе. Кишинев: Штиинца, 1985.

Клейман Р., Шихова И. Культурное наследие евреев Молдовы. Кишинев, 2010.

Vasile CHISELIȚĂ

MUZICIANUL ȘI LĂUTARUL MILU LEMISCH: ASPECTE ALE BIOGRAFIEI DE CREAȚIE

Un rol important în evoluția muzicii naționale din secolul al XIX-lea și începutul celui de-al XX-lea, în contextul modernizării și tranziției spre valorile culturii occidentale, l-au avut elitele intelectuale, în special, compozitorii și interpreții profesioniști. În rândul acestora se înscriu și o seamă de lăutari școliți, de diverse origini etnice, muzicanți autodidacți, artiști de vocație, maeștri ai performanței muzicale, cunoscători și promotori ai muzicii tradiționale autohtone și a celei clasice europene. Nu face excepție, în acest sens, nici dinastia muzicienilor evrei Lemisch din Iași, a cărei prezență notabilă în viața culturală a capitalei și a altor orașe ale Moldovei de pe ambele maluri ale Prutului este consemnată, începând cu deceniul cinci al secolului al XIX-lea. Datele referitoare la destinul artistic al membrilor acestei dinastii rămân a fi, însă, destul de modeste, iar sursele disponibile la temă abundă deseori în date confuze și chiar contradictorii.

În demersul de față ne propunem să elucidăm unele aspecte biobibliografice și de creație ale violonistului și cântărețului Milu Lemisch, unul din membrii marcanți ai acestei dinastii.

Controverse privind numele personal al juniorului Lemisch

Dinastia Lemisch din Iași, un oraș cu o importantă comunitate evreiască către mijlocul secolului al XIX-lea, cuprinde, cel puțin, două generații succesive de muzicieni. Una – a „seniorilor”, reprezentată de doi frați violoniști, care au activat în Iași și care-și semnavă numele cu inițialele **S.** și **B.** Lemisch, iar alta – a „juniorilor”, în persoana unuia dintre fiii succesori, cu numele său adevărat **Milu** Lemisch. În deceniile șapte-nouă ale aceluiași secol, acesta din urmă s-a remarcat ca violonist, lăutar, cântăreț, dascăl de muzică și conducător de orchestră lăutărească, preponderent în regiunea de est a vechii Moldove, numită Basarabia, aflată pe atunci sub stăpânire țaristă.

Istoriografia sovietică i-a atribuit însă, incorect și eronat, lui Milu Lemisch numele mic **Alexandru**

(Kotliarov, 1966, 81; Literatura și arta Moldovei, 1986, 118). Informația a fost preluată necritic și, din păcate, difuzată mecanic, inclusiv prin intermediul unor publicații cu caracter enciclopedic (Literatura și arta Moldovei, 1986, 118; Buzilă, 1996, 259; Calendarul, 2006, 415). Precaritatea și nesiguranța documentării au creat și alimentat regretabile confuzii și neclarități la acest subiect. Prin anii 1963–1967, asupra acestui fenomen atrăgea atenția muzicologul și lexicograful român Viorel Cosma, în corespondența personală, întreținută cu B. Kotliarov (ANRM, f. 13).

Curios este faptul, că sursele bibliografice anterioare apariției monografiei citate a lui Kotliarov, chiar și lucrările mai vechi ale aceluiași autor (Kotliarov, 1955), nu făceau referință la numele mic al lui Lemisch. Ulterior, acest gol de cunoaștere a fost suplinit, se pare, prin atribuirea voluntară, de către B. Kotliarov, a unui nume inventat. Deficiențele serioase de vedere, de care, din păcate, suferea cercetătorul, și-au spus, credem, cuvântul hotărâtor în acest proces. Astfel, inițiala numelui mic al lui Lemisch (**M**) a fost citită greșit, și anume, ca semn compus din două litere alăturate: (**A**) mare și (**I**) mic, adică (**AI**), combinația sugerând forma prescurtată a numelui „Alexandru”.

Totuși, în literatura de specialitate, numele original complet al muzicianului a fost fixat încă de la debutul secolului al XX-lea. Sub forma grecizantă „**Millo Lemis**”, el figurează în fundamentala lucrare a lui T. Burada despre istoria teatrului în Moldova (prima ediție – 1915). Protagonistul e menționat ca titular al funcției de șef de orchestră a trupei teatrale ieșene, care efectuase un prim turneu la Chișinău, în perioada noiembrie 1868 – aprilie 1869 (Burada, 1991, 390). Paradoxal rămâne însă faptul, că din cauze total inexplicabile, acest detaliu onomastic a rămas neobservat și/sau ignorat de cercetători. Mai mult ca atât – inițiala „**M**” apare și în semnătura personală a lui Milu Lemisch, într-o scrisoare în idiș, datând din anul 1912, expediată din Philadelphia (SUA), în adresa lăutarului și discipolului său din

Bălți, Costachi Parnău (Parno). Acest document se păstrează, în copie, la Arhiva Națională a Republicii Moldova, în dosarul personal al lui Boris Kotliarov (ANRM, f. 1). Încercând să lărgim baza de documentare la acest subiect, am apelat și la site-ul genealogic www.ancestry.com, unde am găsit postată copia după pașaportul lui Milu Lemisch, eliberat de organele competente ale SUA, în data de 27 mai 1910. În josul primei pagini a documentului figurează semnătura titularului, **Milu Lemisch**. Comparând aceste date, am putut constata nepotrivirea acută a inițialei „M” cu presupusul nume mic Alexandru, evocat în lucrarea citată a lui Kotliarov (1966). Acest fapt ne îndreptățește să conchidem că numele adevărat al muzicianului este, fără echivoc, Milu Lemisch, așa cum este semnalat și în sursele din SUA, țara sa de adopție, și nu Alexandru Lemiș, cum susțin sursele din spațiul ex-sovietic.

Locul de naștere

Existau presupuneri că familia Lemisch ar fi fost originară din Basarabia. Datele recente, incluse în lucrarea „*The art of being Jewish in modern times*”, apărută în 2008, în Philadelphia, SUA, infirmă aceste supoziții. În capitolul dedicat muzicienilor *klezmer*, în majoritate, emigranți din Europa de Est, muzicologul Hankus Netsky, scoate în prim plan numele lui **Selig Itzik Lemisch**. Referitor la biografia acestuia, axându-se pe documentele de arhivă, autorul menționează faptul că este originar din Iași, România, că s-a născut în 1819 și că a decedat în 1891, fiind stabilit, împreună cu familia sa, în Philadelphia, de prin anii '80, adică din deceniul al nouălea al secolului al XIX-lea (Kirshenblatt-Gimblett, 2008, 297). De aici putem conchide, că locul de naștere al muzicienilor Lemisch este capitala Moldovei, Iași, și nu Basarabia. Conform declarației incluse în pașaportul personal, și Milu Lemisch s-a născut la Iași (Yassy), România, la 27 noiembrie 1947. A emigrat în SUA la 7 august 1887 și s-a stabilit în Philadelphia.

Seniorii dinastiei Lemisch: educație și activitate profesională

La Iași, membrii dinastiei Lemisch s-au bucurat de o educație muzicală în familie, axată pe studiarea viorii, pianului și a gramaticii muzicale cu diverși profesori, veniți în Principatele Române din țările Europei Centrale și de Vest. Procedeu constituia un fenomen obișnuit în epoca primei modernizări. Înzeștrați cu un talent excepțional și cu o sensibilitate artistică deosebită, beneficiind de avantajele unei instruirii culte, muzicienii Lemisch și-au însușit, deopotrivă, tradițiile artei muzicale europene și ale celei lăutărești locale.

În deceniile cinci-șapte ale secolului al XIX-lea, seniorii dinastiei Lemisch erau bine cunoscuți în

Moldova de la vest de Prut, ca violoniști și ca muzicieni concertanți. Prin anii 1846-1847, frații **I. Lemiș** (forma prescurtată a lui Selig Itzik Lemisch, citat mai sus) și **B. Lemiș** (încă neidentificat sub aspect onomastic) figurează ca violoniști în orchestra lui Flechtenmacher de la Teatrul Național ieșean (Burada, 1991, 236). Alături de orchestra acestui teatru, seniorii Lemisch au susținut sute de reprezentații cu muzică (vodeviluri, drame, comedii, tablouri cu cântece și dansuri, șansonete, barcarole, romane de inspirație europeană, inclusiv balade, doine, cântece satirice și comice de inspirație națională). Marea majoritate a pieselor erau scrise pe textele autorilor autohtoni, printre care V. Alecsandri, C. Negruzzi, M. Millo și alții. Favorizate de ideile înălțătoare ale revoluției democratice europene de la 1848, creațiile teatrale cu muzică vor contribui enorm la consolidarea conștiinței patriotice și naționale a poporului. În anul 1853, după plecarea lui Al. Flechtenmacher la teatrul din Craiova, frații Lemisch (Lemiș) au preluat funcția de conducători ai orchestrei teatrului ieșean. În anul 1857, orchestra celor doi Lemisch, alcătuită din 12 muzicanți, susține o serie de reprezentații teatrale la Bacău. Ulterior, a urmat o serie întregă de spectacole răsunătoare la Botoșani și în alte orașe din nordul Moldovei (Burada, 1991, 229). În primăvara anului 1864, orchestra reînnoită a fraților Lemisch efectuează, pentru prima dată, alături de trupa renumiților actori Fani Tardini și Vlădicescu, un turneu la Cernăuți, în capitala Bucovinei, unde se bucură de un succes fulminant. La invitația fraților Hurmuzaki, turneul teatral din Cernăuți a continuat și în perioada noiembrie 1864 – martie 1865. Pe parcursul acestuia, orchestra fraților Lemisch a acompaniat 54 de piese teatrale, dintre care 30 erau creații ale autorilor români, în special, comedii naționale cu cântece. Jocul actoricesc strălucit, dar și interpretarea fermecătoare a orchestrei, a produs o impresie halucinantă asupra publicului local, astfel încât unii admiratori au decis chiar să plece cu trupa în peregrinările ei teatrale. Printre aceștia s-a aflat și tânărul poet Mihai Eminescu, pe atunci, elev în anul doi la gimnaziul de stat (*Ober-Gymnasium*) din Cernăuți. Unii autori menționează probabilitatea prezenței orchestrei teatrale a fraților Lemisch la Cernăuți și în anul 1866, în compania trupei conduse de Matei Millo și Fani Tardini (Luceac, 2009, 40).

Seniorii Lemisch s-au remarcat și ca protagoniști ai unor concerte camerale, în calitate de violoniști. Un astfel de eveniment este consemnat într-o corespondență specială din Galați, publicată în paginile ziarului *Odesskii vestnik*, din 23 aprilie 1852, citată de muzicologul B. Kotliarov. Ei au interpretat creații clasice de popularitate, printre care lucrări

emblematică din repertoriul violonistic universal, precum *Carnavalul din Veneția* (probabil, vestita lucrare de virtuozitate a lui Paganini) și *Mazurca* de Kontski (Kotliarov, 1966, 86). În virtutea popularității enorme de care s-a bucurat, în perioada deceniilor șase-șapte ale secolului al XIX-lea, orchestra condusă de frații Lemisch pare să fi avut o vie prezentă și în cadrul diverselor manifestări culturale cu caracter public și privat, precum seratele muzicale, balurile, nunțile, petrecerile familiale, extrem de frecvente pe atunci în mediul citadin și aristocratic al capitalei, dar și al altor orașe ale Moldovei. Nu poate fi exclusă posibilitatea unei activități concertistice a acestora și pe la balurile și petrecerile nobililor din Basarabia.

Juniorul Milu Lemisch în Basarabia

O pagină aparte în istoria dinastiei Lemisch constituie activitatea fiului succesor al lui Selig Itzik Lemisch, în persoana violonistului și lăutarului Milu Lemisch (1847–1918). Deși format ca muzician în sânul familiei sale și al prietenilor din Iași, Milu Lemisch s-a afirmat ca personalitate artistică în Basarabia. Primul contact cu publicul local o stabilește în anul 1868, la vârsta de 21 de ani. În perioada 20 noiembrie 1868 – 15 martie 1869, el se produce în calitate de șef de orchestră a trupei de teatru a lui Nicolae Luchian din Iași, cu care a susținut, în localul teatrului Grossman din Chișinău, peste 40 de reprezentații cu muzică (Burada, 1991, 390). Repertoriul stagiunii în cauză s-a axat pe piesele teatrale naționale, de mare popularitate în epocă. Printre acestea: *Cinel-Cinel*, *Fluierul fermecat*, *Urâta satului*, *Florin și Florica*, *Scara mâței*, *Banul*, *ochiul dracului*, *Cucoana Chirița*, *Nunta țărănească* ș. a. Orchestra lui Milu Lemisch s-a bucurat de un succes răsunător, ea fiind solicitată inclusiv la unele manifestări din cadrul privat, în casele celor mai importante familii de nobili locali, precum Catargiu, Cheșcu, Crupenschi ș. a.

Impresionat de succesul ademenitor al primului său turneu teatral în Basarabia, Milu Lemisch a hotărât să-și lege destinul profesional anume de acest meleag. El a înfiripat o strânsă colaborare cu diverse familii de nobili și funcționari locali, în special, cu muzicienii și orchestrele din Chișinău și Bălți. În Basarabia, el a desfășurat o bogată carieră de dascăl, violonist, cântăreț, conducător de orchestră, compozitor, cel puțin, pe parcursul a peste un deceniu, până în ajunul emigrării sale în SUA, împreună cu familia, în anul 1887.

În anul 1873, Milu Lemisch a susținut mai multe concerte la Chișinău, unele în compania orchestrei de salon a regretatului boier Milili. Cu încuviințarea conducerii Clubului nobilimii din Chișinău, orchestra sa evolua în pavilionul grădinii publice a orașului, și anume, în zilele „neteatrale” ale sezonu-

lui estival (B.O.B., 1873, nr. 65, 328). Acest fapt a favorizat creșterea rapidă a popularității sale ca violonist și lăutar de marcă nu numai în Chișinău, ci și în întreaga provincie. La îndemnul unor prieteni și, probabil, din interese profesionale, pe la mijlocul anilor '70 ai secolului al XIX-lea, Milu Lemisch pare să se fi mutat cu traiul la Bălți. În acest mic orașel din nordul Basarabiei, el își va crea propria orchestră populară, în care va coopta unele talente din partea locului, pe care le va instrui și le va învăța să cânte pe note. În scurt timp, orchestra sa a dobândit o mare faimă în toată Basarabia. Nici o nuntă, nici un bal, nici o petrecere sau serată muzicală nu se făcea fără orchestra lui Milu Lemisch. Repertoriul orchestrei sale era de o anvergură multiculturală. Pe lângă doine, melodiile tradiționale de dans, sârbe, bătute, hanguri, bulgărești, hore, el includea și diferite dansuri populare europene (vals, cadril, cotillon, lanțetă, polcă, padespani, mazurcă, cracoviac etc.), melodii evreiești de nuntă (husid, freilehs, șer sau „șaiet”), arii și cântece de operă și operetă, marșuri și uverturi de popularitate, dar și un număr impresionant de romanețe românești, printre care *Steluța* de Alecsandri, *Doi ochi* de Gr. Ventura, *Copilița* și multe-multe altele.

Imaginea și personalitatea lăutarului Lemisch (transliterat: Lemeș) au fost eternizate în romanul autobiografic În preajma revoluției de Constantin Stere. Autorul i-a dedicat o întreagă galerie de pagini inspirate, pline de romantism și de profund șarm antropologic. Figura marelui violonist și cântăreț e descrisă în culori vii. Maestrul e plasat în centrul unor evenimente culturale importante din Basarabia deceniilor șapte-nouă ale secolului al XIX-lea: petreceri nobiliare, serate cu muzică lăutărească, baluri, nunți, botezuri, diverse sindrofii, organizate pe la conacele boierești. Mereu vesel, agreabil și generos cu publicul, Lemisch știa să aducă cu sine nu numai bucuria muzicii, ci și diversele știri de actualitate de pe la vestitele curți boierești, „pe care veșnic le cutreiera, mai cu seamă, în cele patru județe din nordul țării”. Taraful său de la Bălți fermeca și încânta auzul oaspeților, creând o admirabilă „atmosferă de mondenitate”. În ritmul dat de arcușul său, protipendada dansa cu multă animație valsul și galopul, mazurca și cotillon-ul. Boierii mai în vârstă nu uitau să-i comande amorul lor de suflet: dansul național „hora”. Cu acest prilej, vestitul lăutar intra de fiecare dată într-un adevărat extaz, depășindu-se uneori pe sine însuși. El reușea să provoace atâta entuziasm în rândul asistenței, încât unii aristocrați, „uitându-și titlurile de mareșal și de nobili din împărăția rusă”, nu încetau să-l implore pe Lemisch să cânte vreo doină moldovenească sau renumita melodie lăută-

rească „ciocârliă”. Frumoasele calități ale vocii sale de tenor străluceau în cântecele moldovenești. Muzica lui Lemisch continua să plutească în văzduh, înfășurând parcă inimile ascultătorilor, topindu-se în triluri și mângâieri. Astfel, decenii în șir, prin el, au putut răzbate de peste Prut, în Basarabia înstrăinată, nu numai cântecele populare și romanțele din colecția *Dorul* a lui Alecsandri, dar și alte creații ale poezilor naționali.

Lemisch lăutarul și taraful său simboliza o veritabilă „instituție socială din Basarabia de pe vremuri”. Bun psiholog, „el știa să se facă indispensabil la toate petrecerile de boieri, și apărea poate chiar fără invitație la momentul potrivit, oriunde știa că va fi bine primit” și plătit. La cele mai prestigioase baluri ale nobilimii basarabene, lui i se rezerva rolul de ofician al momentelor de expansiune, de culminație a momentelor de delectare cu muzică. Repertoriul său cuprindea, alături de inspiratele cântece și dansuri românești, și cele mai în vogă dansuri europene de epocă, inclusiv cazaciocul și romanța rusească. Specialitatea și amorul lui erau „cântecele moldovenești”, care emoționau și mișcau până la lacrimi pe boierii cei mai în vârstă. El putea să interpreteze „și în rusește o romanță sentimentală la modă, o șansonetă franceză, diverse cuplete, mai mult sau mai puțin spirituale, cu aluzii la evenimentele de actualitate” (Stere, 1991, 6-11).

Emigrarea în Statele Unite

Efectele „insinuante”, pe care le producea arta lui Milu Lemisch pe la petrecerile nobilimii locale, au și motivat, în opinia lui Stere, expulzarea lui din împărăția rusească, muzicianul fiind nevoit să emigreze în SUA (Stere, 1991, 11). „Amorezat de cântecele și doinele românești” (Poslușnicu, 1928, 626), posesor al unui talent muzical deosebit, mandatar al unei măiestrii și culturi violonistice elevate, Milu Lemisch s-a bucurat de faima unui veritabil artist și cântăreț. El era purtat de contemporanii săi de la un capăt la altul al Basarabiei, ca un rege. În cursul evoluărilor în fața marelui public, el dădea glas unor doruri și sentimente naționale nu tocmai plăcute și agreeate de oficialitățile rusești ale provinciei. Acest fapt i-a și provocat numeroase constrângeri, prigoane administrative și incomodități din partea autorităților. În rezultat, el a fost nevoit să se gândească la posibilitatea emigrării peste ocean.

Astfel, în anul 1887, întors de urgență la Iași, își va face bagajele, împreună cu soția Fany, cu părinții și rudele sale. Urcând în trenul ce ducea spre Berlin, Milu Lemisch părăsește România. În marele port german Hamburg, va urca la bordul unui vapor și astfel va ajunge în Statele Unite. Se va stabili în orașul Philadelphia, unde timp de peste 20 de ani,

până la sfârșitul vieții sale, va desfășura o intensă activitate de muzician, violonist, în prestigioase orchestre simfonice, teatrale și de divertisment, mai cu seamă, în teatrul evreiesc din localitate. În Philadelphia, Milu Lemisch și-a câștigat aici faima de promotor al unui nou gen de muzică evreiască de dans, numit metaforic „sher medley” sau „russian sher” (Kirshenblatt-Gimblett, 2008, 297), bazat pe principiul melanjului cultural (melting pot).

Milu Lemisch nu a întrerupt însă relațiile cu lăstarul său de suflet, orchestra populară din Bălți. El a continuat să întrețină o corespondență cordială cu succesorul și discipolul său, Costachi Parnău (Parno), interesându-se mereu de soarta familiei acestuia, de viața muzicanților rămași la Bălți și de activitatea orchestrei. Deseori îi expedia lăutarului prin colet poștal, corzi de vioară de înaltă calitate, inclusiv creații semnate de el. În una din ultimele sale scrisori, datate cu anul 1912, Lemisch îi trimite lui Costachi, în manuscris, o melodie de *Bulgărească* (pentru Leiba Lemelzohn) și două melodii de *Sher*, cu dedicație personală (ANRM, f. 2 și 3).

Din declarația semnată în pașaportul său, rezultă că Milu Lemisch intenționa să întreprindă, în vara anului 1910, timp de patru luni, o călătorie în Europa. În cursul acesteia, nu este exclus ca el să vizitat vechii săi prieteni din Bălți, în primul rând, Costachi Parnău. Această idee transpare din însăși textul scrisorii lui Lemisch din 1912, în care el precizează că „în curând se vor împlini doi ani de când tu ești foarte ocupat, sau, probabil, că nu ai cinci copeci pentru vechiul tău prieten” (*trad. n.*). Este tocmai perioada în care Lemisch, marcat de o profundă durere personală, din cauza decesului soției sale (în 1905), dar și de o nostalgie copleșitoare de locurile natale și de oamenii dragi din Basarabia, scrisese și trimisese muzică notată pentru un anume Feodosie Hereanu, probabil un muzicant din Bălți. Tot acolo, el amintește și de alți prieteni de-ai săi, printre care Haim Iukel și Ivan Bas.

Lăutarul Costache Parnău din Bălți, discipol și continuator

După emigrarea lui Milu Lemisch cu familia în Statele Unite, destinul orchestrei sale din Bălți a fost preluat de către lăutarul Costachi Parnău (1856–1912), cunoscut în literatura de specialitate cu numele Parno (Kotliarov, 1955, 69), unul dintre cei mai buni discipoli ai săi. Preluând conducerea orchestrei lui Lemisch, în jurul anului 1890, la aproape trei ani după emigrarea maestrului său, acest inimos și talentat lăutar a continuat să-i conducă destinele timp de peste 22 de ani, până la decesul său subit la 20 aprilie 1912. În necrologul semnat de S. Kamenski în „Belețkii vestnik” se menționează că

Costachi Parnău [rusește: Парней] a investit toate mijloacele și forțele sale pentru îmbogățirea repertoriului, modernizarea structurii orchestrei, instruirea unor noi muzicanți și perfecționarea măiestriei interpretative (ANRM, f. 4).

Memoria ilustrului muzician, violonist, dirijor și compozitor Milu Lemisch s-a păstrat vie mult timp după stingerea sa din viață (după unii – 1918, după alții – 1925). Ea s-a menținut printre urmașii tarafului său, condus de Costachi Parnău. Simbolul dăinuirii sale în tradiția folclorică este încifrat în titlatura unei melodii speciale de dans pentru vioară, ce-i poartă numele: *Sârba lui Lemeș* (Сырба Лемеша). Această piesă figurează la pag. 45, în caietul de note al lăutarului bălțean Costache Parnău, care se păstrează în fondurile Muzeului Național de Etnografie și Istorie Națională din Chișinău (MNEIN, inv. 9189). De mare grațiozitate, plină de farmec și vioiciune, axată pe intonațiile înmiresmate ale modului cromatic oriental (similar ehului VI bizantin), melodia în cauză a fost, cu toată probabilitatea, una din creațiile cele mai îndrăgite a lui Costachi Parnău și, totodată, simbolul legământului de suflet al profesorului său, Milu Lemisch, cu seva folclorului românesc/moldovenesc din Basarabia, cu patria sa de origine.

Literatura

- ANRM, f. 1: fond P2960, inv. 5, dosar 179, fila 1.
 ANRM, f. 2.3: fond P2960, inv. 5, dosar 179, fila 2 și 3.
 ANRM, f. 4: fond P2960, inv. 5, dosar 179, fila 4.
 ANRM, f. 13: fond P2960, inv. 2, dosar 91, fila 13
 Breazu G. Pagini din istoria muzicii românești. Ediție îngrijită și prefațată de Vasile Tomescu. București: Editura muzicală, 1966.
 Burada T. Istoria teatrului în Moldova. Ediție și studiu introductiv de I. C. Chițimia. Chișinău: Hyperion, 1991.
 Buzilă S. Interpreți din Moldova. Lexicon enciclopedic (1460–1960). Chișinău: ARC, 1996.
 Calendar național 2006. Chișinău: Biblioteca Națională, 2006.
 Ciobanu Șt. Cultura românească în Basarabia sub stăpânire rusă. Chișinău: Editura enciclopedică „Gh. Asachi”, 1992.
 Kirshenblatt-Gimblett B., Karp J. (by). The art of being Jewish in modern times. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2008. On line: <http://books.google.md/books?id=SqsENbA6UMC&pg=PA1&lpg=PA1&dq=the+art+of+being+jewish+in+modern+times+barbara+kirshenblatt-gimblett&source>
 Kotliarov B. Lăutarii moldoveni și arta lor. Chișinău: Cartea moldovenească, 1966.
 Literatura și arta Moldovei. Enciclopedie. Vol. 2. Red.-șef A. Timuș. Chișinău: Redacția principală a Enciclopediei Sovietice Moldovenești, 1986.
 Luceac I. Încă o dată despre casa Hurmuzaki din Cernăuți // Glasul Bucovinei, 2009, nr. 3. Anul XVI, nr. 63 (Cernăuți-București).

MNEIN: Muzeul Național de Etnografie și Istorie Naturală din Chișinău, inventar 9189.

Pașaport: Milu Lemisch. On line: http://search.ancestry.com/iexec?htx=View&r=an&dbid=1174&iid=USM1490_112-0259&fn=Mila&ln=Lemisch&st=r&ssrc=&pid=38

Poslușnicu M. Istoria muzicii la români. București: Cartea Românească, 1928.

Stere C. În preajma revoluției. Roman. Vol. I. Prolog. Ediție și prefață de Z. Ornea. București: Cartea românească, 1991.

Б.О.В.: Бессарабские областные ведомости, 18 августа 1873, № 65.

Котляров Б. О скрипичной культуре в Молдавии. Кишинев: Госиздат Молдавии, 1955.

Rezumat

Studiul abordează probleme și date mai puțin cunoscute în literatura de specialitate, ce țin de biografia, dinastia familială, numele veritabil, locul de naștere, activitatea artistică și repertoriul popular al violonistului și lăutarului de origine evreiască Milu Lemisch (Lemiș), fondatorul unui taraf lăutăresc la Bălți, vestit în toată Basarabia deceniilor șapte-nouă ale secolului XIX, preluat, după emigrarea în Statele Unite, de discipolul său, lăutarul bălțean Costache Parnău (Parno) și condus de acesta până în anul 1912.

Cuvinte-cheie: dinastia Lemisch, Milu Lemisch, Costachi Parnău, taraf, orchestră, muzică, repertoriu popular, secolul XIX–XX, Iași, România, Basarabia, Bălți, emigrare, SUA.

Резюме

В данной статье рассматривается ряд малоизученных данных о фамильной династии, достоверном имени, месте рождения, артистической деятельности и репертуаре яского еврейского скрипача, основателя лаутарского оркестра в местечке Бельцы, знаменитого в Бессарабии конца XIX – начала XX вв., руководство которым, после его эмиграции в США в 1887 г., должно было бельцким учеником Костаки Парнеу, вплоть до 1912 г.

Ключевые слова: династия Лемиш, Милу Лемиш, Костаки Парнеу, лаутар, тариф, оркестр, музыка, народный репертуар, XIX–XX вв., Яссы, Румыния, Бессарабия, Бельцы, эмиграция, США.

Summary

The study “Musician and lautar Milu Lemisch: any aspects of the life and artistic activity” treat any less known problems and data concerning the biography, family dynasty, veritable name, place of birth, performance and popular repertoire of this Jewish, Iassy originated violinist, the founder of lautar orchestra in Beltsi, famed across Bessarabia during late XIX-th and early XX-th century, conducted, after Lemisch’s emigration in USA, by the disciple from Beltsi Costachi Parnău, until 1912.

Key words: Lemisch dynasty, Milu Lemisch, Costachi Parnău, lautar, taraf, orchestra, music, popular repertoire, XIX–XX-th century, Iassy, Romania, Bessarabia, Beltsy, emigration, USA.

These blanks must be completely filled out. The legal fee of one dollar, a passport or postal money order, and the applicant's certificate of naturalization must accompany the application. The rules should be carefully read before making the application to the Department of State, Bureau of Consular Affairs, Washington, D. C.

[REVISION OF 1909.]

FORM FOR NATURALIZED CITIZEN

No. _____

Issued **LEAD UP CITIZENSHIP**
MAY 27 1910
DEPT. OF STATE

UNITED STATES OF AMERICA.

STATE OF Pennsylvania
COUNTY OF Philadelphia
I, Milu Lemisch, a NATURALIZED AND LEGAL CITIZEN OF THE UNITED STATES, hereby apply to the Department of State, at Washington, for a passport for myself, accompanied by my wife, _____ and minor children _____ born at _____ on the _____ day _____ 18____ and _____ born at _____ on the _____ day _____ 18____.

I solemnly swear that I was born at Quay, Roumania, on or about the 24 day of November, 1877; that I emigrated to the United States, sailing on board the Wahkiakum, from Amberg, Germany, on or about the 25 day of August, 1887; that I resided 2 1/2 years, uninterrupted, in the United States, from 1887 to 1910, at Philadelphia; that I was naturalized as a citizen of the United States before the Common Pleas Court of Penn. N. D. at Philadelphia, on the 24 day of December, 1892, as shown by the accompanying Certificate of Naturalization; that I am the IDENTICAL PERSON described in said Certificate; that I am domiciled in the United States, my permanent residence being at Philadelphia, in the State of Pennsylvania, where I follow the occupation of Musicalian; that I am about to go abroad temporarily; and that I intend to return to the United States within four months, with the purpose of residing and performing the duties of citizenship therein.

OATH OF ALLEGIANCE

Further, I do solemnly swear that I will support and defend the Constitution of the United States against all enemies, foreign and domestic; that I will bear true faith and allegiance to the same; and that I take this obligation freely, without any mental reservation or purpose of evasion: SO HELP ME GOD.

Sworn to before me this 25 day _____ of May, 1910.
_____ Notary Public.
Notary Public, Commission Expires _____ 1911.

DESCRIPTION OF APPLICANT

Age: <u>32</u> years	Mouth: <u>Medium</u>
Stature: <u>5</u> feet, <u>7</u> inches, Eng.	Chin: <u>Good</u>
Forehead: <u>Broad</u>	Hair: <u>Light, turning gray</u>
Eyes: <u>Blue</u>	Complexion: <u>Fair</u>
Nose: <u>Regular</u>	Face: <u>Well</u>

IDENTIFICATION

I hereby certify that I have known the above-named Milu Lemisch personally for 15 years, and know him to be the identical person referred to in the within-described Certificate of Naturalization, and that the facts stated in his affidavit are true to the best of my knowledge and belief.

Edward M Wood
[ADDRESS OF WITNESS: 514 ...]

Applicant desires passport sent to following address
Milu Lemisch
1607 S. 5th St
Philadelphia
Pennsylvania

Fig. 1. Copia Pașaportului american al lui Milu Lemisch, prima pagină

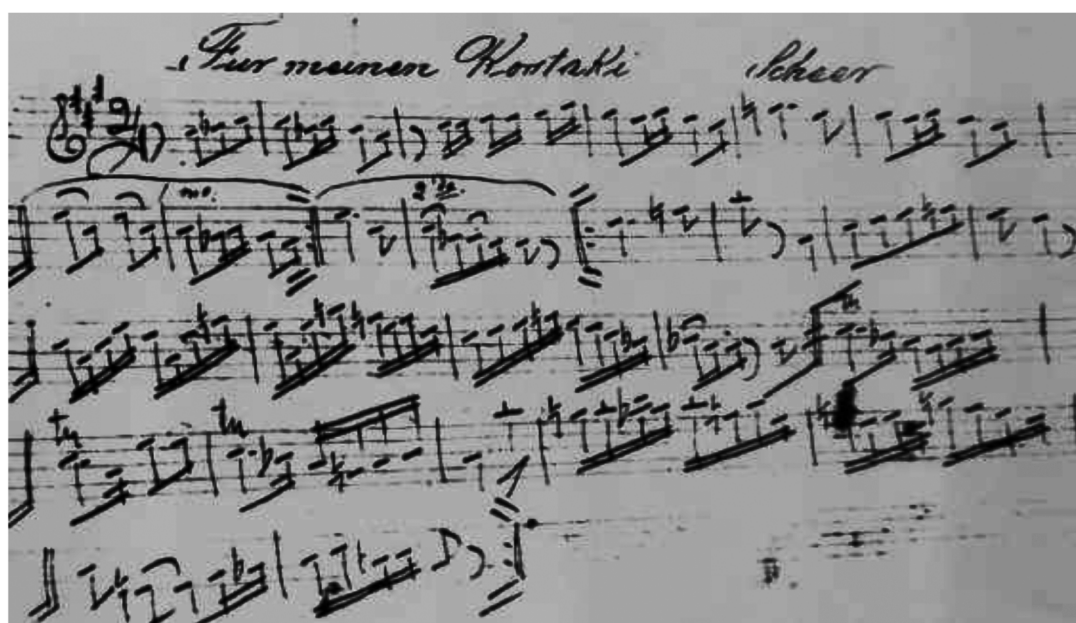
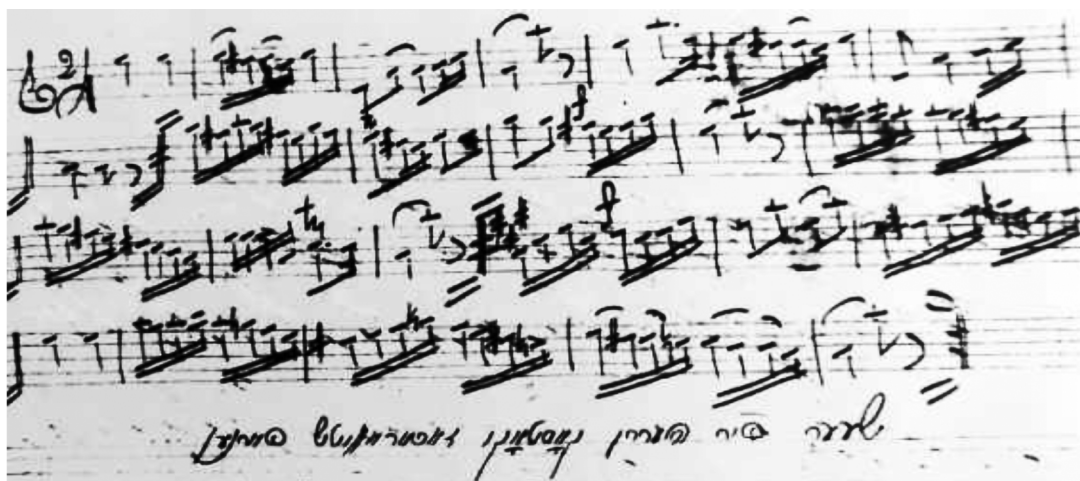

Fig. 2. Manuscrisul melodiei 1, „Sheer” de Lemisch, cu dedicație: „Sheer pentru domnul Costachi, fiul lui Zaharie”.
ANMR: Fond P2960, inv. 5, dosar 179, fila 3. (tradus de Marina Șraibman)

Fig. 3. Manuscrisul melodiei 2, „Sheer” de Lemisch, cu dedicație: „Pentru al meu Costachi”.
ANMR: Fond P2960, inv. 5, dosar 179, fila 2

Fig. 4. Fragment din melodia ”Sârba lui Lemeș” în manuscris, plasată în caietul de note al lăutarului Costache Parnău (Parno), p. 75. Muzeul Național de Etnografie și Istorie Naturală, nr. de inventar: 9189

М. ГЕРШЕНЗОН. СУДЬБЫ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА

Мой дед Михаил Осипович Гершензон, крупнейший знаток русской литературы и русской истории; автор удивительной «Грибоедовской Москвы», книг о Пушкине, Тургеневе, Чаадаеве; такой великолепный русский стилист, что его литературный язык можно ставить в образец всем нашим литературоведам, был не просто «русским интеллигентом еврейского происхождения». Он был евреем в полном смысле слова – кишиневским евреем из пресловутой «черты оседлости»; его отец был выходцем из еврейского «местечка», какие с одиннадцатого века не жили – выживали на западных землях Российской империи, в Бессарабии, Белоруссии, на Украине. Он испытал все, что испытывал в России некрещеный еврей: невозможность юридически оформить брак с православной девушкой; признать своими ее «незаконных» детей; не мог преподавать, не мог привезти в Москву хоть на несколько дней старуху-мать – жить вне «черты оседлости» дозволялось только евреям с высшим образованием и купцам первой и второй гильдии. В 1905 г. во время погромов в Москве, его стала избивать на улице толпа черносотенцев – у него была характерная еврейская внешность. Полицейский офицер спас его, отнял у погромщиков; лица на нем не было – одна слитая кровавая маска...

Судьба еврейского народа была его судьбой. «Я не чужой, не зритель», – писал он в своей, едва ли не самой личной, самой выстраданной книге «Судьбы еврейского народа»¹. Опасаясь нависшей над Европой угрозы национализма, он со страстью предостерегал от него российских сионистов, с которыми дружил и которые всячески увлекали его своими планами создания еврейского государства: «Считаю себя вправе сказать, что сионизм – не еврейское учение, а современное европейское, всего более немецкое; он вполне подражателен, результат заразы. Соблазниться сознательным национализмом, свирепствующим теперь в Европе – какое плачевное заблуждение!»².

В национальном избранничестве еврейского народа – а Гершензон не сомневался в его избранничестве – он видел промысел Божий обо всем

человечестве: Бог избрал евреев как «первенцев истории», чтобы путем жестоких гонений, на их мучительной судьбе, на примере их страданий излечить людей от присущей им привязанности к родной земле, к национальному единству, к стабильности; освободить от национального во всех его формах, а затем, практически, «освободить» и от «Самого Себя» – от приверженности к вере в Бога... «Еврейский Бог жесток. Он дал своему любимцу накопить в кованном ковчеге величайшее духовное богатство – такую высокую и крепкую религию, <...> каких не имел ни один народ. <...> И в урочный час все отнял – разбил ковчег и рассыпал, испепелил сокровище. Была безотчетная вера в осмысленность жизни: бесценный клад; ее не заменит ни вера по Марксу и Геккелю; ни даже вера по Бергсону и Джемсу; было на земле благолепие быта: синагога и взаимное приветствие праздника, светлая чистота Пасхи, трубные звуки в Судный День и прежде всего суббота. Их вовеки не заменят театр и кинематограф, международная елка и обмирщенное воскресение. Будет пустота и безнадежность, подобно тому, как бесприютный странник вспоминает свое далекое счастливое детство; будет бездомность духовная, как уже давно для евреев наступила мирская бездомность»³.

Таково предвидение Гершензоном судеб уже не только еврейства, но всего человечества, и многое в наши дни подтверждает его предчувствия. «Разуверение (то есть потеря веры – М. Ч.) началось не только для еврейства: тем же недоумением, той же нищетой разума и тоской заболевают ныне все горячие сердца, чистые духом; и эта зараза будет шириться между людьми»⁴. Ослабление, а подчас и полная потеря веры в Бога – важнейшая проблема и беда наших дней. Нищету разума вовеки не заменят ни театр и кинематограф, ни компьютер и Интернет, ни современные идеи глобализма. Пустота и безнадежность, бездомность духовная...

Но при всей провидческой мудрости Гершензона, его «Судьбы еврейского народа» в наши дни производят двойственное впечатление. В 1922 г., основываясь на опыте Первой мировой

войны, Гершензон с тревогой ощущал в Европе националистическую опасность; мудро прозревал, что наибольшую угрозу таит немецкий национализм, но не мог даже отдаленно предположить, чем обернется немецкий национализм в судьбе еврейского народа. Холокост – уничтожение шести миллионов евреев – тысячекратно превзошел все гонения, какие выпадали на долю еврейского народа за всю его многострадальную историю. Не мог предвидеть Гершензон и того, какое, совершенно иное, значение приобретет после войны, в 1948 г. создание еврейского государства Израиля – последнего прибежища, психологического спасения для тех евреев, что чудом уцелели в оккупированной нацистами Европе, в том числе и на русских землях; потеряли Всё – родителей, детей, близких; все средства к существованию, самое право на жизнь.

Я не буду пытаться переписывать за деда его книгу, придумывать, как – в свете новых исторических фактов – он счел бы возможным ее изменить. Я скажу о том, что задевает, смущает меня в ней, независимо от времени ее создания, вне истории XX в.

* * *

Представляя свою концепцию «Судеб еврейского народа», Гершензон ни единым словом упоминает о таком моменте еврейской истории, как возникновение в лоне еврейства, на еврейских землях, среди еврейского народа христианства. Никуда не деться от того, что утверждение, первоначальное распространение христианства, все священные писания и предания Нового Завета проходили и возникали именно там, на Земле Обетованной, предназначенной еврейскому народу самим Господом Богом. Как бы ни относились к Иисусу Христу (и ни относятся по сей день) ортодоксальные иудаисты, можно ли полностью игнорировать и обходить тот факт, что два тысячелетия миллиарды людей во всем мире, в том числе философы, мудрецы, величайшие гении науки и искусства были твердо убеждены, что Бог избрал и выпестовал еврейский народ как материнское лоно, как колыбель, где в какой-то, Ему одному ведомый, час Он родится в простой еврейской семье, у простой еврейской матери, вочеловечится в плотнике-еврее, примет простонародное очень распространенное еврейское имя Ешуа (Иисус по-гречески). «Не плотник ли Он, сын Марии, брат Иакова, Иосии, Иуды и Симона? Не здесь ли между нами Его сестры?» (Мк., 6, 3) Станет людям – и раньше всего евреям – Братом, Спасителем: «На путь к язычникам не ходите и в город Самарянский не входите,

/ А идите наипаче к погибшим овцам дома Израилева» (Мф., 10, 5-6)... Можно ли, проследив судьбы еврейского народа, не принимать во внимание, что для половины всего человечества весь путь еврейского народа начиная с Авраама – и явление трех ангелов под дубом Морийским, и жертвоприношение Исаака, и исход из Египта, и Заповеди Моисея, и пасхалии, и «Псалмы» царя Давида, и великие книги пророков – были и остаются предвидением, предсказанием, пророчеством о Иисусе Христе? На каждой странице Евангелия, буквально к каждому стиху даны отсылки: Быт. (книга Бытия), 14, 25; Цар. (Книга Царств), 20, 21; Ис. (пророк Исайя), 7, 14...

«Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков; не нарушить пришел Я, но исполнить» (Мф. 5, 17).

Можно ли совсем не придавать значения тому, что вот уже два тысячелетия миллиарды людей самых разных национальностей и исторических судеб склоняют колени перед распятым евреем, почитают еврейскую мать как свою спасительницу, защитницу, Царицу небесную? Что еврейская история вдохновляла величайших художников на создание таких гениальных творений, как «Сикстинский плафон», «Давид», «Моисей» Микеланджело, «Троица» Андрея Рублева, «Эсфирь» Рембрандта? Что над гордым Римом, Вечным городом, некогда презрительно попиравшим ничтожную Иудею, свою колонию и в 70-м г. новой эры фактически стершим ее с лица земли, возносится грандиозный собор во славу еврейского рыбака Петра? Что самолюбивый Лондон склоняет голову перед собором еврейского учителя, фарисея Павла?

История еврейского народа – независимо ни от каких концепций – вся переплетена с христианством, пронизывает историю христианства. «Без Ветхого Завета Евангелие понять невозможно»⁵, – писал крупнейший знаток библеистики отец Георгий Чистяков, а это фактически значит, что без судеб еврейского народа нельзя понять христианства. Но для меня бесспорно и обратное: без христианства нельзя понять судеб еврейского народа.

* * *

То, что еврейский народ чем-то разительнее отличается от всех других народов мира, что его историческая судьба поистине уникальна, не подлежит сомнению. Тысячелетнее рассеяние, тысячелетние гонения – и сохранение евреями своей национальной обособленности, своей религии, своего древнего языка – совершенно беспрецедентны. Для человека, верящего в Бога, иу-

даиста ли, христианина ли, естественно видеть, как видел Гершензон, в судьбах еврейского народа, Божий промысел, Божие избранничество.

Но в чем это избранничество?

Христианину – а я убежденно верю в Христа, вочеловечившегося Бога Отца, как верил мой мудрый дед в жестокого еврейского Бога – никуда не деться от непреложной евангельской истины: евреи – единственный в мире народ, родной по крови Иисусу Христу. Как яростно отвергали эту, провозглашенную в первых же строках Евангелия истину – «Родословие Иисуса Христа, Сына Давидова, Сына Авраамова...» (Мф. 1, 1) – правоверные христиане едва ли не всех конфессий! С каким смятением вынужденно заучивали в семинариях наизусть: «Итак, всех родов от Авраама до Давида четырнадцать родов; от Давида до переселения в Вавилон четырнадцать родов; и от переселения в Вавилон до Христа четырнадцать родов» (Мф. 1, 17). Как оправдывали гонения на евреев тем, что они-де «нашего Христа распяли!» Не нашего Христа – своего Кровавого Брата.

Пусть это мое субъективное чувство – я убеждена, что в судьбах еврейского народа, в тех мучительных гонениях, которым подвергали его христианские страны, в том числе Российская империя, где ни одна конфессия, ни одна религия не унижались так, как унижался иудаизм, подспудно присутствовало – и вызывало отчаянную зависть, ненависть, отторжение – ощущение кровной причастности Христа, Богоматери, апостолов – к еврейству.

Что-то в истории еврейского народа, в его исключительности, в его скитальчестве, в ненависти к нему – подспудно, глухо, где-то в глубине подсознания «отдает» христианством. «И говорит ему Иисус: лисицы имеют норы, и птицы небесные – гнезда; а Сын Человеческий не имеет, где преклонить голову» (Мф., 8, 20)... «Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел. / <...> Если Меня гнали, будут гнать и вас» (Ин. 15, 18-20).

И совсем уж мое, субъективное знание: я не сомневаюсь, что Гитлер, прямо провозглашавший себя Антихристом, в Холокосте повторил в тысячекратном размере то, что сотворил царь Ирод в Вифлееме, когда, узнав от волхвов, что

родился Царь Иудейский, «встревожился», а затем, «увидев себя осмеянным волхвами, весьма разгневался и послал избить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его, от двух лет и ниже, по времени, которое выведал от волхвов» (Мф., 2, 16).

Избивая еврейский народ весь, до конца – мужчин, женщин, стариков, детей вплоть до грудных младенцев, Гитлер не только осуществлял свои параноидальные идеи арийского избранничества и превосходства, распространявшиеся им на многие народы. В «Богом избранном народе» он истреблял ненавистного ему, абсолютно не приемлемого для него Иисуса Христа. Кто знает? Однажды вочеловечившись в еврейском народе, не явится ли Он и во втором своем пришествии рожденным от еврейской женщины? Не таится ли Он в лоне этого непредсказуемого народа уже сейчас – неузнанным странником, младенцем – в яслях? Всех, всех на смерть, в Освенцим и Трешлинку, в ямы Бабьего Яра, на унижительное, бесчеловечное, садистски изощренное распятие! Кишиневу ли не помнить, не знать судьбу своего гетто...

* * *

«И отвечая, весь народ сказал: кровь Его на нас и на детях наших» (Мф. 27, 25) – повод и постоянное оправдание для христиан еврейских гонений – «Мне отмщение и аз воздам».

Но я слышу в этих словах обетование евреев разделить Его судьбу: Его страдания – и Его бессмертие. Отвергнутый Гершензоном «ключ» к «Судьбам еврейского народа»...

* * *

Семьям, близким почти всегда приходится в той или иной степени – иногда вплоть до гибели – разделять судьбу своего великого родственника.

Примечания

¹ М. О. Гершензон. Судьбы еврейского народа. Петербург–Берлин: Эпоха, 1922.

² Указ. раб. С. 27.

³ Там же. С. 56.

⁴ Там же. С. 56-57.

⁵ Георгий Чистяков. Над страницами Нового Завета. М., 1999. С. 87.

COMUNITATEA EVREIASCĂ ÎN SATELE BASARABENE ALE REGIUNII NISTRULUI DE JOS ÎN ANII 20 AI SECOLULUI AL XIX-LEA

La începutul secolului al XIX-lea satele basarabene din regiunea Nistrului de Jos erau relativ omogene din punct de vedere etnic, ele fiind locuite preponderent de moldoveni. Totodată, documentele statistice din epocă atestă prezența, într-un număr nu prea mare, reprezentanților altor etnii: ucraineni, ruși, bulgari, sârbi, greci, țigani, germani și evrei. O descriere statistică a ținutului Ackerman¹, întocmită probabil în anul 1827, evidențiază mai multe aspecte referitoare la comunitățile etnice din regiunea respectivă, inclusiv cea evreiască.

În 1827, în regiunea Nistrului de Jos au fost atestate 15 sate, dintre care opt în valea Nistrului, iar celelalte șapte – pe segmentul de stepă (la margina Bugheacului). Evreii sunt atestați în toate aceste localități, formând, în total, 38 gospodării cu 171 suflete.

Evreii din regiunea Nistrului de Jos, la începutul secolului al XIX-lea, erau veniți din diferite orașe ale Basarabiei, sau chiar din afara spațiului pruto-nistrean. Cei mai mulți evrei erau originari din *Ackerman* – 20 de familii (localizate astfel: câte trei familii la Cioburciu, Talmază și Purcari; câte două la Olănești, Căplani, Răscăieți și Ermoclia; câte una la Palanca, Popeasca și Tudora). Patru familii erau venite din *Bender*: două familii locuiau la Crocmaz; câte una la Purcari și Talmază. Câte trei familii erau originare din *Chișinău* (în Slobozia, Cioburciu, Talmază) și *Căușeni* (Feștelița, Carahasani, Slobozia); Câte o familie de evrei provenea din orașele *Moghiliov* (în Olănești), *Chilia* (în Copceac), *Brăila* (în Talmază), *Șargorod* (în Cioburciu) și *Brațlav* (în Purcari).

Am selectat și grupat într-un tabel (vezi *Anexa*) informațiile din descrierea statistică a ținutului Ackerman din 1827, inclusiv repartizarea numerică pe sate, listele nominale ale capilor de gospodării, componența familiilor și direcțiile principale de activitate economică a populației evreiești din regiunea Nistrului de Jos. În baza informațiilor respective am alcătuit un tabel generalizator (vezi *Tabelul 1*), din care reiese că, în anul 1827, cele mai multe gospodării și, respectiv, cele mai multe familii evreiești au fost atestate în localitățile Talmază, Purcari, Cioburciu, Olănești, Crocmaz și Căplani. Jumătate din familiile evreiești nu aveau case proprii în aceste sate, situație explicată, probabil, prin faptul că evreii s-au stabilit provizoriu în regiune fiind determinați de tipul specific al contextului activităților economice practicate.

Activitatea de bază a evreilor din regiunea Nis-

trului de Jos, la începutul secolului al XIX-lea, a fost crâșmăritul. Evreii au arendat de la stat dreptul de a comercializa băuturi spirtoase, astfel încât, la 1827, aproape toate crâșmele din cele 15 sate erau ținute de ei. Uneori, crâșmăritul era cumpărat de câte doi evrei, iar în catagrafie această relație de cooperare economică este numită tovarășie (unul din ei este numit „crâșmar”, iar celălalt – „tovarăș cu primul”, în dependență, probabil, de contribuția financiară a fiecăruia din ei). În 1827 au fost atestați 13 crâșmari evrei în nouă sate (câte unul în cinci sate: Tudora, Talmază, Popeasca, Feștelița, Copceac; câte doi crâșmari „tovarăși” în patru sate: Ermoclia, Răscăieți, Purcari, Slobozia). La Cioburciu a fost atestat un evreu fost crâșmar și un evreu reprezentant al crâșmarului („повереный корчмаря”), termen care, se pare, semnifică altceva decât tovarăș la crâșmărit („товарищ”). Informațiile oferite, într-un alt compartiment, de materialele statistice examinate, permit explicarea cazului respectiv prin aceea că crâșma din Cioburciu, în 1827, era arendată de negustorul moldovan „Bălăcean, un precupeț de vinuri, originar din Ackerman”, iar la crâmă activă, în postură de vechil, evreul Duvid Aronovici, de baștină din orașul Șargorod, Ucraina.

În cazul satului Palanca este menționat un evreu ca „arendaș” („арендатор”), iar în Crocmaz, Căplani și Carahasani sunt atestați trei și, respectiv, câte unul, evrei numiți „concesionari” („откупщик”), însă fără a se indica ce anume a fost luat în concesiune: crâșmăritul, pescuitul sau altceva. Evidențiem faptul că, în anul 1827, în toate cele patru sate enumerate mai sus exista crâșmă, însă, la compartimentul „activitate”, nici un locuitor sau trăitor de acolo n-a fost înregistrat în postură de crâșmar. De aceea, admitem că evreii concesionari din aceste patru sate, practicau anume crâșmăritul. Deci, din totalul celor 38 evrei capi de gospodărie din regiune, 19 erau crâșmari, iar alții doi aveau tangență cu crâșmăritul, fapt ce denotă predominarea acestei ramuri de activitate economică. Doar în cazul Olăneștilor, materialele statistice din 1827 nu specifică domeniul de activitate a evreilor din sat. Însă, probabil că și în acest caz crâșmăritul a fost arendat de evrei, având în vedere faptul că, în această localitate, exista crâșmă, însă nici o persoană din sat n-a fost atestată în calitate de crâșmar.

Reamintim că, concesionarea crâșmăritului se limita la dreptul de a comercializa băuturile spirtoa-

Tabelul 1

nr.	localitatea	evrei		crâș- mari	case	vite			grădini	stupi
		gospodării	persoane			cai	vaci	oi		
1	Palanca	1	4	1	1	0	6	0	0	0
2	Tudora	1	4	1	1	1	10	0	0	0
3	Crocmaș	3	14	3	2	1	6	0	0	0
4	Olănești	4	14	?	0	2	9	0	1	0
5	<i>Căplani</i>	2	10	1	2	0	3	6	0	0
6	<i>Carahasani</i>	1	6	1	1	1	9	0	0	0
7	<i>Slobozia</i>	2	7	2	1	2	0	2	0	0
8	Purcari	6	27	2	1	2	6	0	0	0
9	Răscăieți	2	7	2	1	2	9	0	0	0
10	Cioburciu	5	26	2	3	1	13	0	0	0
11	Talmază	6	31	1	3	3	19	0	0	20
12	<i>Popeasca</i>	1	6	1	1	1	6	0	0	0
13	<i>Ermoclia</i>	2	9	2	1	1	14	0	0	0
14	<i>Feștețița</i>	1	3	1	1	1	7	0	0	0
15	<i>Copceac</i>	1	3	1	0	1	4	0	0	0
	total	38	171	21	19	19	121	8	1	20

* Notă: Cu caractere *italice* am evidențiat satele situate în sectorul de stepă.

se, și nu se extindea, în mod obligator, și asupra clădirii și a acareturilor crâșmelor. Catagrafia din 1827, evidențiază, în privința crâșmelor din cele 15 sate ale regiunii Nistrului de Jos, faptul că, în opt cazuri (Palanca, Tudora, Crocmaș, Carahasani, Slobozia, Purcari, Cioburciu și Copceac), nu exista crâșmă a statului, iar în privința celorlalte sate nu se specifică cui aparțin crâșmele: statului sau persoanelor particulare. Pentru aceste prime opt cazuri, știm cu siguranță doar pentru satul Copceac că „clădirea crâșmei, cu un magaz din lemn, care nu-i bun pentru vin, aparțin lui Zeivel Zilberman”, deci unui evreu. De la Zeivel Zilberman, clădirea crâșmei din Copceac a fost arendată de evreul Mordco Ianchelevici, originar din Chilia. Tot el luase în concesiune și crâșmăritul.

Catagrafia din 1827, examinată cu această ocazie, oferă detalii interesante în privința restabilității crâșmelor, în care se comercializa în special vin local (vezi *Tabelul 2*). O altă parte a vinului produs în satele nistrene era vândut, angro, coloniștilor germani, bulgari și evrei (la Olănești „vinul este cumpărat, de regulă, cu hurta, de către coloniști și evrei”).

La capitolul ocupației de bază a comunității evreiești din regiunea Nistrului de Jos, la începutul secolului al XIX-lea, crâșmăritul este urmat, în egală

măsură, de practicarea luării în concesiune a pescuitului ² (trei cazuri, două la Talmază și unul la Cioburciu) și măcelăritului (două cazuri la Purcari și unul la Talmază). Lista ocupațiilor evreilor este încheiată de prezența unui dughenari, la Căplani ³, unui vânzător de sare, la Talmază, și a unui argat, la Purcari.

Din sursele de existență auxiliare, menționăm deținerea de către evrei a vitelor domestice: cai, vaci și oi. Constatăm faptul predominării vitelor cornute mari (probabil anume vacile, nu și boii, ținuți, de regulă, de către agricultori), ceea ce ne sugerează ideea că produsele lactate dețineau un loc de frunte în alimentația populației evreiești din arealul geografic investigat. Cele 121 vite mari cornute se aflau în stăpânirea a 28 familii (citește: unități fiscale – *n. n.*), dintre care 14 bucați aparțineau lui Moșco Abramovici, din Ermoclia; 10 – lui Gherșco Favuciovici, din Tudora; 9 – lui Gherșco Abramovici, din Carahasani; 7 – lui Meer Buharovici, din Cioburciu; 7 – lui Alec Nisovici, din Feștețița. Celelalte familii aveau de la 2–6 vite. Zece familii nu dipuneau de nici o vacă.

Numeric, în ordine descrescândă, vitele cornute mari erau urmate de cabaline. În comunitatea evreiască din satele regiunii Nistrului de Jos, în anul 1827, cei 19 cai se aflau în proprietatea a 16 familii

Tabelul 2

nr.	localitatea	evrei	crășmari	case	vite	grădini	stupi			
		gospodării	persoane			cai	vaci	oi		
1	Palanca	1	4	1	1	0	6	0	0	0
2	Tudora	1	4	1	1	1	10	0	0	0
3	Croc-maz	3	14	3	2	1	6	0	0	0
4	Olănești	4	14	?	0	2	9	0	1	0
5	Căplani	2	10	1	2	0	3	6	0	0
6	Carahasani	1	6	1	1	1	9	0	0	0
7	Slobozia	2	7	2	1	2	0	2	0	0
8	Purcari	6	27	2	1	2	6	0	0	0
9	Răscăieți	2	7	2	1	2	9	0	0	0

(din ele, 13 familii aveau câte un cal, iar 3 familii – 2 cai). Caii erau utilizați ca mijloc de tracțiune.

Vitele cornute mici aveau un rol nesemnificativ în economia internă a gospodăriilor evreiești. Astfel, în anul 1827, doar în trei gospodării se țineau oi (în total, catagrafia a înregistrat opt bucați, dintre care 4 aparțineau lui Șulim Șmulevici, din Căplani, iar celelalte, câte două – la un alt evreu din Căplani și la unul din Slobozia).

Pomicultura, viticultura și apicultura erau puțin practicate: a fost atestată o grădină, în stăpânirea evreului Zelic din Olănești, iar Șumul Abramovici, din Talmaza, deținea 20 stupi.

Note

¹ Sergiu Bacalov. Regiunea Nistrului de Jos. Istorie. Genealogie. Demografie. Vol. I. Chișinău, 2013. P. 153-313.

² Probabil se referă în special la dreptul de a comercializa morunul vânat în Nistru, care era pescuit pentru carne și caviar. Materialele statistice din 1827 indică că la Cioburciu și Talmaza se pescuia morunul, iar nisetru era ignorat.

³ La dugheana lui Ițec Leibovici din Căplani se vindea tutun, dohot, tămâie și alte mărunțișuri. În regiunea investigată mai exista o dugheană, la Palanca, deținută de rusul Ivan Garev, originar din Ackerman, în care se comercializa frânghie, dohot, pâine, ulei, miere și nuci.

Anexă

Gospodăriile evreiești din satele basarabene a regiunii Nistrului de Jos în anul 1827

A – numărul; B – numele capului familiei; C – etnia; D – confesiunea; Partea bărbătească (F – vârstă înaintată; G – vârstă medie; H – vârstă mică); Partea femeiască (I – vârstă înaintată; K – vârstă medie; L – vârstă mică); M – activitatea; N – case; O – bordeie; Mori (P – de apă; Q – de vânt; R – de pământ); S – cai; T – vite mari cornute; U – oi; Grădini (V – ale statului; W – particulare); Z – albine

A	B	C+D	F	G	H	I	K	L	M	N	O	P	Q	R	S	T	U	V	W
	Palanca																		
1	Huko Abramovich din Akerman	Еврей	-	1	-	-	2	Arendaș	1	1	-	-	-	-	-	6	-	-	-
	Tudora																		
2	Gherșco Favuciovici din Akerman	Evreu	1	1	1	-	1	Crășmar	-	1	-	-	-	-	1	10	-	-	-
	Crocmaș																		
3	Duvid Ițcovici, din Bender	Evreu	1	1	2	-	1	Concesionar	2	1	-	-	-	-	-	2	-	-	-
4	Iancheli Țucovici, din Bender	Evreu	-	1	2	-	1	Concesionar	-	1	-	-	-	-	1	2	-	-	-
5	Gheric Șulimov	Evreu	-	1	-	-	1	Concesionar	1	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-
	Olănești																		
6	Gherșco Leibovici din Akerman	Evreu	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-
7	văduva Surat (a lui) Moșcovovici	Evreu	-	1	-	1	1	din Akerman	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-
8	Zelic I. din Moghiliov	Evreu	1	1	-	2	1	-	1	-	-	-	-	-	-	5	-	-	1
9	Ițec Rabinovici	Evreu	1	1	-	-	1	-	1	-	-	-	-	-	1	2	-	-	-
	Căplani																		
10	Șulim Șmulevici din Akerman	Evreu	-	1	2	-	2	Concesionar	1	1	-	-	-	-	-	2	4	-	-
11	Ițec Leibovici din Akerman	Evreu	-	1	-	-	1	dughenar	2	1	-	-	-	-	-	1	2	-	-
	Carahasani																		
12	Gherșco Abramovici din Căușeni	Evreu	1	-	-	-	1	Concesionar	4	1	-	-	-	-	1	9	-	-	-
	Slobozia																		
13	Ghedali Srulevici din Căușeni	Evreu	-	1	1	-	1	Ține crășmă	1	1 1	-	-	-	-	2	-	2	-	-
14	Iancheli Ițcovici din Chișinău	Evreu	-	1	1	-	1	Tovarăș	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Purcari																		
15	Iancheli Leibovici din Bender	Evreu	-	1	1	-	1	Crășmar	1	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-
16	Gherșco Leibovici din Brațlav	Evreu	-	1	1	-	1	2	2	-	-	-	-	-	-	4	-	-	-
17	Dancheli Gherșcovici (localnic)	Evreu	1	-	-	-	1	Argat	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
18	Ițco Abramovici din Ackerman	Evreu	-	2	-	-	2	1		3	-	-	-	-	-	-	-	-	-
19	Iancheli Reznic din Ackerman	Evreu	-	1	1	-	1	2	1	Măcelar		-	-	-	-	-	2	-	-
20	Ițco Ianchelevici din Ackerman	Evreu	-	1	1	-	1	2	-	Măcelar		-	-	-	-	1	-	-	-

	Răscăieți																			
21	Gherșco Duvidovici din Ackerman	Evreu	-	1	2	-	1	-	-	Crâșmar	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
22	Ițco Aronovici din Ackerman	Evreu	-	1	1	-	1	-	1	Tovarăș	-	-	-	-	2	9	-	-	-	-
	Cioburciu																			
23	Leizer Ițcovici din Ackerman	Evreu	/	-	-	/	-	-	-	La ginere.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
24	Meer Buharovici din Ackerman	Evreu	-	/	/	-	/	3	1	Житя. (?)	-	-	-	-	1	7	-	-	-	-
25	Iancheli Dosovici din Chișinău	Evreu	-	/	2	-	/	2	-	Concesionar ⁴	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-
26	Burco Abramovici din Ackerman	Evreu	-	/	3	-	/	1	1	fost crâșmar	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-
27	Duvid Aronovici din Șargorod	Evreu	-	/	/	-	/	3	1	5	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-
	Talmază																			
28	Abram Șmulevici din Ackerman	Evreu	-	1	-	-	1	5	-	6	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-
29	Șumil Abramovici din Ackerman	Evreu	-	1	1	-	1	-	1	7	-	-	-	-	1	6	-	-	-	20
30	Nuhim Abramovici din Bender	Evreu	-	1	3	1	1	-	1	Crâșmar	-	-	-	-	2	5	-	-	-	-
31	Gherșco Ițcovici din Chișinău	Evreu	-	2	2	-	1	2	-	Măcelar	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-
32	văduva Sura din Ackerman	Evreu	-	-	2	-	1	1	1	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-
33	Eizăc Șimonovici din Brăila	Evreu	-	1	-	-	1	2	-	vinde sare	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-
	Popeasca																			
34	Aron Ianchelovici, din Ackerman	Evreu	-	2	-	-	2	2	1	Crâșmar	-	-	-	-	1	6	-	-	-	-
	Ermoclia																			
35	Moșco Abramovici din Ackerman	Evreu	1	1	1	-	1	4	1	Crâșmar	-	-	-	-	1	14	-	-	-	-
36	Ițco Leizorovici	Evreu	-	1	-	-	-	-	-	Cu primul	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Festelița																			
37	Alec Nisovici, din Căușani	Evreu	-	1	-	-	2	-	1	Crâșmar	-	-	-	-	1	7	-	-	-	-
	Copceac																			
38	Mordco Ianchelevici din Chilia	Evreu	-	1	-	-	1	1	-	Crâșmar	-	-	-	-	1	4	-	-	-	-

¹ Гранадский (?)

² Tovarăș cu primul.

³ Mut. Trăiește la frate-său.

⁴ Comercializează pește.

⁵ Vechilul crâșmarului.

⁶ Are în concesiune pescuitul.

⁷ Are în concesiune pescuitul.

Igor ALENIN

PRINCE SERGHEY URUSOV: AN EXEMPLARY GOVERNOR, AND A SOVIET WORKER

In its history Moldova has not enjoyed many long and peaceful periods. The chronicler once called Moldova «the land at the crossroads of all sorrows». At times due to its own choice, but mostly in spite of it, the country experienced numerous cultural influences, such as Turkish, Hungarian, Russian, Ukrainian, Jewish, to name a few. In 106 years, from 1812 to 1918, Bessarabia (Russian name for Moldova) was part of Russian Empire. This was one of the longest periods of Moldova's development under a single state's power. During this time Bessarabia was governed by a score of governor-generals, governors and other high Russian authorities. Among multitude of Bessarabian governors it would be only appropriate to point out a person who left behind a long-living and mostly grateful memory about his short term mission with Bessarabians.

«Bessarabian bulletin» («Бессарабские губернские ведомости»), № 72, 1903, published a note about an appointment of Counselor of State, former vice-governor of the city of Tambov, prince Serghey Urusov as an acting Bessarabian governor. The article said that he had come from Yaroslavl province, was born in 1863, was educated at Moscow Imperial University, finished a course in Philology department with a degree of a candidate of Philology. For some time the prince served in Ministry of Finance, taking a position of assessor of taxes of Kaluga province, then he was elected to be the marshal of nobility by Peremyshl district (уезд) and chaired a council of Justice of the Peace, was an honorary judge of Justice of the Peace. Then he was elected to be Peremyshl's marshal of nobility, after that he held a position of Moscow printing houses' inspector. And at last he was appointed as Tambov vice-president for a period of time and then promoted to governor's position in Chisinau. At the beginning of his term he was 40 years old.

Passing glance at Urusov's biography may give one a false impression of a job-hopper. He only served in his position of Tambov vice-governor for several months and then got a telegram from Ministry of the Interior informing him about his new appointment to Bessarabia. He held the new post for less than a year and a half and then was moved to a position of a governor in the city of Tver. However, the conclusion of having just a flying experience in each given place of service for Urusov would be groundless.

Having taken an unprejudiced look into Urusov's personality and his career development one can easily be impressed at his capacity to quickly understand the heart of the matters and make all necessary steps towards improvement of a situation. And the situation in Chisinau at the beginning of his service was extremely tense due to the recent Jewish pogrom which took place on 7–9 of April, 1903.

«I have never been interested in Jews, neither had I any knowledge of their state and special laws restricting their lives... The notion that Russian government was part of the pogrom's set up was considered by me as stupid and ill-intentioned fiction...». At the initial stage Urusov learned about three main pogrom scenarios: 1) the pogrom was organized by Russian government and supported by ignorant and criminal activity of some anti-semitic groups; 2) the pogrom expressed common people's belief that Jews were a tribe of strangers wishing to enslave less industrious Moldavian and Russian population; 3) Pavel Krushevan's version of the past events reflected in his newspaper: that Chisinau Jews themselves organized the pogrom because they had hoped to receive some benefits.

Shortly after beginning in his new job as Urusov understood that «Jewish question» would become one of the key issues in his governor's work. In his memoirs called «Governor's notes» he recognized that his own attitude towards Jews was based on «the premises of justice and tolerance which had been in-

Photo from: Князь Урусов С.Д. Записки губернатора. Chişinău: Litera, 2004

stilled in him by his education». At the same time, Urusov acknowledges that the literary works which depicted Jews in a negative and ridiculous ways also impacted him to a certain degree. So we can see a respectful state authority, which is not prejudiced about Jews in general, but also hasn't yet formed obvious sympathy towards them which was expected from him by some high officers in the Ministry of the Interior. As a matter of fact, the Minister of the Interior Pavel Pleve, bid Urusov farewell saying: «Try not to show too much sympathy towards Jews».

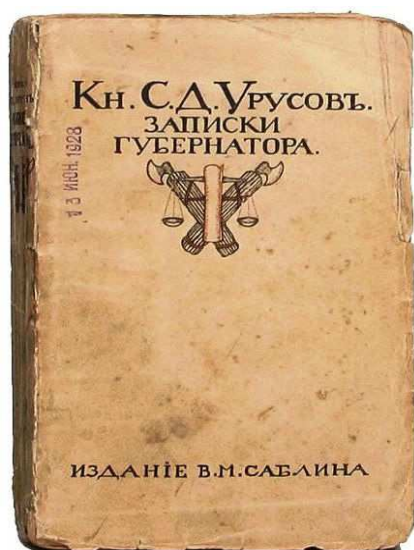
From the very start of his term as governor Urusov made it clear that he didn't intend to treat Jews with preconceived bias. On the contrary, he did his best to live out his conviction that Russian Jews were as much Russian citizens as other Russian population. He considered Chisinau pogrom a crime supporting the official view expressed shortly after the tragedy.

The words of Pleve were proved to be somewhat prophetic as the Minister 1,5 years later rather coldly received Urusov again in Saint-Petersburg and accused him of several pro-Jewish acts he had committed during his service in Chisinau. Those were «the Torah burial» which he allowed to conduct and the visits to some notable Chisinau Jews soon after his arrival. Urusov attributed Pleve's coldness to the memo on the necessity of changes in the so-called Temporary Rules of May, 3, 1882 which had been regulating the Jewish Pale of Settlement and Jewish civil rights. This well thought-through document Urusov had written and submitted to Pleve as a summary of his governor's observations. Only 1,5 years had passed since his arrival in Chisinau and Urusov already had a clear understanding of the Jewish question and a reputation of a competent governor.

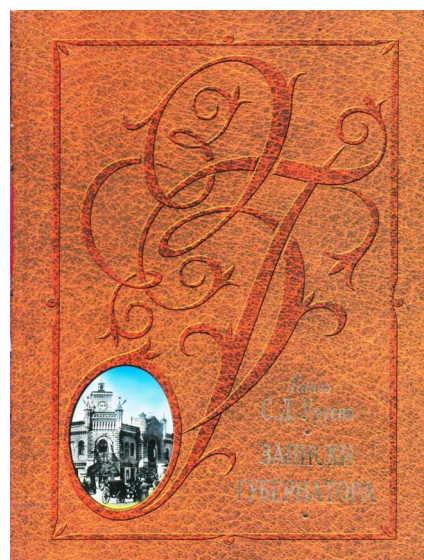
The very first data about Bessarabia Urusov derived from Pavel Krushevan's book called «Bessarabia». The very Krushevan who was named among most plausible inspirers of the pogrom. The first news about possibility of new riots due to stop of all activities by Jews who constituted half of 140,000 population of Chisinau came from an old-timer, vice-governor Ustrugov. As it was clear from Ustrugov's report the Jews mourned and didn't provide any service to Christians. The number of idle non-working people had increased over several months since the pogrom took place, which laid foundation for new wave of unrest. Vice-governor Ustrugov was no supporter of the Jews.

It should be noted that by Urusov's arrival out of 38 Chisinau factories, 4 out of 5 printing houses belonged to local Jews. Jews were heavily involved in woodworking, clothing industry, carrier's trade. They also sold agricultural products, textile, cloths. They were cobblers, watchmakers, glaziers, loaders, roofers, blacksmiths, carpenters, coopers, coach-maker, butchers. Among more «refined professions» there were medicine, law, and education which many Jews traditionally pursued. And all this exuberant working life had to stop suddenly...». During the pogrom 1,500 Jews houses, apartments and shops were destroyed, 49 people killed, 586 wounded and mutilated.

On the third day after his arrival to Chisinau Urusov received 12 delegates of local Jewish community: all people of good reputation and high standing. They wanted to learn about new governor's vision first hand. In his speech prepared beforehand Urusov reiterated his vision to see in Chisinau Jews, first of all, loyal Russian citizens. «I personally do not support tribal and religious discord, so it will easy for me

Кн. С. Д. Урусов Записки губернатора
(Кишинев 1903–1904).
Москва: изд. В. М. Саблина, 1907

Князь Урусов С. Д. Записки губернатора.
Chișinău: Litera, 2004

to strictly follow requirements of existing laws which do not need any reconsideration», said Urusov.

He promised that all the rioters whose blame in April's pogrom was proved would have been punished. One of the first orders by Urusov concerned the military garrison's return from Chisinau to summer camps. So the soothing words and first orders by Urusov returned the disturbed city's life into normal state. In less than a week the Jews put on their casual working garments, started to show up on street festivities, got down to repairing their stores and houses vandalized during the pogrom.

There was also «The Torah burial», which was later criticized by the Minister of the Interior. Urusov himself attested it as «rather bold» action, which despite being risky turned out to be a success. The most sacred object of Jewish synagogues is an arch containing the Torah's scrolls. During their visit at governor's Jewish public rabbi and other spiritual leaders explained Jewish tradition to bury the remnants of any sacred objects violated by sacrilegious hands. However, this procession could have collected up to 30,000 people. Urusov demanded from the Jews the detailed plan of the procession and put Jewish community in charge of their safety while the police was commissioned to protect city market and stores. As a result, the order was observed and no complications took place. From that day on, says Urusov in his book, I had formed a sense of respect and sympathy towards Chisinau Jews which I have kept till now.

For justice' sake, it should be mentioned that Urusov's contribution to welfare of Chisinau was not only limited by attempts to solve «Jewish question». His activity as well as activity of the newly-appointed vice-governor Block was reflected in different aspects of the city life. Urusov writes rather frankly that he wasn't able to change the practice of «illegal kickbacks». One of the signature features of the current system, in Urusov's opinion, was humiliating and counter-productive Jewish legislation. It put, according to Urusov, almost every Jew in a position of a constant suppliant and complainant. The police had been constantly addressed by the Jews in their petitions about the most minor problems, caused by imperfections of the legislation. It constituted one of the reasons for police's hatred towards local Jews. The former vice-governor Ustrugov had gained a reputation of an open anti-semite. He had turned oppression towards Jews into the state of art, and, as Urusov stated, had sought new rather inventive ways to get round the law to the detriment of Jews. He was no less original than Jews trying to get round the oppressive law for their own benefit.

It cannot be said that «bacilli of fear», caused

by the 1903 pogrom, was totally wiped out during Serghey Urusov's government. Rather tense situation established in Chisinau on the Easter of 1904. «The first swallows of spring renewal for half-forgotten fears were two people – Pronin and Krushevan, who had taken an active part in 1903–1905 pogrom-inspirational movement». After infamous Chisinau pogrom in April 1903 Pronin found himself within a hairbreadth of imprisonment which restricted his activity to a certain degree. But since February 1904 both patriots regained strength and energy. Urusov wrote that «Krushevan got a new topic for his newspaper – Jewish financial support of the Japanese fighting the Russian», Pronin was the one who translated this «rich» notion in public language. Again rumors of ritual sacrifice of Christians committed by local Jews started to spread. But governor's order on Pronin's expulsion from Chisinau sanitized situation in the city. Besides, there was an incident which proved to Chisinau residents Urusov's commitment to «fair play». He fined a doctor from Chisinau hospital named Cohan for setting up unsanctioned lecture for about 40–50 people at which Cohan presented a report about his visit at Odessa charity Jewish society.

A lot of effort Serghey Urusov put into establishing a good rapport with military commanders quartered in Chisinau: two infantry and cavalry regiments, and artillery brigade. He, as he put it, had to use the wisdom of a snake and the gentleness of a dove. His general conclusion was that in the best interest of civic order it would be advisable not to use the Army at all in any conflict engaging Jews, as among officers there were many anti-semites.

Even after legal proceedings about the pogrom Urusov gave very cautious evaluation of its causes, leaning toward the conclusion that the real reason remained unknown. Urusov was categorically against the notion that the pogrom's plot got ripened in the depth of Ministry of the Interior as some foreign newspaper described it.

In a year and a half in governor's position Urusov had been able to put together his own opinion about Jews' influence on different branches of local economy. In spite of official prohibition for Jews to live in villages every land- and vineyard-owner had several Jews living on their land, their personal immunity was a serious concern for their hosts who took care of getting official papers allowing the Jews to stay where they were. Urusov said that almost all vine-makers in Bessarabia were Jews. He mentions the Wolfenson family who developed the best vineyards in the province, having selected French and German sorts of grape for local climate and soils. They organized first nurseries of phylloxera-proof

American vines. An agronomist Etinger, the head of the «ECO» nursery, set up a whole school of gardeners, and played an important role in improvement of local fruit-growing and vine-making. All this had been taking place while vineyards of Bessarabians knowing little about fighting phylloxera and mildew had been slowly deteriorating.

Urusov could become a role-model for today's bureaucrats. In conclusion to his notes he wrote that resignation had only pleasant consequences for him, and he didn't notice any change in attitude from anybody as it often happened with recently laid-off officials. These words do not manifest his self-admiration. It is known from other sources that next to his office-room there was a plate: «Sergey Urusov's working hours are 9–12 am. The urgent matters are attended at any time».

In her essay «Prince Urusov» a Russian historian Nina Khaylova called Urusov «real patriot» who never declared anything he didn't believe in himself. She quotes his grand-daughter who recollected Urusov saying that there would be many new rulers in Russia. Some could be better, some worse. It shouldn't relate to me. «There is your country, and one should do one's best helping it to prosper».

Sergey Urusov was sincere liberal. Admittedly, he attached great importance to moral issues as well as to the observance of rights and freedoms of all people. He had to fight for them on many occasions. As for the «practical issues» such as the state set-up forms of government, he always tried to guard himself from intolerance.

This may explain why Sergey Urusov, as a matter of fact, with all his public activeness was not a member of any political party, except for a short-term membership in the Party for Democratic Reforms, called also «the party of common sense». He hates any attempts of «human enslavement» expressed in any kind of outer limitations (organizational, ideological). He always protected his professional independence.

Such Urusov's character features as tolerance and patience, trust and benevolence towards people, who helped him in many circumstances. According to his contemporaries, Urusov had a marvelous talent to reconcile different public interests, unite dissimilar people by one cause. He knew how to maintain his dignity, was not prone to egotism, arrogance and hypocrisy.

For a long time in his family estate Rasva the Urusovs at their own expense ran a hospital for the nearby peasants, educated local kids from poor families. All this, as well as his productive work in the governor's position, to some degree, softened the

blow by the Great Socialistic Revolution in 1917. Even in Soviet times the school founded by Urusov kept working till the 1980th when a new school was built.

1905 was a pivotal in Urusov's carrier. Being saddened by revolutionary events and the reaction of the tsar to the loss in Tsushima battle prince Urusov became very critical of Russian autocracy. Urusov firmly believed that in such a time in Russian history the tsar should have addressed his people with the words of encouragement. But instead the monarch issued a decree which gave the deputy of the Minister of the Interior D. Trepov rights to oppress Russian citizens even more. After that Urusov decided to resign, although not for a long time. At the end of 1905 by personal invitation from newly appointed prime-minister S. Vitte Urusov took the position of deputy to the Minister of the Interior.

Manifesto of 17 of October, 1905 declared religious freedom and among other things was supposed to cancel all restrictions towards the senior priests and worship of «Old Believers» (*старообрядцы*). However, a group of officials under Duke Ignatyev issued its own document which contained practical steps of the manifesto's implementation. They were contrary to the very freeing spirit of the Manifesto. Urusov's reaction to it was quick and utterly negative. He asked to be freed from participation on the committee. In March, 1906, he submitted his resignation papers with the Minister Vitte. This was a very rare occasion when an official of such high standing resigned voluntarily and turned down an offer of merit pension. In the same year he was elected to the first Russian State Duma as an unaffiliated Duma member. His notable and passionate speech on the 8th of June about police provocateurs' activity constituted in printing leaflets meant to agitate masses for pogroms. His words about very unclear prospects of the newly appointed prime-minister Stolypin's cabinet as long as they are under «influence of the people with psychology of martinets and thugs» were interrupted several times with storm of applause and later was quoted for a long time all around Russia and abroad.

As it is known, first Russian Duma couldn't reach agreement with the government. It only lasted 72 days instead of 5 years and was dismissed by the tsar's decree.

In 1908 Urusov spent 3 months in Taganka jail for signing as well as a number of former Duma members a letter known as Vyborg appeal in which among other things called to civil disobedience. After discharge he was forbidden to take state and public positions until February revolution in 1917. He later said that because of his previous convictions he suf-

ferred less Soviet persecution than his colleagues, who didn't serve their term in jail.

Prince Urusov called Communist Revolution «the greatest experiment in the world». He expected its coming well in advance. As a result of nationalization the Urusovs lost all their savings and estate. The Soviets stripped Urusov off all his civic rights as a former governor. In 1919 he was imprisoned for no obvious reason. Urusov himself attributed this step to the short-term success of «the whites» and the necessity for «the reds» to have hostages in case of negotiations.

According to the available documents, the person who initiated the ex-prince liberation was I. Gorbunov-Posadov, member of the committee on the protection from anti-semitism at Narkomat of Public Education. He sent a letter to the head administrator of Sovnarkom V. Bonchi-Bruevich with a request about energetic assistance in Urusov's liberation, «to whom mercilessly oppressed by tzarism Russian Jews are so endlessly grateful for his famous words and actions which helped to protect Jews...». Gorbunov-Posadov especially mentioned governor's activity of Urusov in Bessarabia after Chisinau pogrom. He mentioned that Bessarabian Jews gave him big warm send-off, and his portrait was hung in Jewish hospital

where the pogrom victims were treated. In spite of this intercession Serghey Urusov spent 3,5 months in jail. That was not the only imprisonment for Urusov under the Soviet regime.

After discharge he was drafted by the Army in capacity of an accountant at Soviet Navy headquarters. Later he became a member of a group researching Kursk magnetic anomaly. As a part of this group he was decorated with an order of Labour Red Banner. This helped him some time later when he was stripped of the right to participate in the State elections as a person with doubtful past. Unlike many of his relatives ex-prince Serghey Urusov didn't suffer Stalin's repressions and died of natural cause in 1937.

A prince, an exemplary governor and Soviet worker was buried in Moscow. As time passed the location of his grave is no longer possible to identify.

Literature

Воспоминания Ек. А. Фадеевой // Личный архив А. И. Фадеева.

Урусов С. Записки губернатора. Кишинев: Litera, 2011.

Хайлова Н. http://www.rusliberal.ru/books/Найлова_URUSOV.pdf

Юрьев Б. Кишиневский погром // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т. 2. М., 1996.

Евгений БРИК

БРИГИТТА КОВАРСКАЯ: БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Бригитта Пинкусовна (Петровна) Коварская (урожденная Оренштейн) родилась 7 февраля 1930 г. в городе Кишиневе¹. Ее отец, Пинкус Абрамович Оренштейн, был представителем известной в Кишиневе семьи врачей, фармацевтов и владельцев аптек. Семья проживала в центре Кишинева, в районе улицы М. Эминеску, между улицами Щусева и Бухарестской (даны современные названия). В том же районе располагались и небольшие аптеки, которые принадлежали представителям семьи Оренштейн и Аптекарь².

Мать Бригитты Коварской, Берта Манцович, происходила из семьи ювелиров. Ее отец (дедушка Бригитты) был известным в городе ювелиром. А мать (бабушка Бригитты), Евгения Клейман, владела шляпным магазином.

В годы войны бабушка и дедушка Бригитты погибли в гетто. Впоследствии, став известным ученым, Бригитта Коварская пыталась разыскать преступников, виновных в их гибели.

Б. П. Коварская окончила физико-математический факультет Кишиневского университета в 1952 г. Преподавала в торгово-технологическом техникуме (1952–1964), в Кишиневском сельскохозяйственном институте и Кишиневском политехническом институте (1964–1984), научный сотрудник Института химии, Института математики, Института истории Академии наук Молдовы (1984–1998). Б. П. Коварская – автор учебника для вузов «Физика в задачах» (Кишинев, 1993); библиографического указателя «Периодические и продолжающиеся издания СССР по математике и смежным отраслям»; библиографического обзора «Academicieni din Basarabia si Transnistria: A doua jumatate a sec. al XIX-lea – prima jumatate a sec. al XX-lea» (Brighita Covarschi, Ion Jarcutchi. Chişinău: Centru de Editare și tipar al Institutului de Istorie, 1996); очерков по истории бессарабского еврейства. Ее публикации вошли в ряд сборников: «Становление еврей-

ского здравоохранения в Кишиневе в XIX веке. История, язык и культура еврейского народа. Мат-лы Междунар. симпозиума» (Кишинев, 1995. С. 59); «Евреи в духовной жизни Молдовы» (Кишинев, 1997. С. 172-179).

Работы Бригитты Коварской охватывают многие научные дисциплины. Вот что написал о ее исследованиях по физике ее супруг, академик Виктор Коварский: «...Особенно много она занималась силами инерции и пыталась построить теорию этих сил, учитывая возможное сжатие твердых тел при движении. У нее были идеи по квантово-механическим процессам, связанным с принципом Гюйгенса»³.

Интересно отметить, что Б. Коварская является автором и таких книг, как «Узоры вязания крючком» (Кишинев: Тимпул, 1986; 2-е издание – 1988), «Уроки вышивания» (с Е. Ф. Евдокимовой, Кишинев: Тимпул, 1988 и 1989) и «Вяжем для детей» (Минск: Польша, 1989).

Ее иллюстрированные книги по вязанию пользовались большой популярностью. О том, как велась работа над этими книгами и систематизация материалов, также вспоминает академик В. Коварский: «...Книги “Узоры вязания крючком”, “Вяжем для детей” и “Уроки вышивания” были сделаны от первой до последней страницы самостоятельно. Она сама делала фотографии тех узоров, которые создавала, а в тех случаях, когда узоры (в небольшом количестве) были переданы ей ее подругами, под каждым из них стояла фамилия его автора. Она ввела специальную символику и, как настоящий математик, перед этим ознакомилась с общей математической литературой по одному из разделов топологии. <...> Весь тираж немедленно разошелся, все расхватывали...»⁴.

В конце 80-х гг. Б. П. Коварская принялась за работу по сбору биографических данных в архивах Кишинева, Одессы, Москвы и Ленинграда и начала переписку с иностранными архивами. В местных газетах стали появляться ее очерки об известных людях Молдовы. На блоге ее сына упомянут ряд очерков: «...Далеко не полный перечень очерков, написанных ею для молдавской прессы: “Профессор Иван Чорба”, “Умру с чистой совестью” (о Л. М. Коган-Бернштейне), “Ученый, педагог, гражданин” (о В. А. Келтуяле), “С любовью к чистой красоте” (о А. И. Бернардацци), “Василий Егорович Варзар – отец промышленной статистики”, “Весь город, созданный им” (о К. Шмидте), “Просветитель из королевского рода” (о А. Ф. Стурате), “Первая в Бессарабии” (о еврейской школе), “Доктор Блуменфельд”, статьи

о И. И. Мечникове, Н. И. Пирогове и их борьбе с антисемитизмом...»⁵.

В последние годы жизни Б. Коварская занялась исследованием еврейской тематики. В 1995 г. она подготовила монографию: «Евреи Бессарабии 19-го – 20-го веков (ученые, врачи, инженеры, педагоги, юристы, революционеры 1870–1880-х гг.)»⁶.

В монографию должны были войти 70 персоналий (биографические и библиографические очерки). Рукопись объемом 425 страниц печатного текста была разослана в некоторые страны, а также передана ряду местных ученых. До 2013 г. она считалась потерянной. Евгению Коварскому удалось ее разыскать, и он любезно разрешил мне с ней ознакомиться.

Монография состоит из 6 частей: ученые, врачи, инженеры, педагоги, юристы, революционеры 1870–1880-х гг. Имеется предисловие, завершает рукопись алфавитный указатель и список сокращений.

Каждая биографическая статья сопровождается библиографическим списком и списком литературных и архивных ссылок. Таким образом, каждая биография, помещенная в монографии, представляет собой отдельную законченную научную работу.

Первая часть («Ученые») состоит из 6 биографических статей. Приведены биографии Л. С. Берга, С. В. Бернштейна-Когана, М. И. Гершензона, Я. С. Гольденталя, И. М. Красильщика и А. Н. Фрумкина.

Вторая часть посвящена врачам, однако в рукописи сделана приписка: «В том числе ученые». Первоначально в рукопись входило 37 биографий. Однако к ним были добавлены еще 2 биографии, вошедшие под номерами 3а и 11а. Часть, посвященная врачам, – наибольшая в монографии и насчитывает 39 биографий.

Третья часть отведена сведениям об инженерах и содержит 11 биографий.

Четвертая часть посвящена педагогам; в ней представлено 9 биографий. Самые маленькие по объему – пятая и шестая части. В пятой части, которая описывает юристов, приводятся четыре биографии (Ф. А. Волькенштейн, А. М. Выводцев, Е. С. Кенингшац и Д. Л. Коган-Бернштейн).

Последняя, самая маленькая часть, посвящена революционерам 1870–1880-х гг. В ней 3 биографии (Р. М. Бланк, Л. М. Коган-Бернштейн и С. Е. Лис).

Итак, в рукописи приведены 73 биографии: были добавлены к первоначальному тексту 2 биографии врачей, а одна из биографий двойная.

В 1996 г. Б. Коварская рассказывала мне о нескольких биографиях, которые не вошли в данную рукопись. Должны ли были они войти в данную монографию или планировалось их опубликовать как отдельную работу, пока остается неизвестным.

Б. Коварская умерла в январе 1998 г. Многие ее рукописи остались в семейных архивах и хранятся в разных странах. Но учитывая то, что спустя 15 лет была найдена ее монография, можно надеяться, что «рукописи не горят» и нас ждут новые интересные находки.

Примечания

¹ Биографические данные доктора Бригитты Коварской и членов ее семьи были любезно

предоставлены автору ее сыном, Евгением Коварским, во время встреч и бесед в 2011 и 2013 гг.

² Истории о расположении аптек и их владельцах были рассказаны автору его отцом, доктором биологических наук, Бриком Павлом Львовичем, в 1979 г. и заслуженным профессором Калифорнийского университета Самуэлем Арони – в 1996 г. Они оба проживали в указанном районе города Кишинева.

³ Материал взят из личного блога Евгения Коварского http://kovarski.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=21&Itemid=410

⁴ См. там же.

⁵ См. там же.

⁶ Название монографии приводится так, как написано в рукописи.

RECENZII

ЕЛЕНА И КОРОЛЬ

Рецензия на книгу А. Вассермана «Мой любимый король Карол II»
(Кишинэу, 2011)

Среди книг биографического плана и историко-документальных работ с претензией на художественность особняком стоит произведение, написанное Александром Вассерманом «Мой любимый король Карол II» (Кишинэу: Moldpresa, 2011). Автор не указал жанр своего первого крупного сочинения. И, думается, не случайно, ибо, по-видимому, не решился отнести его к повести или роману. Наверное, в этом был свой резон. Мы не станем на путь последовательного пересказа неординарного и неизменно ироничного сочинения Вассермана, памятуя о его же словах о том, что «существуют произведения, кои нельзя пересказывать, дабы не портить впечатление от оригинала» (с. 154). И автор, разумеется, прав – пусть любознательный книголюб сам раскроет книгу. Однако все же стоит заметить, что пересказ, будь он затеян, рисковал бы натолкнуться на такую грудку всевозможной информации, свидетельствующей, безусловно, о широкой эрудиции автора, что из-под ее завалов вытянуть, не порвав, тонкую нить сюжета было бы проблематично. И все же: о чем эта книга? Конечно же, о любви. Как сказано в аннотационной справке, о «жертвенной любви румынского короля Карола II и Елены Лупеску, поразившей европейский бомонд и пронесенной через всю жизнь вопреки всем препятствиям, клевете и ненависти окружающих».

Повествование автора – это и взгляд военного историка, и труд архивиста, и культуролога, и публициста, и начинающего, но уже профессионально чувствующего слово литератора, имеющего свою точку зрения, свою позицию, умело владеющего ироническим стилем подачи серьезного материала и нередко прибегающего к самоиронии, когда приходится говорить о себе, – а приходится часто и много, ибо одним из главных героев книги все же является сам автор. Его рассказ – это своеобразный поток сознания, в котором перемешались реалии прошлого, настоящего и наметки будущего; экскурсы в родословную Гогенцоллернов; «еврейский вопрос»; великодержавные амбиции королей; эпизоды

из жизни семьи автора; пристрастия его мамы; рассуждения о гендерных отношениях; интриги политических партий Румынии; военные планы маршала Антонеску и даже прожекты Т. Бэеску и т. д. и т. п. И сквозь все это пробивается неослабевающая струйка рассказа о любви Карола II к еврейке Елене Лупеску (в девичестве Грумберг), ради любви к которой Карол II в 1925 г. отрекся от престола. Всего отречений у него было четыре, три из которых из-за связи с Лупеску.

Мать автора, горячо любившая короля Карола II, эту свою любовь передала сыну. Все осуждали монарха, но только не она. «А мама, – пишет благодарный Вассерман, – просто-таки обожала короля за то, что он любит Елену Лупеску. И не просто за то, что любит любовницу, а не жену – греческую принцессу и королеву, а за то, что – именно Елену Лупеску, а не какую-нибудь другую. Ибо Елена Лупеску была еврейкой. Раз король ее любит, у нее, несомненно, были все качества, потребные для королевской любви. Любовные достоинства, безусловно, вытекали из ее еврейского происхождения. А как иначе? И тут я был со своей мамой согласен на все сто процентов», – говорит автор. И добавляет: «Как тогда, так и теперь. Как стоял, так и стою на этом неколебимо» (с. 5).

И он вспоминает далее о том, что у его матери был схожий пример: ее младшая сестра, «сказочная красавица, какие рождаются раз в эпоху», встретила французского барона, который «влюбился в нее с полувзгляда» и, преодолев все препятствия, все же на ней, еврейской тете автора, женился.

Вообще «еврейский вопрос» судьбы соплеменников, проблемы антисемитизма выходят едва ли не на первый план в остро-ироничном повествовании Вассермана. А стиль его письма действительно весь пронизан иронией. Вот характерный образчик этого письма: «Хочу начать со слов: в детстве у меня был король. Самый настоящий, – пишет автор. – Если быть точным – не один, а два короля. Причем, природе наперекор, первым сел на королевство сын, едва вылез-

ши из пеленок, потом был снижен в должности до наследного принца, уступив трон второму, а затем опять сел на престол, чтобы вскорости отказаться от него. А второй, то есть отец первого, целых три раза сначала отрекался, потом раздумал и снизошел до трона, а впоследствии передумал и слез, потому что в сложившихся обстоятельствах стало абсолютно невозможно удержаться на троне, хотя желание и не было утрачено» (с. 9).

Рассуждая о королевской доле, автор сообщает читателю: «Ненормированный рабочий день, отсутствие профсоюзной организации, интересная работа и неистовая любовь коронованных особ к ней ведут к страшной перегрузке, не оставляющей времени для овладения, на всякий случай, смежной специальностью. Последнее обстоятельство еще сильнее привязывает короля к своему единственному ремеслу. И когда трон, такая устойчивая и прочная мебель, обнаружил тенденцию к потере устойчивости – то тут, то там, гляди, шатается – монархи, каждый за свой, вцепились руками, ногами и зубами. Казалось, не оторвать. Весь девятнадцатый век, можно сказать, довольно успешно держались при всяких невзгодах» (с. 11).

Но вернемся к нашим героям. За что же так любит автор короля Карола II? Не политические перипетии его интересуют, хотя и это не остается без внимания. Его потрясает то чувство, которое пронесли они, Карол и Елена, через всю свою жизнь. И то упорство, с каким гналась за ними молва. Любовь Карола II к красавице-еврейке

(с ее «порочным происхождением!») не могли, не хотели, не собирались простить даже после их смерти. Автор в своем повествовании борется за сохранение памяти, за справедливость, за право на любовь, которую не в состоянии разрушить клевета и зависть. Покинув Румынию, Карол с любимой женщиной несколько лет колесил по просторам Америки, а, вернувшись в Европу, обосновался в Португалии, где в 1953 г. скончался и был с почестями погребен в церкви монастыря Сан Виченте в Лиссабоне, где покоились его родственники – португальские короли. Рядом с ним похоронили в 1977 г. и Елену, выбив на саркофаге слова: «Ее королевское высочество принцесса Елена Румынская».

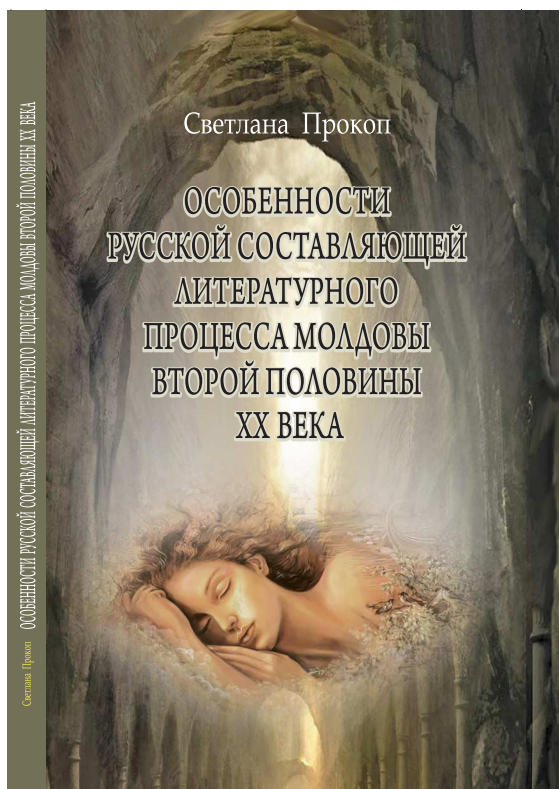
Никто не мог разлучить их при жизни. Но реванш был все-таки взят в 2003 г. Правительство Румынии решило вернуть на Родину останки Карола II и Елены Лупеску. Он был похоронен в часовне Святых Апостолов Петра и Павла. На стене красовалась надпись: «Карол II. Король Румынии 1930–1940». Ее же похоронили на кладбище монастыря с краткой надписью на надгробной плите: «Елена Лупеску. 1899–1977».

Известны строки: «не отрекаются, любя». Они не отреклись. Он, отказавшись от трона, не покинул престол Любви, она, презрев хулу и наветы молвы, осталась верной своему чувству.

Они не отреклись от своей личной жизни и остаются в памяти потомков, в том числе и благодаря книге А. Вассермана: Он – Королем, Она – несомненной Королевой Любви.

докт. Константин ШИШКАН

Светлана Прокоп
«Особенности русской составляющей литературного процесса Молдовы второй половины XX в.» (Кишинев, 2014, 208 с.)

Lucrarea reflectă experiența personală de cercetare a autoarei, acoperă o gamă largă de poziții literare din critică literară, teoria literaturii, antropologiei culturale și istorice, culturologiei, etnolingvisticii, jurnalisticii etc.

Structura monografiei confirmă relația dintre logica cercetării în teoria literaturii și științele socio-umane.

Textul lucrării dezvăluie o diversitate de probleme puternic marcate de contraverse teoretice, metodologice și poate mai mult de imperativul timpului.

Obiectul, scopul și obiectivele de cercetare constituie conceptele-cheie de cercetare, care sunt folosite în mod variat și cu sensuri diferite, urmând tradițiile dominante din literatura de specialitate.

Paradigmele de cercetare sau perspectivele teoretice sunt abordări ale cercetărilor literar-sociale și culturale și modul în care acestea pot atinge scopul propus.

Un punct de reper al prezenței lucrării constituie tezele savantului rus G. N. Pospelov, care apelează la noțiuni și termeni din semiotică, lingvistică etc. spre a accentua procesul istoric al dezvoltării literaturii în genere și celei naționale în particular.

Pe un teren descriptiv autoarea evidențiază anumite perioade istorico-literare prin activitatea scriitorilor cu potențial creator înalt, comparând valoarea și misia istorică a creației literare europene, locul și rolul gânditorilor ruși în procesul literar din Moldova.

O teză științifică importantă ce ține de critica literară, teoria literaturii și de antropologia culturală este „perioada de trecere din istoria literaturii constituie un proces literar nefiind asemănător cu cel al secolelor trecute – o trecere hotărâtă în albia legităților literare încă necunoscute ale sec. XXI-lea (ipoteza științifică generală de cercetare)”.

Astfel, autoarea pune accentul pe importanța fenomenului literar în contextul realizării procesului literar-cultural în Moldova.

Prin realizările savanților, literaților, criticilor literari autoarea argumentează procesul literar ca problemă a tradițiilor literare naționale, irepetabile și unice în diferite regiuni și țări, în epoci diferite de dezvoltare a societății, la bază fiind legitățile obiective (o teză din programul de cercetare a autoarei).

Teza academicianului M. Cimpoi „cu regret noi ne ciocnim cu o criză în mediul criticii literare actuale care se mai numește cronică literară echivalentă

cu noțiunea de recenzie”, vorbește de calitatea literaturii în perioada cercetată (un indiciu de actualitate a temei alese de autoare).

În monografie, ca un șir roșu, își face loc elementul patriotic, sentimentul de umanizare a societății moldovenești (un scop urmărit de științele socioumane).

În această ordine de idei se înscrie metodologic și într-un context geografic literatura fără hotare (o teză a autorilor E. Șafranskaia, M. Enștein, S. Ciuprina ș.a.).

Ipotezele descriptive și explicative în lucrare pune accentul logic pe particularitățile de formare și dezvoltare a gândirii critice în mediul literar rusolingv, raportată la subiectul „adaptare națională”.

Un element etnopolitic de percepere a fenomenului de identitate civică și reflectarea acestuia în literatura artistică, și care redă imaginea țării, se înscrie într-un concept etnoimagologic – cunoașterea de sine, Noi și Ceilalți etc.

Un aspect patriotic ce deține greutatea specifică a celor redată anterior este „imaginea” ce determină recunoștința poezilor ruși față de tezaurul poetic al lui Grigore Vieru.

Cu lux de amănunte autoarea menționează aportul poezilor A. Pușkin și A. Blok în susținerea tezei „de simțul responsabilității, de înțelegere și tact față de literatura publicată”.

Un indiciu științific ce argumentează perspectiva de ieșire din anonimul criticilor literari s-a dovedit a fi utilizarea cercetărilor sociologice bazate pe materialele publicate în diverse ediții.

Materialul factologic analizat de autoare, ce ține de sfera multiculturală din Moldova, sunt revistele „Codru”, „Nistru” și alte ediții periodice.

Un semnal pentru noi cercetări academice sunt lucrările plenare ale Asociației scriitorilor ruși din Moldova și deciziile primite, un argument fiind poate nemotivat reproșul în adresa Academiei de Științe.

Ca răspuns la cele relatate mai sus este necesar să menționăm, că un loc aparte în istoria și teoria literară în știința academică ocupă lucrările autorilor: C. Popovici, S. Pânzaru, R. Kleiman, I. Suhareva, C. Șișcan – aceasta constituind punctul de reper către ample cercetări în mediul academic.

Această monografie pune în circuitul științific un studiu de calitate, care contribuie la eficientizarea politicilor naționale referitor la perspectiva dezvoltării criticii literare și teoriei literare în Republica Moldova.

Lucrarea deține conotație metodică, metodologică, științifică în contextul dezvoltării științei europene.

Monografia este realizată sub toate aspectele cerințelor actuale în vigoare. Credem că nu este lipsit de importanță ca autoarea să revină la:

- structura Cuprinsului, avându-se în vedere – plus paragrafe;
- formularea concluziilor după fiecare compartiment;
- o completare sau reformulare a unui capitol „Critica literară – model de cercetare epistemică”.

dr. hab. Iulia BEJAN-VOLC

JUBILEE

ANTIP ȚĂRĂLUNGĂ LA 65 DE ANI

Colegii de la Centrul de Etnologie al Institutului Patrimoniului Cultural al AȘM felicită cordial cercetătorul științific, Antip Țărlungă cu frumosul jubileu de 65 de ani!

Antip Țărlungă s-a născut la 15 mai 1949 în satul Redi-Cernovăț din raionul Soroca. Este absolventul școlii primare din satul natal, apoi a Colegiului de Construcții din or. Hâncești (1964–1968).

Își începe activitatea profesională în calitate de maestru, dar foarte curând înțelege că vrea să-și dedice viața dansului popular, astfel din 1971 este deja student la Colegiul de Arte din or. Soroca, secția coregrafie. Concomitent cu studiile, A. Țărlungă, activează în calitate de coregraf și conducător al colectivelor de dans popular a școlii nr. 5 din or. Soroca și a Casei de Cultură din s. Bădiceni, r-l Soroca.

Având rezultate remarcabile în activitatea sa de conducător și coregraf, hotărăște să-și aprofundeze cunoștințele și în 1974 devine student la Institutul de Stat din Leningrad, secția coregrafie. Continuă să practice dansul și în timpul studiilor universitare, înscriindu-se în ansamblul Casei de Cultură „Naghina” din or. Leningrad.

După absolvirea Facultății (1978), activează în cadrul Centrului de Creație Populară al Ministerului Culturii în calitate de șef al secției coregrafice or. Chișinău (1978–1991). Din 1991 – până în prezent activează în cadrul Academiei de Științe a Moldovei, în calitate de cercetător științific la Institutul Patri-

moniului Cultural; din 2012 îndeplinește funcția de lector superior la Facultatea Pedagogie, specialitatea „Dans popular și clasic” a UPS „Ion Creangă”, ca profesor de coregrafie, grad didactic superior.

Și-a lărgit orizonturile și s-a cultivat prin numeroasele stagii în republică și peste hotare, printre care: 1982 – cursuri de perfecționare în probleme de conducere a secțiilor de coregrafie pe plan republican, unional – Ministerul Culturii, Moskova, Rusia; 2001, 2005, 2007 – cursuri de psihopedagogie, Ministerul Educației și Științei, Chișinău, RM; 2003, 2006 – stagiar în *Ansamblul Academic de Stat „Joc”*.

În calitate de cercetător manifestă tenacitate și entuziasm, ceea ce se observă grație numeroaselor studii publicate de Dumnealui. Pentru început îl aflăm autor a unor compendii și materiale didactice pentru studenți, ca mai apoi să înceapă o vastă activitate de restaurare a patrimoniului viu al dansului popular, adică a persoanelor care și-au dedicat viața promovării și păstrării autenticității acestui gen coregrafic în RM.

Cele mai cunoscute publicații ale lui A. Țărlungă sunt: „Молдавские танцы” („Literatura artistică”, Ch., 1985); „Dansuri populare” („Universitas”, Ch., 1992); „Consătenii mei” („Cartier”, Ch., 2000); „Spiridon Mocanu – o legendă vie” („Grafema Libris”, Ch., 2006); „Ion Furnică – celebru dansator moldav” („Grafema Libris”, Ch., 2006), „Codreanca la 35 de ani” („Baștina Rodog”, Ch., 2009); „Ion Furnică –

promotor al valorilor naționale” („Notograf Prim”, Ch., 2012); „Colegiul Național de coregrafie” („Notograf Prim”, Ch., 2013); „Rapsodul Ion Frecăuțeanu cu melodiile tinereții sale” („Notograf Prim”, Ch., 2014).

La publicarea monografiilor biografice l-a ajutat familia, prin crearea unei biblioteci și arhive impunătoare. Acestea conțin numeroase lucrări și materiale de teren, filme video, înregistrări audio și valoroase fotografii ce țin de dansul popular.

Dar energia debordândă a lui A. Țărălungă l-a predispus să și creeze. Astfel productivitatea muncii lui a ajuns să fie cunoscută atât în lumea academică, cât și în cea a artelor frumoase. Fiind bun dansator și pedagog, posedând o dorință inepuizabilă de a păstra valorile culturale, el a fondat mai multe ansambluri de dans popular, educând astfel numeroase generații de dansatori.

Debutază ca fondator în anul 1980, coordonând Laboratorul de Creație al coregrafilor din RM desfășurându-și activitatea până în anul 1991, continuă în 1981 cu ansamblul „Moldovița” în cadrul uzinei „Tehizdelii” din Chișinău, iar în 1986 – ansamblul „Corsarii” din s. Hirtopul Mare (r-n Criuleni).

În anul 1989, susținut financiar de membrii familiei sale (soția Raisa și feciorii Dumitru și Andrei), fondează ansamblul etnofolcloric de muzică și dans „Comoara”, care chiar din start după cum remarcă și A. Țărălungă este un „laborator de renaștere a dansului folcloric”; în anul 1994 fondează (concomitent și coregraf) ansamblul de dans popular pentru copii „Lăstărel”; în 1998 – ansamblul de dans popular „Cireșarii” pe lângă Colegiul Financiar-Bancar din Chișinău; în 2003 – ansamblul de dans popular „Milagro”, care era format din copii africani, locuitori ai teritoriului RM; ansamblul „Juravelul” a fost fondat pe lângă Universitatea Pedagogică de Stat „I. Creangă”, facultatea Pedagogie, specialitatea dans popular.

Îndrăzneala specifică și dragostea față de copii i-au dat puteri să lucreze asiduu, formând un șir întreg de ansambluri pentru copii. Mai mult ca atât, încrederea în capacitățile copiilor l-a adus în pragul unui experiment, ce l-a realizat prin fondarea în cadrul liceului „Gh. Asachi”, a ansamblului „Țărăncuța”, compus din elevii claselor III-IV-a. Experimentul avuse ca scop să demonstreze lumii întregi că orice copil poate deveni într-un timp relativ scurt bun dansator, ceea ce i-a și reușit. Trebuie de menționat aici, că fiecare laborator de creație sau ansamblu de dansuri populare, și-a avut propriu repertoriu, specific vârstei și posibilităților fizico-psihologice.

Atenția sporită pe care a acordat-o dansului, grija pentru păstrarea originală a fiecărei mișcări, alegerea asiduă a costumelor tradiționale potrivite fiecărui dans și strigăturilor ce-l însoțesc – nu putea să nu fie remarcat de către colegi, autorități și coregrafi cu renume la diversele concursuri naționale și internaționale. În acest fel, A. Țărălungă este deținătorul a numeroase distincții: „За отличную работу” Ministerul Culturii URSS din 30.03.90, Titlul Onorific „Maestru în artă”, Decretul nr. 414 al președintelui RM, M. Snegur din 31.12.96; Deținător al medaliilor de aur și Laureat al festivalurilor unionale din 1967, 1977, 1985, 1992; Membru cu drepturi egale al Consiliului Internațional de dans UNESCO din 11.11.2008; „Cetățean de Onoare a comunei Redi-Cernovăț” din 11.11.99; Decorat cu „Ordinul de Onoare”, nr. 0246, Decretul Președintelui RM, M. Lupu, nr. 140 – VI din 20.05.2011, Brevet nr. 2405; „Ordinul Cultural” din 15.05.2014, Brevet nr. 003.

Colegii prețuiesc activitatea lui științifică dar și artistică, îi apreciază optimismul și îi doresc multă sănătate, prosperitate, inspirație, izbândă și noi performanțe în activitate, bunăstare și fericire în familie!

La mulți ani, stimate coleg!

Natalia GRĂDINARU

ПОЗДРАВЛЯЕМ С ЮБИЛЕЕМ!

Сотрудники Центра этнологии Института культурного наследия сердечно поздравляет свою коллегу Ольгу Андреевну Гарусову с юбилеем!

О. А. Гарусова родилась 7 октября 1954 г. в г. Павлодаре (Казахстан), в 1980 г. окончила Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии (ныне Санкт-Петербургская Академия театрального искусства). Получив блестящее образование по специальности «театровед», Ольга Андреевна переезжает в Молдавию и поступает на работу в Республиканский Дом актера Молдавского театрального общества. В 1982 г. переходит в Институт этнографии и искусствоведения Академии наук Молдавской ССР, где начинает заниматься изучением проблем истории театра и современного театрального процесса в республике. Результатом ее научных изысканий стали работы «Вахтанговская школа и ее роль в творческом становлении театра «Лучафэрул», «Русский театр в Бессарабии. 1918–1940 гг.»; она является одним из авторов-составителей библиографического указателя «Драматический театр Советской Молдавии. 1917–1960 гг. (Кишинев, 1987). Ею написаны и опубликованы десятки научных и научно-популярных статей в научных и специализированных изданиях («Profit», «Colizeum Teatru» и др.).

Свою научно-исследовательскую работу О. А. Гарусова успешно сочетает с профессиональным участием в различных фестивалях и

декадах театрального искусства, а также с преподавательской работой на актерских факультетах Кишиневского института искусств и Тираспольского университета. Как театровед и театральный критик неоднократно была отмечена театральной общественностью республики: трижды удостоивалась звания лауреата конкурса Союза театральных деятелей Молдовы; является членом Союза театральных деятелей Молдовы.

После реорганизации Института этнографии и искусствоведения (1991) О. А. Гарусова продолжила свою исследовательскую работу во вновь созданном подразделении Академии наук – Институте межэтнических исследований, а затем в Институте культурного наследия, в секторе русистики. За прошедшие годы значительно расширился диапазон ее научных интересов: от узко театральной тематики к более общим проблемам общественной и культурной жизни Бессарабии XIX – первой половине XX вв. Одной из тем исследований последних лет стала тема благотворительности в Бессарабии – история становления и развития государственных структур и общественные формы благотворительности. Научную деятельность О. А. Гарусовой характеризует глубокое вхождение в тему исследования и тщательное изучение самого широкого спектра источников – архивных и мемуарных документов, материалов периодической печати, использование современных научных методов и новых подходов в исследовании той или иной проблемы, объективный научный анализ. На сегодняш-

ний день О. А. Гарусова исследует перспективную и малоизученную тему из истории русской и российской эмиграции начала XX в., ее месте в общественном и культурном пространстве Бессарабии в межвоенный период и вкладе в развитие культуры края.

Всем своим накопленным опытом и знаниями Ольга Андреевна щедро делится на страницах периодических изданий и на телевидении, популяризируя историю и культуру нашего края, сотрудничает с журналом «Analecta catolica». Она

является одним из организаторов и активных участников набирающего популярность и целевую аудиторию «Клуба любителей истории Кишинева». В этом году вышла в свет интересная, насыщенная многими новыми материалами и сюжетами книга О. А. Гарусовой о самом выдающемся в истории Кишинева городском голове – Карле Шмидте (Кишинев, 2014).

Мы поздравляем О. А. Гарусову с юбилеем и от всей души желаем ей больших творческих успехов.

докт. Наталия АБАКУМОВА-ЗАБУНОВА

IN MEMORIAM

ЗИНОВИЙ ЛАЗАРЕВИЧ СТОЛЯР (1924–2014)

Зиновий Лазаревич Столяр – музыковед, широко известный в Республике Молдова и за рубежом, заслуженный деятель искусств МССР (1982), Кавалер ордена «Gloria Muncii» (1999), почетный член правления Союза композиторов и музыковедов РМ, научный сотрудник Института национальных меньшинств Академии наук Республики Молдова (1994–2003), ветеран Второй мировой войны, кавалер ордена Отечественной войны II степени.

З. Столяр – автор множества статей и научных работ по общей теории музыки, истории композиторского искусства Молдавии, по исследованию молдавской и еврейской народной музыки (в том числе об их взаимовлиянии), концертных и театральных рецензий, а также более 30 монографий и учебных пособий.

Упомянем такие книги З. Столяра, как «Пособие по элементарной теории музыки», выдержавшее 3 переиздания (совместно с Е. М. Ткачом, 1957, 1961, 1964), «Шико Аранов» (1959), «Георгий Няга» (1959 и 1973), «Опера Д. Гершфельда „Грозован“. Путеводитель» (соавт. – Е. М. Ткач, 1960), «Давид Гершфельд» (1961), «Выразительные средства музыки» (1963), «Музыкальные жанры» (1963), «М. И. Глинка» (1967), «Молдавская советская симфония» (1967), «Антон Рубинштейн» (1969), «Злата Ткач», «Что такое музыка» (1976), «Молдавская советская песня» (1979), «Страницы молдавской музыки» (1983), «Antologie de cântece sovietice moldovenești» (1985), «Еврейская дойна: еврейская народная музыка в Бессарабии и Левобережном Приднестровье» (1998, немецкое издание – 2000), «Страницы еврейской музыки: исследования, наблюдения, заметки» (2001), «Люди и время: композиторы-евреи в музыкальной культуре Молдовы. 1930–1980-е годы XX века» (библиографический справочник, 2003), «Дорогами творчества» (избранные статьи о молдавских композиторах, 2004).

Большую ценность представляют новые научные идеи З. Столяра, в том числе о едином ме-

лодическом пространстве еврейской народной музыки; об особом мелодическом обороте в еврейской музыке – «интусе»; о полимотивных мелодиях; о малоизвестных вариантах некоторых еврейских песен.

З. Столяр был ответственным секретарем (1973–1977) и заместителем председателя правления (1973–1977), с 1984 г. – редактором Союза композиторов Молдавии; на протяжении нескольких десятилетий являлся одним из активнейших членов правления Союза композиторов и музыковедов РМ. Этот высокопрофессиональный, широко эрудированный, интеллигентный человек всегда подавал пример заботливого, бережного отношения к творчеству молодых композиторов.

Немало сил Зиновий Лазаревич вложил в преподавательскую деятельность: в средней специальной музыкальной школе им. Е. Коки (1954–1982); в Молдавской консерватории (впоследствии – Институт искусств им. Г. Музическу, 1959–1973).

На протяжении многих лет З. Столяр был постоянным музыкальным критиком газеты «Молодежь Молдавии».

Научно-популярная деятельность Зиновия Лазаревича отмечена как высоким профессионализмом, так и страстной заинтересованностью в своем предмете, которые неизменно вызывали горячий отклик у аудитории. Он организовывал деятельность музыкальных салонов, проводил лекции и беседы, посвященные западноевропейской, еврейской, молдавской, русской музыке. Много лет вел радиопередачи на идиш, посвященные вопросам музыки (Республиканское радио, программа «Индзер лэйбм»).

Вклад Зиновия Лазаревича Столяра – подвижника, энтузиаста и тонкого, высокоэрудированного специалиста – в развитие, изучение и талантливую популяризацию музыкальной культуры РМ трудно переоценить.

докт. Жозефина КУШНИР

IVAN ANȚUPOV
(1920–2004)

Doctor în istorie, cercetător științific principal, specialist în domeniul istoriei Moldovei, Ivan A. Anțupov a fost unul din cei mai merituoși specialiști în domeniul istoriei Moldovei. S-a născut în satul Dubovoie, raionul Ceaplîghin, regiunea Lipețk. După absolvirea Universității de Stat din Chișinău (1952) și a doctoranturii (1957), a lucrat la Academia de Științe a Moldovei din 1957 (de la colaborator științific inferior până la colaborator științific coordonator).

A fost un savant cunoscut atât în Republica Moldova, cât și peste hotare. Pe parcursul anilor a îmbinat cu succes activitatea științifică cu cea didactică, a realizat conducerea științifică a doctoranzilor, a susținut prelegeri la Universitatea de Stat din Moldova.

Cercul de interese al lui I. A. Anțupov a fost legat de problematica, ce ține de istoria agrară a Basarabiei, de problemele actuale în domeniul relațiilor interetnice. Autor al 7 monografii („Государственная деревня Бессарабии в XIX в.” – 1966; „Аграрные отношения на юге Бессарабии (1812–1870)” – 1978; „Сельскохозяйственный рынок Бессара-

бии в XIX в.” – 1981; „Крестьяне Левобережного Поднепровья в дореформенный период” – 1990; „Русское население Бессарабии и Левобережного Поднепровья в конце XVIII–XIX вв.” – 1996; „Казачество российское между Бугом и Дунаем” – 2000; „Русские на Очаковской земле” – 2003), a peste 50 de articole științifice (multe dintre care au fost tipărite în limba germană și cea franceză) și coautor la 9 lucrări științifice („Исторические корни связей и дружбы украинского и молдавского народов” – 1980; „История Молдавии. Документы и материалы” – 1992–1996; „Очерки истории гагаузов в XIX веке” – 1993 ș. a.). Volumul total al publicațiilor științifice depășește 200 de coli de autor.

În calitate de consultant științific pe probleme de istorie a etniilor conlocuitoare din Moldova de pe lângă Departamentul de Relații Interetnice și Funcționare a limbilor, I. A. Anțupov a contribuit substanțial la armonizarea relațiilor dintre etniile republicii.

Colegiul de redacție

CRONICA VIETII ȘTIINȚIFICE A GRUPULUI „ETNOLOGIA EVREILOR” (1991–2014)

Виктор ДАМЬЯН

20 ЛЕТ ГРУППЕ «ЭТНОЛОГИЯ ЕВРЕЕВ» ЦЕНТРА ЭТНОЛОГИИ ИНСТИТУТА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ АНМ

В конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. в условиях начавшейся демократизации общественной жизни в СССР сложились условия для возрождения и свободного самовыражения различных культур национальных меньшинств. Не остались в стороне от данного процесса и евреи Советской Молдавии. Именно начиная с данного периода можно говорить о начале процесса возрождения еврейской национальной культуры.

С весны 1989 г. в МССР начинают функционировать общества еврейской культуры, а также ряд общественных формирований, развернувших активную деятельность по возрождению национального самосознания, восстановлению культурных традиций и языка еврейского народа (идиш, иврит).

Необходимо подчеркнуть, что после провозглашения своего суверенитета Республика Молдова, следуя курсом демократических преобразований, принимает ряд государственных мер, направленных на всестороннее гармоничное развитие нацменьшинств и законодательного обеспечения их прав и свобод. Был создан ряд новых комиссий и подразделений, в том числе и Департамент межэтнических отношений (ныне Бюро межэтнических отношений Республики Молдова).

В связи с этими изменениями руководством Республики Молдова было поддержано стремление еврейской общественности страны к национальному возрождению. Это нашло свое отражение в Указе Президента Мирчи Снегура от 2 августа 1991 г. «О мерах по обеспечению развития еврейской национальной культуры и удовлетворению социальных нужд еврейского населения Республики Молдова», а также в постановлении Правительства от 9 декабря того же года, конкретизирующего основные положения Указа (Копанский, 1997, 16).

Следует отметить, что ранее, в феврале 1991 г., до выхода в свет упомянутых выше официаль-

ных документов, было предусмотрено создание в рамках Академии наук Молдовы комплексного Отдела по изучению национальных меньшинств, позже преобразованного в Институт нацменьшинств, а затем – в Институт межэтнических исследований. Ныне это Центр этнологии, входящий в Институт культурного наследия; на базе данного академического подразделения и был сформирован Отдел истории и культуры евреев Молдовы (сейчас – группа «Этнология евреев»).

Создание данного отдела было поддержано первым руководителем Института национальных меньшинств, академиком Константином Поповичем (Копанский, 1997, 16; Копанский, 2001, 29-33).

Вновь образованному Отделу истории и культуры евреев Молдовы суждено было стать первым и единственным в нашей стране подобным научно-исследовательским центром в рамках государственных академических структур, каковым он является до сих пор. Ныне, как отмечалось, данное научное подразделение именуется группой «Этнология евреев» и является составной частью Центра этнологии, входящего в Институт культурного наследия Академии наук Молдовы.

Таким образом, для того чтобы новая научная структура начала функционировать, требовалось привлечь к работе таких людей, чей научный авторитет, профессиональный опыт и организаторские способности позволили бы приступить к созданию исследовательского подразделения, которого прежде не существовало в рамках АНМ.

Именно по этой причине выбор пал на профессора, доктора habilitat истории, Изяслава Левита, который начал работать в академических структурах Республики Молдова с 1 октября 1945 г., пройдя путь от аспиранта до доктора habilitat, от младшего научного сотрудника до заведующего отделом.

Следует подчеркнуть, что И. Левит обладал

уникальным опытом по налаживанию научной работы. В 50–60-е гг. он был одним из тех, кто принимал участие в организации базы для появления в республике Академии наук.

За период работы в АНМ (с 1945 по 1991 гг.) он стал автором многочисленных научных статей и монографических исследований. В характеристике, данной И. Левиту при поступлении на работу в Институт нацменьшинств (от 11 июня 1991 г.), подчеркивается: «И. Э. Левит неоднократно награждался грамотами и дипломами Президиума АН РМ, аттестатами ВДНХ за достигнутые успехи в научной работе...». Именно поэтому первым, кто 1 июля 1991 г. был принят на работу в созданный отдел Истории и культуры евреев на должность главного научного сотрудника, был профессор, доктор хабилитат истории И. Левит, который в дальнейшем стал его первым заведующим. На протяжении 1991–1992 гг. И. Левит занимался комплектованием отдела научными кадрами и разработкой его исследовательской стратегии.

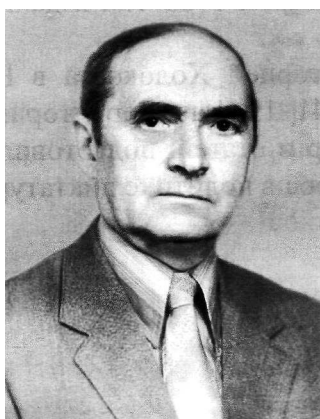
В тот период, по воспоминаниям И. Левита, укомплектование отдела научными кадрами не являлось большой проблемой (Левит, 2014, 184). Он подчеркивал, что из Института истории в новый отдел пришли: К. Жигня, доктор истории, Л. Полевой, доктор хабилитат истории, С. Мадиевский, доктор хабилитат истории, Я. Копанский, доктор хабилитат истории, профессор, И. Табак, этнограф и М. Лемстер, литературовед (Левит, 2014, 184; Копанский, 2001, 29-33).

Главной целью отдела стало исследование истории евреев Молдовы первой половины XX в. Особое внимание уделялось двум трагическим этапам в истории молдавского еврейства – теме Кишиневского погрома 1903 г. и Холокосту в Молдове в период 1941–1944 гг. Учитывая проявленный интерес, в первую очередь, со стороны еврейской диаспоры, руководство Института

национальных меньшинств поддержало данную инициативу (Копанский, 2001, 30). В качестве приоритетных данные темы были выбраны не случайно. Во-первых, в их разработке и исследовании была заинтересована еврейская общественность не только в Молдове, но и далеко за ее пределами. Во-вторых, в отечественной научной литературе не было ни исторических, ни этнологических исследований по данной проблематике. В-третьих, отдельные моменты периода первой половины XX в. активно разрабатывались в Академии наук МССР еще с 50-х XX в., но темы Кишиневского погрома 1903 г. и Холокоста на территории региона Бессарабии и Транснистрии были под запретом. В этой связи стоит отметить, что в отделе работали научные сотрудники, которые еще до 1991 г., в рамках Академии наук МССР, длительное время занимались разработкой данного исторического периода. Прежде всего, это были исследователи И. Левит, Я. Копанский, С. Мадиевский, К. Жигня. В-четвертых, в 1993 г. исполнялось 90 лет Кишиневскому погрому 1903 г.

К этой памятной дате было приурочено проведение научной конференции, организованной данным отделом. По ее итогам был выпущен сборник научных статей (Кишиневский погром 1903 года: Сборник статей. Отв. редактор И. Э. Левит. Кишинев, 1993). В нем были напечатаны выступления С. Мадиевского, К. Жигни, Я. Копанского, М. Лемстера, И. Левита и др. В результате эта публикация стала первой коллективной исследовательской работой сформированного отдела.

В следующем, 1994 г. в отдел был принят заслуженный деятель искусств Молдовы З. Столяр. К этому времени отдел покинул, по причине отъезда из страны, И. Левит. Следует отметить, что Л. Полевым, при участии сотрудников отдела, была составлена и подготовлена к изданию работа «Библиографический указатель по истории и

Левит Э. И.

Клейман Р. Я.

культуре евреев Бессарабии и сопредельных территорий Румынии и Украины». Однако эти материалы так и не были опубликованы в связи с выездом автора из страны (октябрь 1992 г.) (Левит, 2014, 184).

И все же вклад И. Левита в работу отдела был достаточно значимым. Руководство Института нацменьшинств высоко оценило его деятельность: ему была вынесена благодарность (30 декабря 1992 г.) с формулировкой: «За активное участие в организационно-научной работе»².

В итоге И. Левит сумел в рамках Института нацменьшинств организовать научную работу, ставшую базой для дальнейших научных изысканий, сформировать высокопрофессиональный коллектив отдела, которому удалось начать новый этап в научной работе, а спустя год продемонстрировать свои первые достижения – проведение научной конференции, с последующей публикацией ее результатов.

Не менее значимый вклад в развитие изучения этнологии евреев Молдовы был внесен преемником И. Левита – Яковом Копанским (1930–2006 гг.), доктором хабилитат истории, профессором, который летом 1994 г. был принят на должность руководителя Отдела истории и культуры евреев.

Новый руководитель работал в Академии наук Молдовы в течение долгих лет. Свою научную карьеру он начал с мая 1956 г. в Институте истории, языка и литературы (позднее – Институт истории).

В апреле 1992 г. Я. М. Копанский поступает на работу в отдел Истории и культуры евреев Молдовы. Его принимают на должность ведущего научного сотрудника. К этому времени за его плечами был значительный стаж работы. В «представлении на предмет аттестации... Я. Ко-

панского» от 11 мая 1993 г. в характеристике, написанной И. Левитом, говорится: «Общий стаж работы – 43,5 года, в том числе научный и научно-педагогический стаж – 37 лет. Являлся автором 192 научных работ, включая 10 монографий. Имеет большой опыт научно-организационной работы»³.

Далее И. Левит дал характеристику научной деятельности Я. Копанского в Отделе истории и культуры евреев Молдовы: «Активно включился в работу отдела, быстро осваивает достижения отечественной и зарубежной литературы по истории еврейского народа; основное направление его исследований – история евреев Бессарабии в период между двумя мировыми войнами... соответствует не только занимаемой должности ведущего, но и главного научного сотрудника»⁴.

С 1 июля 1993 г., по рекомендации И. Э. Левита, Я. М. Копанский был назначен, вне конкурса, на должность главного научного сотрудника отдела. С 15 июня 1994 г. – зав. Отделом истории и культуры евреев Молдовы⁵. В этом же году Я. Копанский опубликовал работу «Джойнт в Бессарабии. Страницы истории» (Кишинев, 1994).

Необходимо подчеркнуть, что перед новым руководителем отдела стояла задача не только продолжить курс на развитие исследований в области этнологии евреев Молдовы, но и развивать международные связи с научными учреждениями Израиля, США, Западной Европы, стран СНГ и Балтии.

Значимый опыт в проведении международных мероприятий был приобретен исследователями отдела в 1995 г. Уроженец Молдовы Самуил Арони, являвшийся директором Специальных академических совместных проектов международных исследований и заокеанских программ Калифорнийского университета, стал

Отдел истории и культуры евреев Молдовы в 1996 г.

Отдел истории и культуры евреев Молдовы в 2001 г.

инициатором проведения в Кишиневе совместного с Институтом национальных меньшинств АН Молдовы Международного симпозиума: «История, язык и культура еврейского народа». В работе симпозиума приняли участие: Центр научных исследований «Сэфер» (Российская Академия наук), Всемирная федерация бессарабских евреев, «Бейт Бессарабия», ряд других организаций и учреждений; к работе симпозиума были привлечены исследователи из США, Израиля, Украины, России (Копанский, 1997, 21-22).

Многочисленная группа докладчиков представляла Академию наук Молдовы, в первую очередь, Институт национальных меньшинств. На данном симпозиуме выступали исследователи из ГУМ, КГПУ им. И. Крянгэ и творческих союзов Молдовы. Проведенное мероприятие опиралось на поддержку Американского еврейского объединенного распределительного комитета «Джойнт» (Копанский, 1997, 21-22).

Тогда же, в 1995 г., по итогам симпозиума вышел сборник научных статей. Данное печатное издание стало первой коллективной работой Отдела истории и культуры еврейского населения Молдовы под руководством Я. Копанского. В дальнейшем отдел активно продолжил изыскания в области наиболее актуальных вопросов этнологии, литературоведения и искусствоведения.

Проводимые исследования по демографии и этнографии (И. Табак), истории еврейской литературы (М. Лемстер) и музыки (З. Столяр) в Молдове, на базе Академии наук Молдовы, а также при ее поддержке, органически вписывались в процесс возрождения еврейской духовной жизни, национального самосознания евреев, проживавших в республике.

Результатами исследования демографических и этнографических аспектов проблемы стала статья И. Табак «Особенности расселения евреев в Бессарабии и на Левобережье Днестра в XIX – начале XX веков», напечатанная в сборнике «Евреи в духовной жизни Молдовы» (Кишинев, 1997). В ней прослеживается численный рост еврейского населения Молдовы, главным образом, за счет ашкеназийской ветви, и ряд других демографических проблем (Табак, 1997, 153-170).

И. Левит, несмотря на отъезд в США, продолжает тесно сотрудничать с отделом. Он обращается к теме, связанной с трагедией Холокоста в Молдове. В 1997 г. выходит его работа «Пепел прошлого стучит в наши сердца. Холокост» (Кишинев, 1997).

Внимание отдела в эти годы, по-прежнему, было обращено к трагическим событиям, свя-

занным с молдавским еврейством, прежде всего, с Кишиневским погромом 1903 г. и Холокостом. Наиболее важным достижением отдела стало издание фундаментального сборника документов и материалов «Кишиневский погром 1903 года» (Кишинев, 2000), подготовленного совместно с Национальным архивом Республики Молдова. Редакционная коллегия: Я. М. Копанский (главный редактор), А. А. Берзой, К. Л. Жигня. Составители: К. Жигня (рук. коллектива), Я. М. Копанский, И. Э. Левит, Е. Д. Максименко.

Документы и материалы сборника, многие из которых публиковались впервые, были найдены в архивах Молдовы, Украины, Российской Федерации и Израиля.

К. Жигня осуществила перевод на русский язык книги американского историка Эдварда Джаджа «Пасха в Кишиневе. Анатомия погрома» (Кишинев, 1998). Публикуются исследования сотрудников отдела, среди которых – статья С. Мадиевского «Правовое положение евреев Бессарабии к началу XX века» (Мадиевский, 1993, 10-29), в которой на фоне общей картины показаны ограничения прав евреев в Российской империи, анализируется положение евреев в Бессарабии, рассматривается роль антиеврейского законодательства в разжигании антисемитизма.

В дальнейшем отдел неоднократно публиковал сборники статей по итогам проведенных конференций «Евреи в духовной жизни Молдовы» (Кишинев, 1997); «Народ книги в мире книг» (Кишинев, 1997) и др. В этот же период по разным причинам отдел покинули С. Мадиевский и И. Табак (Копанский, 2001, 29).

Необходимо отметить, что в отделе активно развивалось и литературоведческое направление. Данный аспект нашел свое отражение в исследованиях М. Лемстера. Основным направлением в его изысканиях стала проблема «Литература еврейских писателей Бессарабии на языке идиш в 20–30-е гг. XX в.». На базе его докторской диссертации вышла в свет работа «Еврейский баснописец и мудрец Штейнбарг» (Кишинев, 1999). Оценка научного уровня М. Лемстера была дана в характеристике, представленной для утверждения его на должность научного сотрудника: «Ведет самостоятельную работу по изучению произведений еврейских писателей (на языке идиш)... В этой области является единственным специалистом в республике. За время работы он выявил всех писателей-евреев указанного периода...»⁶. Наряду с научной работой исследователь занимался и художественным творчеством: в 1997 выходит в свет на русском языке сборник

стихов «Еврейский дождь», который был переведен на идиш. М. Лемстер не переставал вести общественную работу еще с конца 80-х гг. В 90-е он являлся редактором и ведущим телепередачи на идиш и русском языке – «На еврейской улице» (Копанский, 1997, 24-25).

С 1994 г. музыковедческое направление в отделе развивал заслуженный деятель искусств Молдовы З. Столяр. Работая в отделе, он разрабатывал темы: «Еврейская народная музыка в Бессарабии и Левобережном Поднестровье в конце XIX – первой половине XX вв.», «Евреи в музыкальной жизни Молдовы». По итогам его исследований в 1998 г. вышло несколько работ: «Злата Ткач. Очерк жизни и творчества», «Еврейская народная музыка в Бессарабии и Левобережном Поднестровье. II пол. XIX – сер. XX в., «Еврейская дойна» (Кишинев, 1998), «A Iddoshe Doine» (на немецком языке) (Vienna, 2000). Страницы еврейской музыки (Исследования, наблюдения, заметки) (Кишинев, 2001), и др.

Однако в 1999 г. М. Лемстер, в связи с репатриацией в Израиль, уходит из отдела, а позже его покидают К. Жигня и З. Столяр.

После ухода М. Лемстера литературное направление отдела развивает новый научный сотрудник отдела Рита Клейман, доктор хабилитат, профессор. Свою работу в отделе она начала с публикации ряда обстоятельных научных статей о произведениях русскоязычных еврейских писателей и деятелей культуры. Она уделяла внимание еврейским мотивам в русской литературе и искусстве. Отдельные сюжеты этой проблематики были отражены и в ее фундаментальной монографии «Достоевский: константы поэтики» (Кишинев, 2001). Предметом ее монографического исследования стали жизнь и творчество нашего земляка – М. О. Гершензона, литературоведа, историка, культуролога и философа. Процесс успешной работы над темой нашел свое отражение в серии докладов Р. Клейман: «Феномен Гершензона в контексте еврейской культуры», «Научное наследие М. Гершензона» и др. Итогом данных научных изысканий была публикация работы М. О. Гершензона «Очерки прошлого» (Кишинев, 2003).

В этот период, на небольшой срок, в отдел поступает на работу доктор хабилитат В. Аникин (2002–2005 гг.); совместно с другими сотрудниками отдела он включается в работу конференции, темой которой было 100-летие Кишиневского погрома 1903 г., выступает с докладом «Экономические последствия кишиневского погрома», в дальнейшем разрабатывает тему «Участие евреев

в экономической жизни Бессарабии в XIX – нач. XX в.», публикует ряд статей по тематике исследования.

В это же время поступают на работу доктор филологии И. Шихова и научный сотрудник Ж. Кушнир (с 2003 г.), которые в рамках отдела стали акцентировать свое внимание на исследованиях в области еврейской литературы.

С 2004 г., в связи с ухудшением здоровья, Я. Копанский принимает решение дать рекомендацию на должность заведующего группой «Этнология евреев» Р. Клейман. В 2006 г. он уходит из жизни.

Следует отметить, позже на базе его научных исследований были опубликованы две работы: 2008 г. – «Еврейское национальное движение в Бессарабии в межвоенный период (1918–1940 гг.)», 2010 г. – «Исторические портреты. Видные деятели еврейского движения в Бессарабии и Молдавии XX в.».

Таким образом, на долю Я. Копанского выпало самое длительное руководство отделом. За столь долгий срок пребывания в данной должности он сумел существенно развить те научно-исследовательские направления, основы которых только закладывались И. Левитом. Именно на это время выпал самый плодотворный период в работе отдела: были опубликованы сотни научных и научно-популярных статей, изданы несколько десятков монографий и сборников статей, рассматривавших различные аспекты истории, литературного и музыкального творчества евреев Молдовы. Опираясь на научную поддержку Института национальных меньшинств, а затем Института межэтнических исследований, были налажены многочисленные контакты с различными исследовательскими учреждениями по всему миру.

Р. Клейман, сменившая Я. Копанского на посту заведующего, смогла совместить многолетние традиции в исследованиях, заложенных предыдущими руководителями отдела, и нацелить коллектив на написание крупного научного труда – «Еврейская энциклопедия». Надо отметить, что к работе над данным коллективным трудом на разных этапах подключались новые исследователи, пришедшие в группу «Этнология евреев», – доктор экономических наук Е. Брик (с 2007 г.) и доктор исторических наук А. Боршевский (с 2007 г.), а затем, на небольшой период времени, – исследователь Н. Вицинская (2009–2011 гг.).

Параллельно с этим научным исследованием, Р. Клейман, совместно с доктором И. Шиховой, занималась написанием обобщающей ра-

боты по истории евреев Молдовы – «Культурное наследие евреев Молдовы». В это же время Р. Клейман стремилась реализовать себя и на литературном поприще. Так, в 2007 г. в Санкт-Петербурге была опубликована работа «Мышкин и Моисей, или Прибытие поезда» (Санкт-Петербург, 2007). В этот период выходят в свет многочисленные статьи сотрудников группы «Этнология евреев» – Р. Клейман, И. Шиховой, Ж. Кушнир, А. Боршевского, Е. Брика. Публикации охватывают различные исследовательские направления: в литературе, этнологии и этноправе.

Продолжалась работа над энциклопедией. Р. Клейман рассчитывала выпустить данный труд на высоком международном уровне. Она планировала привлечь к работе исследователей из разных стран мира и обеспечить изданию международную научную поддержку и признание. Данным планам не суждено было осуществиться из-за ее безвременного ухода из жизни.

Итогом руководства Р. Клейман группой «Этнология евреев» стало следующее: публикация около 150 научных и научно-популярных статей, 10 монографий, участие сотрудников отдела в научных конференциях (Израиль, Франция, Венгрия, Украина, Россия, Болгария и др.).

Несмотря на тяжелую утрату, группа «Этнология евреев» продолжала работать. В 2010 г. защищает диссертацию докторант Р. Клейман Ж. Кушнир, публикуются работы Р. Клейман и И. Шиховой: «Культурное наследие евреев Молдовы» (Кишинев, 2010), А. Боршевского – «Международное и национальное законодательство о правах этнических меньшинств» (Кишинев, 2010), Е. Брика «Евреи Юга Бессарабии: этнографические и исторические аспекты» (Кишинев, 2010) и Ж. Кушнир «Еврейская тема и авторы-

евреи в мировой литературе XX века: аспекты эстетического смысла» (Кишинев, 2010). С конца 2008 по 2010 г. и.о. заведующей отдела была И. Шихова.

На сегодняшний день группа «Этнология евреев» состоит из 5 докторов наук: руководитель группы (с 2011 г.) доктор истории, старший научный сотрудник Виктор Дамьян; доктор филологии, старший научный сотрудник Ирина Шихова; доктор истории, старший научный сотрудник Андрей Боршевский; доктор экономики, научный сотрудник Евгений Брик; доктор филологии, научный сотрудник Жозефина Кушнир.

В период 2011–2014 гг. исследователи в рамках проекта «Demensiunea europeană a patrimoniului etnografic al Republicii Moldova» Института культурного наследия разрабатывали темы: В. Дамьян – «Евреи Молдовы (конец XV – начало XIX вв.): этнодемографические и этнополитические процессы», И. Шихова – «Бессарабский олимп» как этнолитературный феномен еврейской культуры штетла (конец XIX – начало XX вв.)», А. Боршевский – «Этноюридическое положение евреев в Бессарабии (1812–1914)», Е. Брик – «Синагога как центр сохранения культуры евреев Молдовы в XIX–XX вв.», Ж. Кушнир – «Еврейский фольклор как часть этнокультурного наследия Республики Молдова».

В течение 2012–2013 гг. сотрудниками группы «Этнология евреев» был проведен ряд научных конференций и симпозиумов. В. Дамьян и И. Шихова являлись главными организаторами следующих мероприятий: «20 de ani de cercetări asupra evreilor în Republica Moldova» (Кишинэу, 27–28 марта 2012), Республиканский симпозиум «Destinele culturii europene. In memoriam Rita Kleiman (1947–2008)» (Кишинэу, 11 октября 2012), Международный симпозиум «Кишинев-

Группа „Этнология евреев” в 2014 г.

ский погром 1903 г. и его влияние на общественное сознание Бессарабии и мира)» (Кишинэу, 11 апреля 2013), Республиканская конференция «100 de ani de la nașterea distinsului scriitor Ișil Șraibman (1913–2005): idiș, ștetl, idișkait» (Кишинэу, 28 ноября 2013). Они проходили в сотрудничестве со столичным Еврейским культурным центром «КЕДЕМ». Каждое научное мероприятие сопровождалось тематическими выставками книг, организованными Еврейской библиотекой – Культурным центром им. И. Мангера.

Неоднократно через первого помощника, Главного раввина Кишинева и Молдовы рэба Залмана-Лейба Абельского, рава Даниэля Мунтяна передавались приветствия и благословения участникам научных мероприятий.

В этот же период совместно с филологическим факультетом КГПУ им. И. Крянгэ была проведена республиканская конференция «Promovarea valorilor naționale prin limbă, literatură și istorie» (Кишинэу, 13–14 ноября 2012 г.).

На организованных научных форумах прозвучало 16 докладов сотрудников группы «Этнология евреев», затрагивавших темы истории, права, литературы, фольклора евреев Молдовы.

Сотрудники группы продолжали публикацию своих монографических работ. Так, исследования А. Боршевского в области истории права евреев Молдовы увенчались в 2011 г. публикацией работы «Защита прав еврейского населения Бессарабии во II половине XIX в.: мировой суд»; одним из рецензентов книги стал В. Дамьян.

Ж. Кушнир, занимаясь темой кишиневского погрома 1903 г., публикует в 2013 г. свою работу «К 110-летию кишиневского погрома: памятные даты». В ней, как утверждает автор, предпринимается попытка осмыслить «совершенно ясную картину» произошедших трагических событий.

Следует подчеркнуть, что исследователи В. Дамьян, И. Шихова, Е. Брик неоднократно выступали на научных конференциях, посвященных Холокосту в Молдове. Они также принимали участие и в разработке учебного пособия для школ республики по упомянутой тематике.

В 2011–2014 гг. коллектив исследователей опубликовал свыше 90 научных работ, участвовал в международных, национальных конференциях и круглых столах, где прозвучало более 100 докладов и сообщений.

За 20-летний период научное наследие группы «Этнологии евреев» составило свыше 40 монографий, очерков и сборников статей. Были опубликованы сотни статей по различным направлениям еврейской тематики, налажены контакты с многими научными исследовательскими центрами Израиля, США, стран Западной и Восточной Европы.

Таким образом, немногочисленная по составу группа «Этнологии евреев» в течение всего периода стремилась сконцентрировать вокруг себя специалистов, готовых включиться в научную разработку по различным аспектам этнологии евреев Молдовы. Созданное уникальное исследовательское подразделение стало более чем за 20 лет своей работы главным (и, по-прежнему, единственным) академическим центром научного изучения еврейского наследия Республики Молдовы. В настоящее время сотрудники группы «Этнология евреев» продолжают научные традиции, заложенные ее предшественниками.

Примечания

¹ Центральный научный архив Академии наук Молдовы (Далее – ЦНА АНМ), ф. 48, оп. 3, ед. хр. 69.

² ЦНА АНМ, ф. 48, оп. 3, ед. хр. 69.

³ ЦНА АНМ, ф. 48, оп. 3, ед. хр. 65.

⁴ ЦНА АНМ, ф. 48, оп. 3, ед. хр. 70.

⁵ ЦНА АНМ, ф. 48, оп. 3, ед. хр. 65.

⁶ ЦНА АНМ, ф. 48, оп. 3, ед. хр. 65.

Литература

Копанский Я. М. Возрождение еврейской национальной культуры – фактор демократизации духовной жизни Молдовы // Евреи в духовной жизни Молдовы. Кишинев, 1997. С. 8-31.

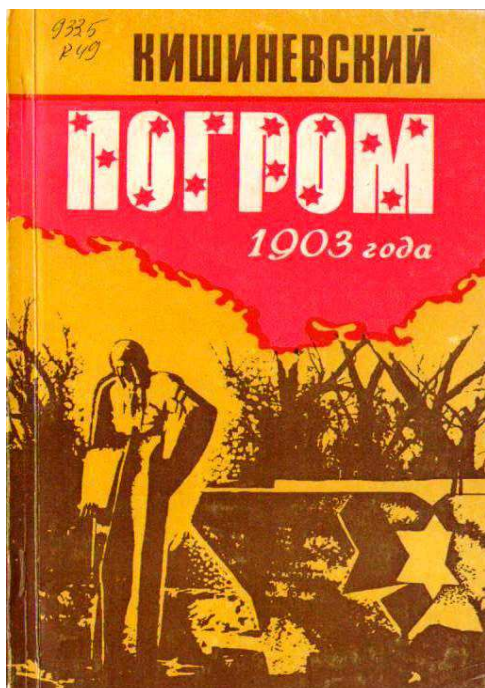
Копанский Я. М. Исследования по иудаике в отделе истории и культуры евреев Молдовы // Ежегодник института межэтнических исследований. Т. II. Кишинэу, 2001. С. 29-33.

Левит И. Э. Воспоминания о Молдавской Академии наук и ее первом президенте Я. С. Гросуле. Тирасполь, 2014.

Мадиевский С. Правовое положение евреев Бессарабии к началу XX века // Кишиневский погром 1903 г. Кишинев, 1993. С. 10-29.

Табак И. Особенности расселения евреев в Бессарабии и на Левобережье Днестра // Евреи в духовной жизни Молдовы. Кишинев, 1997. С. 153-170.

Сăрțile editate de cercetătorii Grupului „Etnologia evreilor” al Centrului de Etnologie
al Institutului Patrimoniului Cultural al AȘM (1991–2014)

Кишиневский погром 1903 года: Сборник статей
(Отв. редактор И. Э. Левит). Кишинев, 1993.

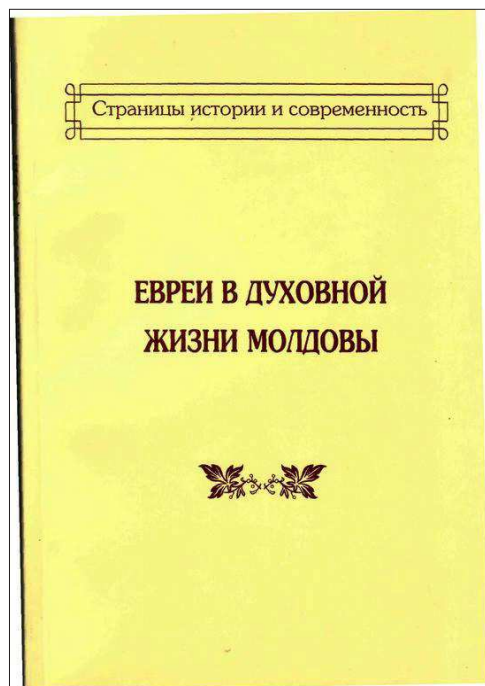
Сборник статей и докладов научной конференции включает в себя тексты известных молдавских и зарубежных ученых. С. Мадиевский в статье «Правовое положение евреев Бессарабии к началу XX века» глубоко анализирует и соответствующие правовые акты, и практику их использования. К. Жигня в статье «Кишиневская трагедия 1903 г. (По материалам предварительного следствия)» дает объемную картину погрома, ссылаясь на множество архивных источников (причем отмечает, что многие существенные вопросы еще надлежит исследовать). Я. Копанский в статье «Кровавые события 1903 г. и мировая демократическая общественность» на основании огромного числа источников анализирует ту необычайно «бурную реакцию в России и во всем мире», которая «была обусловлена как самим фактом погрома, так и временем, когда он произошел, – начало XX в., с которым человечество связывало наступление эры демократии, гуманизма,

справедливости». З. Гительман сообщает читателю о возникновении зарубежного журнала «Кишинев». М. Лемстер исследует специфику отображения погрома в произведениях таких еврейских литераторов, как Х. Н. Бялик (поэма «Город резни»), Д. Пинский (драма «Последний еврей»), А. Бараш (мартирологическая притча «У врат небесных»), М. Горен («Судьба Ботезата и другие рассказы»), Б. Сандлер («Жизнь и прах», роман-хроника). И. Левит отображает ужасающую картину Холокоста в Бессарабии, соотнося его с погромом. Д. Дорон (Спектор) рассказывает о своей книге «Кишиневское гетто – последний погром», где приведены собранные Х. Н. Бяликом данные о еврейской самообороне во время погрома 1903 г. Кроме того, сборник содержит «Послания по случаю 90-летия Кишиневского погрома 1903 года» от ряда официальных лиц и информацию о состоявшихся 21–25 апреля 1993 г. Днях Памяти.

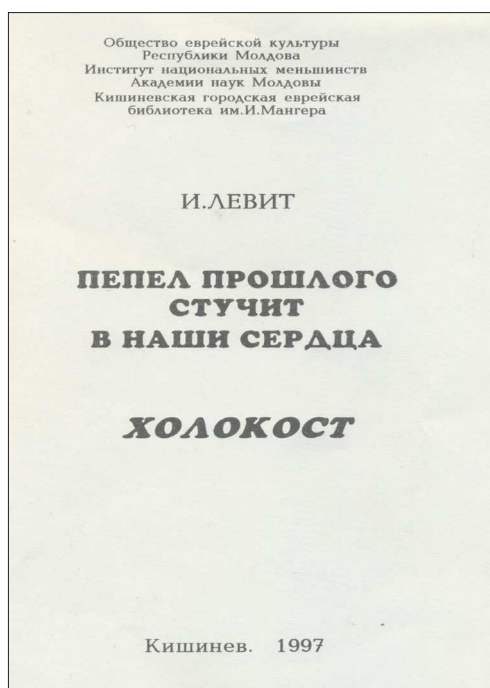
Копанский Я. М. Джойнт в Бессарабии.
Страницы истории. Кишинев, 1994.

В книге на строго документальном материале освещаются важные аспекты истории деятельности Американского Еврейского Объединенного Распределительного Комитета («Джойнт») в межвоенной Бессарабии, свидетельствующие о благородной миссии и гуманистических традициях этой всемирно известной благотворительной организации. В книге также рассмотрены материалы, связанные с восстановлением работы «Джойнта» в Республике Молдова. Исследование посвящено 80-летию юбилею данной организации. В книге использованы материалы Национального Архива Республики Молдова и воспоминания старожилы Кишинева.

Евреи в духовной жизни Молдовы. Страницы истории и современность. Кишинев, 1997.

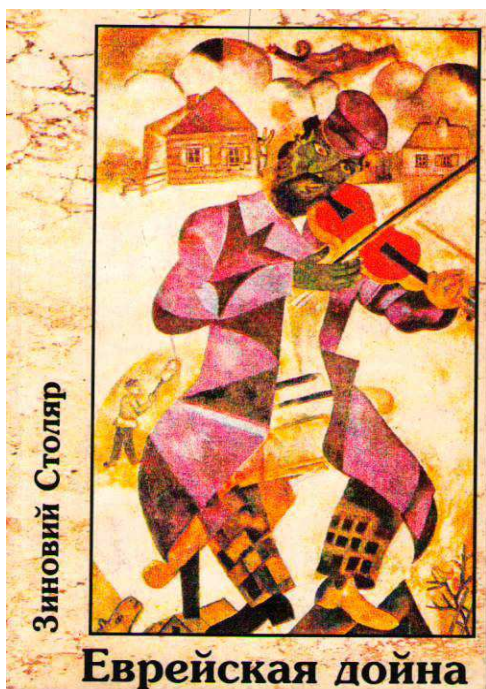
В сборнике статей «Евреи в духовной жизни Молдовы. Страницы истории и современность» рассмотрены существенные аспекты взаимоотношения культур, взаимовлияния различных этносов в духовной жизни общества. В его статьях содержатся размышления о бессарабском феномене еврейской литературы; теме Молдовы в произведениях земляков – еврейских писателей, уехавших в Израиль и другие страны; о писателях-евреях в современной молдавской литературе. Освещается вклад евреев в изобразительное искусство, музыку, зодчество Молдовы, в народное образование, медицинскую науку. Рассмотрены и основные аспекты современного процесса возрождения еврейской культуры в Республике Молдова.

Левит И. Э. Пепел прошлого стучит в наши сердца. Холокост. Кишинев, 1997.

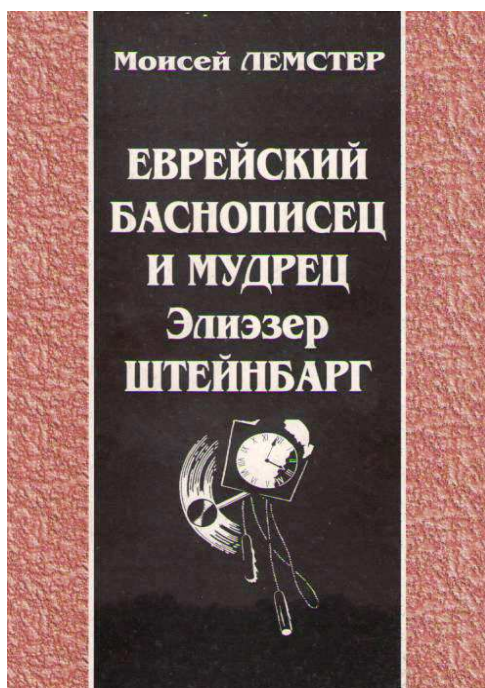
В брошюре представлены ответы профессора И. Э. Левита на вопросы журналиста М. Г. Лукьянчиковой о трагедии евреев Бессарабии, Буковины и Транснистрии в годы Второй мировой войны. Интервью взято для газеты «Наш голос», № 6 (март 1994 г.). Брошюра опубликована на русском, румынском и английском языках. Профессор И. Э. Левит ответил на вопросы корреспондента:

- о возникновении и количестве концентрационных лагерей на территории Транснистрии;
- о количестве погибших евреев Бессарабии, Буковины и Транснистрии в годы фашистской оккупации;
- о фактах политики И. Антонеску в «еврейском вопросе»;
- о людских и материальных потерях еврейской общины и отношении местного населения к узникам – евреям.

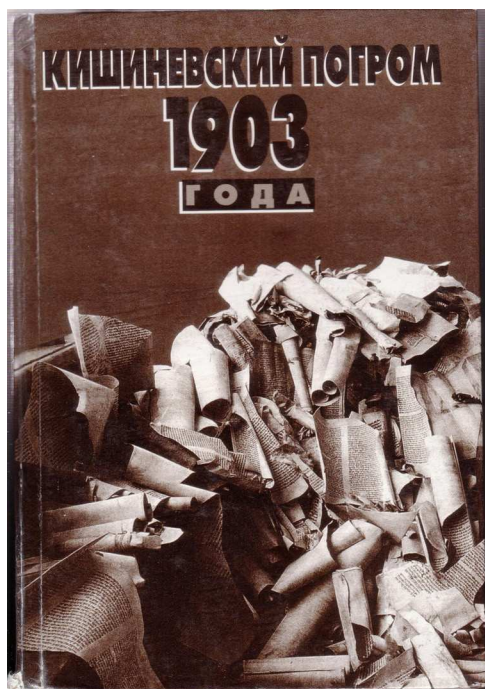
**Столяр З. Л. Еврейская дойна.
Кишинев, 1998.**

Работая в Институте национальных меньшинств АНМ, известный молдавский музыковед З. Столяр написал книгу «Еврейская дойна», которую опубликовал в 1998 г. в Кишиневе, а в 2000 г. – на немецком языке в Вене. Тема ее связана с еврейской народной музыкой в Бессарабии и Левобережном Приднестровье. Книга посвящена исследованию еврейско-молдавских культурных контактов на музыкальном материале. В ней сочетаются тщательно отобранный музыкальный материал и его теоретическое исследование. В нее вошли еврейские народные песни и мелодии, собранные в Бессарабии и левобережном Поднестровье, исследованные методами сравнительной фольклористики. На страницах книги автор доказательно развивает идею о едином мелодическом пространстве, выражающемся в общности музыкальных приемов и решений, характерных для еврейской клезмерской и молдавской лэутарской музыки региона. Особую ценность представляют новаторские научные идеи автора: об особом мелодическом обороте в еврейской музыке, о полимотивных мелодиях.

**Лемстер М. Ш. Еврейский баснописец и мудрец
Элизер Штейнбарг. Кишинев, 1999.**

В монографии М. Лемстера речь идет о творчестве еврейского баснописца Элизера Штейнбарга, который родился в бессарабском местечке Липканы, расположенном на правом берегу Прута (теперь в Бричанском районе РМ). Состоял в близком родстве с писателем Иегудой Штейнбергом (по некоторым данным, – двоюродные братья). До 1919 г. проживал почти безвыездно в Липканах, где работал учителем идиш и иврита в местных школах. Публиковал пьесы, стихи, методические пособия по педагогике, проявив себя последовательным поборником еврейского двуязычия. Выступал с лекциями по современной еврейской литературе по всей Бессарабии. Печатался и на иврите. Особенно много усилий посвятил развитию детской литературы на идиш, регулярно публикуя занимательные истории, сказки и теоретические статьи в черновицких периодических изданиях «Дос Найе Лэбм» (Новая Жизнь), «Фрайһайт» (Свобода), с 1928 г. в «Черновицер Блэтэр» (под редакцией Ш.-А. Соифера). Пьесы Штейнбарга «Авром-Авину» (Праотец Авраам), «Дэр Бардичевэр Рэбэ» (Бердичевский ребе), «Мэхирэс-Йойсэф» (Продажа Йосифа в рабство), «Дэр Вайсэр һон» (Белый петух) и др. пользовались значительной популярностью, хоть и не были изданы отдельной книгой; автор сам занимался их постановкой в детском театре Липкан, впоследствии – в Черновцах.

Кишиневский погром 1903 года: Сборник документов и материалов / Ред. коллегия: Я. М. Копанский (гл. ред.), А. А. Берзой, К. Л. Жигня; колл. сост.: К. Л. Жигня (руковод. колл.), Я. М. Копанский, И. Э. Левит, Е. Д. Максименко. Кишинэу, 2000.

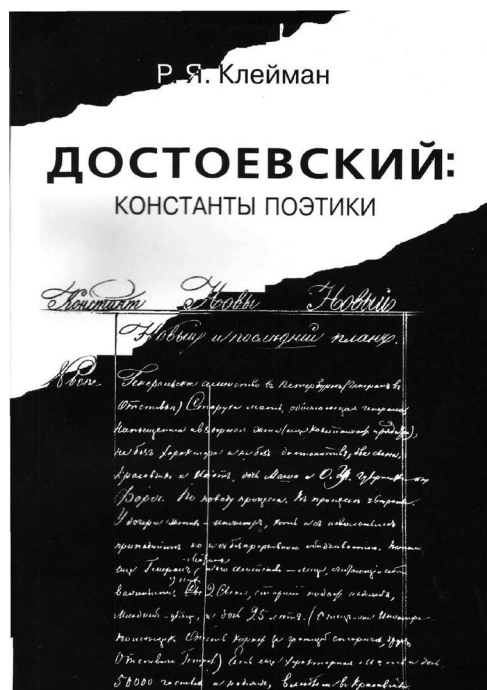
Сборник документов и материалов „Кишиневский погром 1903 года” отражает историю одного из наиболее трагических событий в судьбе еврейского народа в начале XX в.

Читатели имеют возможность познакомиться со свидетельскими показаниями жертв и очевидцев погрома, списками убитых и раненых, материалами полицейского и судебного расследования преступлений, совершенных в дни погрома, с перепиской правительственных и местных губернских органов о случившемся, с материалами о роли и деятельности антисемитских кругов, с откликами на погром мировой общественности.

Публикуемые документы были обнаружены в архивах Республики Молдова, Украины, Российской Федерации и

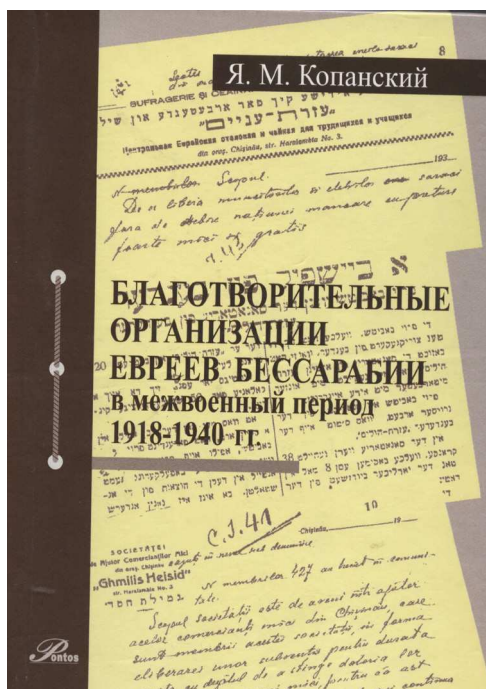
Израиля, в российской, американской и европейской прессе того времени и т. д. Большая часть документов публикуется впервые.

Документы печатаются без каких-либо сокращений на языке оригинала, а их краткое содержание приводится в аннотациях на английском языке. Сборник документов посвящен 100-летней годовщине кишиневского погрома и адресован как специалистам-исследователям, так и самой широкой общественности, живущим ныне потомкам тех, кто попал в горнило кишиневских событий 1903 г.

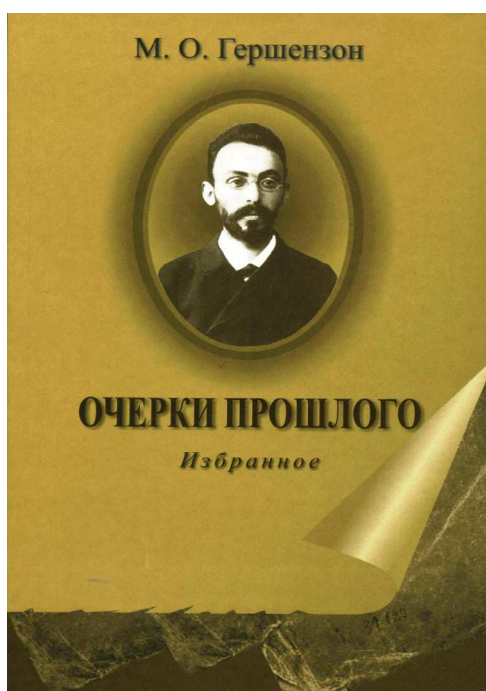
Клейман Р. Я. Достоевский: константы поэтики. Кишинев, 2001.

В монографии поэтика Достоевского впервые осмысливается с точки зрения малоизученной теоретико-эстетической категории константности. Функционирование выявленных констант прослеживается в широком историко-культурном контексте – от библейского Иова до наших дней. Книга обобщает исследовательский материал, апробированный автором на международных научных форумах в Москве, Петербурге, Нью-Йорке, Париже, Братиславе, Токио, Баден-Бадене; концепция в целом защищена в ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом) в качестве докторской диссертации. Издание рассчитано на литературоведов, студентов и преподавателей гуманитарных факультетов, учителей-словесников, творческую интеллигенцию, всех, кто интересуется дискуссионными проблемами эстетики, искусствознания и культурологии в целом.

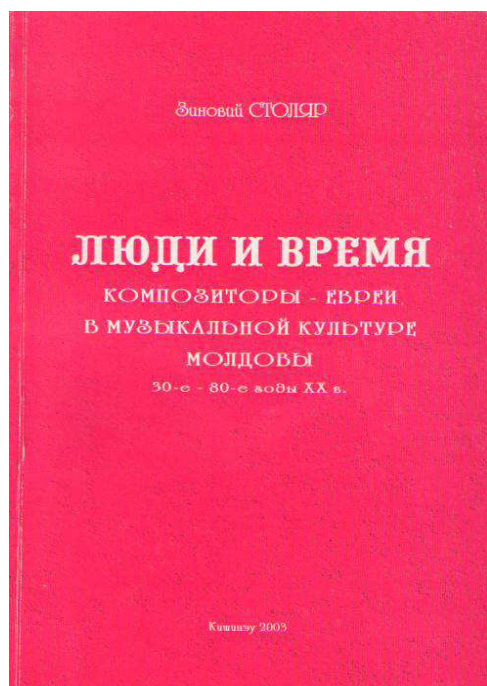
Копанский Я. М. Благотворительные организации евреев Бессарабии в межвоенный период 1918–1940 гг. Кишинев, 2002.

На основе анализа многочисленных и разнообразных источников, на фоне общего положения еврейского населения в крае в данной монографии Я. М. Копанского впервые исследована система организаций, оказывавших помощь неимущим и малоимущим слоям: еврейские больницы, общества «Эзрас Хойлим», ОЗЕ, дешевые столовые, богадельни, сиротские дома, чрезвычайные комитеты помощи и др. Прослежена история их создания, определен официальный статус, условия членства в них; особое внимание уделено способам формирования их материальной базы, трудностям, встречавшимся на этом пути, и мерам по их преодолению; роль финансовой поддержки зарубежных организаций, в особенности «Джойнта»; показаны характер, формы и значение оказываемой помощи, межэтнические аспекты благотворительной деятельности. Рассмотрена специфика взаимоотношений благотворительных организаций с созданными в конце 20-х – начале 30-х гг. официальными еврейскими общинами. Выявляется роль благотворительности в процессе выживания, развития национального самосознания и единения евреев, в развитии межэтнических связей.

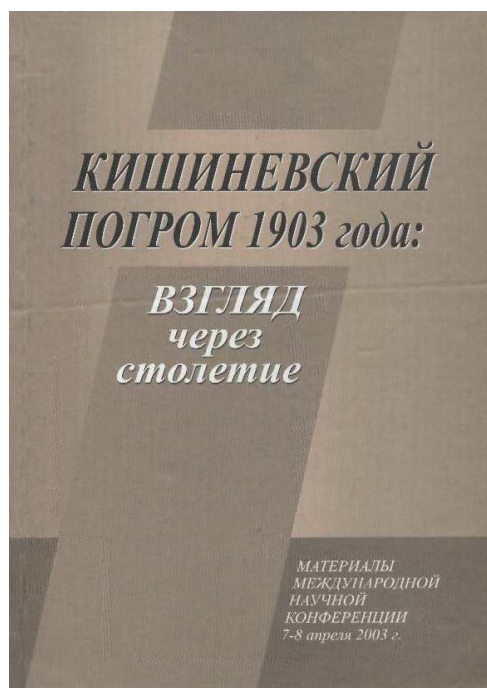
Гершензон М. О. Очерки прошлого. Избранное (Составление, справочный аппарат, критико-биографический очерк Р. Я. Клейман). Кишинев, 2003.

Книга представляет собой первую попытку собрать под обложкой однотомника статьи и очерки, представляющие различные аспекты многогранного творчества М. О. Гершензона-пушкиниста, текстолога, культуролога, публициста, видного деятеля эпохи Серебряного века, наконец, философа. Наследие Гершензона, органически соединившее в себе европейскую культуру русского интеллигента, библейскую мудрость иудея, бессарабские корни кишиневца, может стать в определенном смысле знаковым для современного посттоталитарного общества с его непростым движением к идеалам общечеловеческих ценностей, толерантности и межнационального согласия. Книга снабжена необходимым научно-справочным аппаратом и иллюстрирована титульными листами прижизненных изданий и фотографиями из семейного архива Чегодаевых-Гершензонов. Уникальное сочетание глубины научного исследования с широтой культурного контекста и увлекательностью манеры изложения Гершензона делают эту книгу интересной для самого широкого круга читателей.

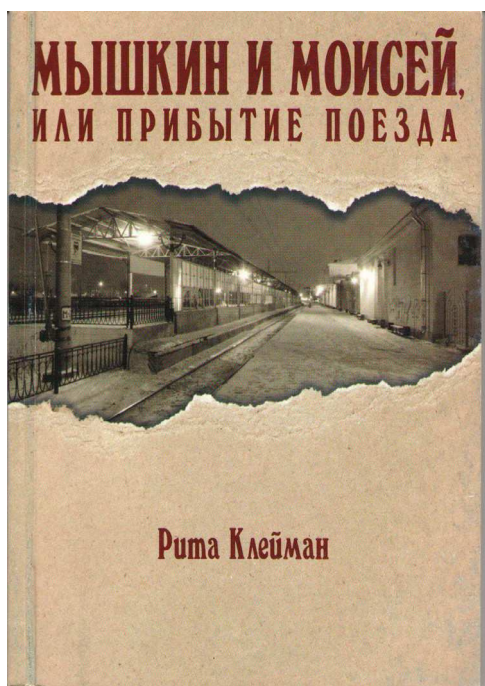
**Столяр З. Л. Люди и время
(Композиторы-евреи в музыкальной культуре Молдовы (30–80-е гг. XX в.). Кишинев, 2003.**

Книга заслуженного деятеля искусств Молдовы, известного музыковеда Зиновия Столяра «Люди и время. Композиторы-евреи в музыкальной культуре Молдовы (30–80-е годы XX века)», вышедшая в 2003 г. в Кишиневе, насчитывает 275 страниц и повествует о более чем тридцати евреях-композиторах Молдовы. В монографии представлен цикл биографических очерков, посвященных выдающимся молдавским композиторам еврейского происхождения. Среди персоналий – такие имена, как автор первой молдавской оперы Давид Гершфельд и первая молдавская женщина-композитор Злата Ткач, создатель первого молдавского джаз-оркестра Шико Аранов и один из самых разносторонних композиторов Молдовы Борис Дубоссарский, композиторы и музыкальные педагоги Павел Ривилис, Аркадий Люксенбург, Давид Федов, Семен Шапиро, Александр Сокирянский и другие. Все они – достойные представители своей земли, трудом своим создавшие ее современную музыкальную культуру, ее музыкальное «лицо», известное во всем мире. Каждое эссе сочетает в себе биографический очерк и музыковедческий анализ произведений, тем и жанров, характерных для изучаемого композитора.

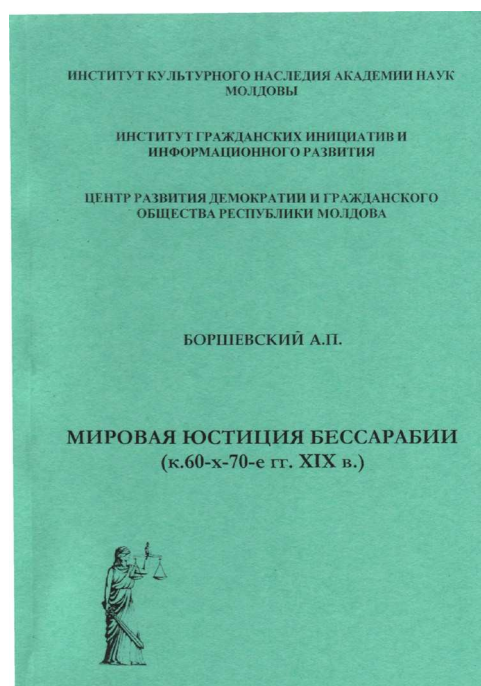
**Кишиневский погром 1903 года:
Взгляд через столетие (Сост. Я. М. Копанский).
Кишинев, 2004.**

В сборнике докладов, представленных на одноименной научной конференции, рассмотрены историографические аспекты проблемы, изложены итоги новых изысканий истории погрома и откликов на трагические события в Кишиневе, их отражение в общественном сознании, литературе и искусстве XX в. Особое внимание уделено воздействию погрома на развитие еврейского национального движения, волне протеста против погрома как первой в XX в. международной кампании за права человека. Дан сравнительный анализ событий 1903 г. и погромных действий последующих лет, в том числе Холокоста. Приведены факты возрождения ксенофобии и антисемитизма, раскрыто своеобразие юдофобии в современном мире. В конференции приняли участие историки, философы, филологи, искусствоведы, политологи, писатели и публицисты из Молдовы, Израиля, России, Великобритании, Украины, Румынии и Беларуси.

**Клейман Р. Я. Мышкин и Моисей, или
Прибытие поезда. СПб., 2007.**

Книга представляет собой новаторское в своем жанровом своеобразии постмодернистское произведение, сочетающее художественную форму пьесы с глубоким имплицитным аналитическим началом, свойственным и другим произведениям автора – доктора хабилитат филологии Р. Клейман, выдающегося литературоведа, одного из известнейших Достоевистов в мире. Пьеса представляет собой современный парафраз романа Ф. М. Достоевского «Идиот». Текст предлагает – но не навязывает! – своему читателю игру, ожидая от него узнавания раскавыченных цитат, реминисценций, отсылок к мировой и в первую очередь русской литературе от Радищева и Некрасова до Чуковского и Венедикта Ерофеева. Интеллектуальная игра со временем и пространством, скрытая переключка реминисценций из романов Достоевского и многих других авторов, напряженный диалог вечных истин Ветхого и Нового Заветов, неожиданная развязка сюжета делают эту пьесу интересной для широкого круга читателей, равнодушных к судьбам российской словесности.

**Боршевский А. П. Мировая юстиция Бессарабии
(к. 60-х – 70-е гг. XIX в.). Кишинев, 2008.**

В книге автор представил причины возникновения мировых судебных учреждений, акцентируя внимание на существующих объективных и субъективных факторах возникновения мировой юстиции, указывая, что мировая юстиция Бессарабии, хоть и основывалась на принципах Судебных уставов 1864 г., имела свои отличительные черты по сравнению с аналогичными учреждениями Российской империи. В то же время мировые суды Бессарабии рассматривали мелкие гражданские и уголовные дела. Их деятельность основывалась на российском законодательстве, однако в ходе исследования выявлено, что в Бессарабии мировые суды (в отличие от мировых судов России) при рассмотрении гражданских дел использовали не только российское законодательство, но и местные законы (за исключением Аккерманского и Измаильского уездов), причем последние имели приоритет перед имперским законодательством, а в

южной Бессарабии мировые суды в гражданском процессе с 1879 г. применяли румынские законы. Анализ текстов Судебных уставов, изучение научных и практических комментариев к ним дали возможность выделить стадии суммарного процесса в обеих формах судопроизводства и дать им в работе подробную характеристику, а статистические данные позволили выявить, что мировые суды в Бессарабии рассматривали в основном гражданские дела (80% всех дел).

Копанский Я. М. Еврейское национальное движение в Бессарабии в межвоенный период (1918–1940 гг.).

Кишинев, 2008.

Книга, построенная на обширном документальном материале, рисует широкий спектр еврейского национального движения в Бессарабии в период между двумя мировыми войнами. Работа освещает бурную политическую жизнь, социальную и культурную активность еврейской общины края и позволяет обогатить новыми красками историю Молдовы в XX веке. В книге показано, что в Бессарабии еврейская жизнь просто кипит. Сионистская организация делится на многочисленные фракции, которые борются за народные умонастроения. Создаются молодежное подразделение «Маккаби», студенческие сионистские кружки, женская сионистская организация; работают отделения всемирных фондов «Керен Каемет», «Керен ха-Исод», просветительское общество «Тарбут»; выпускаются разнообразные еврейские газеты; лидеры мирового сионистского движения, такие как Менахем Усышкин, Нахум Соколов, Хаим Вейцман, посещают Бессарабию, читают лекции, ведут пропаганду. Евреи Бессарабии собирают деньги для покупки земли в Палестине, подписывают письма протеста против отступления правительства Великобритании от декларации Бальфура, участвуют в экономическом бойкоте немецких товаров в знак протеста против антиеврейской политики нацистского правительства. Они – часть мирового еврейства. Книга рассчитана на историков, специалистов по межэтническим отношениям, а также на широкий круг читателей.

сарабию, читают лекции, ведут пропаганду. Евреи Бессарабии собирают деньги для покупки земли в Палестине, подписывают письма протеста против отступления правительства Великобритании от декларации Бальфура, участвуют в экономическом бойкоте немецких товаров в знак протеста против антиеврейской политики нацистского правительства. Они – часть мирового еврейства. Книга рассчитана на историков, специалистов по межэтническим отношениям, а также на широкий круг читателей.

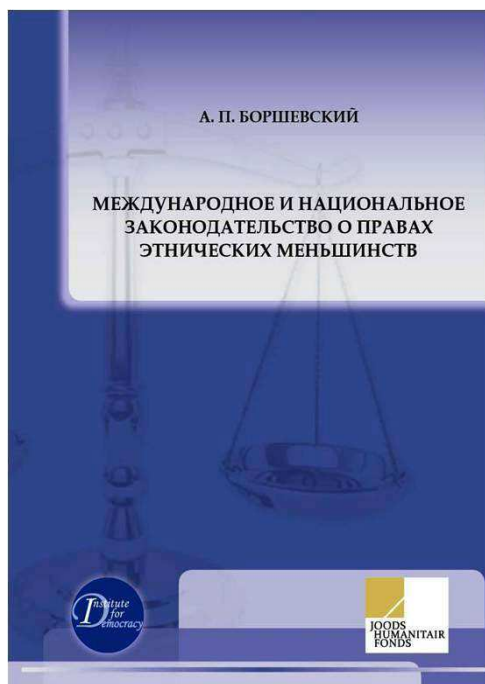

Копанский Я. М. Исторические портреты: Видные деятели еврейского движения в Бессарабии и Молдавии XX века. Кишинев–Тель-Авив, 2010.

В сборник включены статьи крупного историка, профессора Якова Михайловича Копанского (1930–2006), объединенные общим жанром исторического портрета на фоне эпохи, опубликованные в разных изданиях: в научных журналах, в сборниках конференций, в прессе – теперь, собранные под одной обложкой, они составляют гармоническое единство. Его героями стали известные еврейские деятели XX в., жизнь которых прямо или косвенно была связана с историей региона Бессарабии различных периодов.

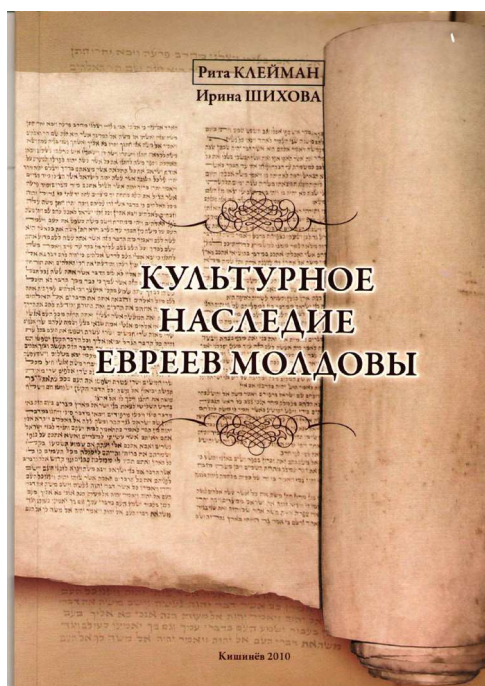
Статьи, включенные в предлагаемый сборник, были предназначены как для научных, так и для газетных публикаций. Этим и определяется различие в их стилях и жанрах, а также в их справочном аппарате.

Материалы сборника предназначаются как для исследователей, так и для широкой общественности.

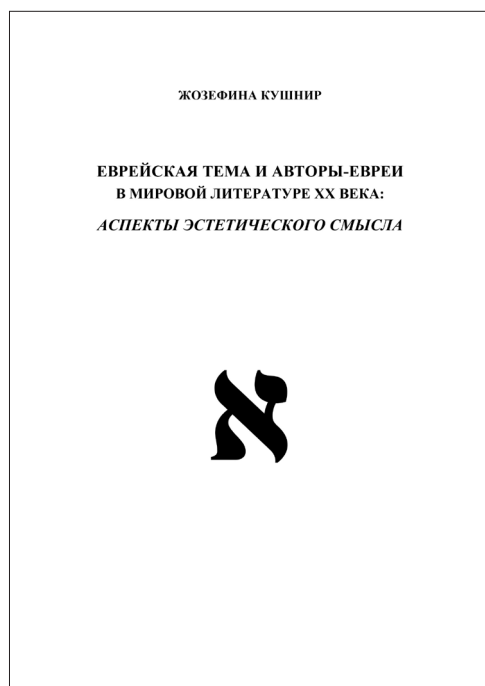
Боршевский А. П. Международное и национальное законодательство о правах этнических меньшинств. Кишинев, 2010.

Монография содержит юридическую характеристику прав национальных меньшинств, методы их защиты, а также основные международные и республиканские акты, регламентирующие права национальных меньшинств. В работе указано, что во многих государствах, в том числе и в Молдове, наряду с государственнообразующими нациями проживают национальные меньшинства, то есть представители других этносов, не принадлежащие к коренной национальности и осознающие себя национальной общностью. Национальные меньшинства этих государств исторически являются неотъемлемой частью общества и обогащают его своим трудом и самобытной культурой. Автор отмечает, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью и основой демократии. Поэтому одним из важнейших показателей демократичности государства является законодательное закрепление прав национальных меньшинств, ратификация Парламентом основных международных актов в этой сфере. Это особенно актуально для Молдовы, где проживают представители различных этносов.

Клейман Р. Я., Шихова И. Э. Культурное наследие евреев Молдовы. Кишинев, 2010.

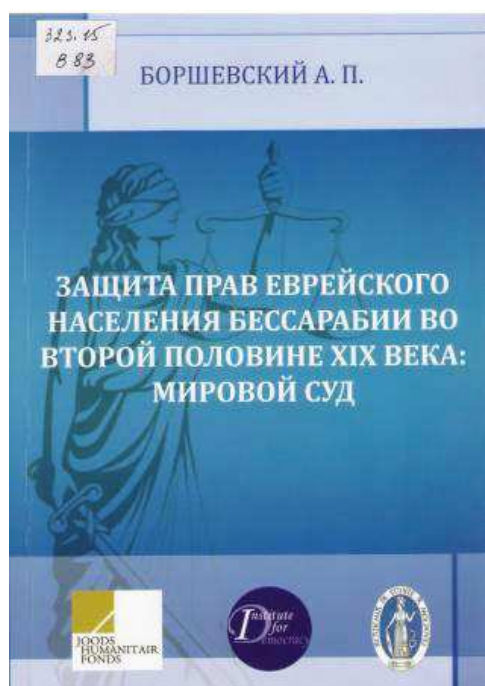
Монография представляет собой первую попытку осветить с научной точки зрения еврейское наследие Молдовы в разных аспектах. Монография фактически состоит из двух разделов. Открывается книга кратким очерком еврейской истории Молдовы. Первый раздел дает представление о еврейских языках и их региональных особенностях, о еврейском календаре, феномене еврейского местечка и т. д. Второй раздел содержит литературоведческие эссе о творчестве выдающихся еврейских уроженцев Молдовы: Михаила Гершензона, Довида Кнута, Ихила Шрайбмана и др. Книга ориентирована на читателя, интересующегося полиэтничной историей края и в то же время мало знакомого с еврейской традицией и культурой как в целом, так и с ее молдавской составляющей, ее региональными особенностями.

Кушнир Ж. И. Еврейская тема и авторы-евреи в мировой литературе XX века: аспекты эстетического смысла. Кишинев, 2010.

Автор монографии применяет разрабатываемую им оригинальную концепцию эстетического смысла для исследования ряда литературных текстов XX в., написанных литераторами-евреями либо писателями, разрабатывающими еврейскую тему. Книга посвящена светлой памяти Риты Клейман, выдающегося ученого-гуманитария. Концепция эстетического смысла, базирующаяся на комплексе достижений современной филологической и общегуманитарной мысли, основана на идее, что суть искусства – это выявление эстетического смысла, то есть частицы смысла как такового, с которым человек вступает в контакт при создании или восприятии произведения искусства. Выявление (проявление) эстетического смысла и есть мимезис; а его гармонизирующее, преобразующее воздействие – катарсис. Три главы монографии посвящены исследованию текстов авторов-неевреев, активно разрабатывающих еврейскую тематику; шесть – исследованию произведений авторов-евреев. В последней из глав осуществлена экспериментальная проверка «эффекта голограммы».

В последней из глав осуществлена экспериментальная проверка «эффекта голограммы».

Боршевский А. П. Защита прав еврейского населения Бессарабии во второй половине XIX века: мировой суд. Кишинев, 2011.

В монографии исследуется мировой суд в Бессарабии, его создание, деятельность и полномочия. В работе доказывается, что данный институт активно использовался евреями Бессарабии для защиты своих прав, анализируются причины этого явления. Автор указывает, что одним из немногих институтов, внедренных имперской властью в период правления Александра II и служащих в том числе и для защиты прав еврейского населения, являлся мировой суд, учрежденный в Бессарабии в 1869 г. В работе отмечено, что в силу специфики региона именно евреи Бессарабии более других жителей обращались в мировой суд для защиты своих нарушенных прав при рассмотрении гражданских дел: как отмечалось в прессе того периода, «истцами по гражданским делам в мировых судах являлись большей частью евреи, а ответчиками – лица других национальностей». Количество апелляционных и кассационных жалоб на решения мировых судей Бессарабии в 70-е гг. XIX в. составляло менее 11%; это свидетельствует о том, что большинство решений суда удовлетворяли как истца, так и ответчика, что характеризует мировой суд как справедливый. Таким образом, мировой суд служил надежным гарантом защиты прав еврейского населения Бессарабии.

Права этнических меньшинств.
Сост. А. П. Боршевский. Кишинев, 2011.

В книге анализируется международное и национальное законодательство о правах этнических меньшинств, описаны юридические методы защиты данных прав. Обеспечение и соблюдение прав этнических меньшинств является одной из основ гражданского согласия в обществе. Это особенно актуально для Республики Молдова в силу ее многонационального состава. Правовая защита национальных меньшинств – одна из наиболее актуальных проблем, стоящих перед мировым сообществом, от решения которой во многом зависит политическое положение страны. Автор монографии указывает, что важное значение для эффективной защиты прав национальных меньшинств имеет уровень толерантности в стране. Отмечено, что формирование цивилизованного гражданского общества в РМ возможно лишь при усвоении фундаментальных демократических ценностей. Одной из таких ценностей является толерантность. Проблема межэтни-

ческого взаимодействия является важной составляющей становления демократического общества. Как проявление уважения к представителям различных этносов, религий и культур, толерантность является непременным условием выживания и развития современной цивилизации. Подлинно демократическое общество должно не только уважать этническую, культурную, языковую и религиозную самобытность любого лица, принадлежащего к национальному меньшинству, но и создавать соответствующие условия, позволяющие выражать, сохранять и развивать эту самобытность. В работе отмечено, что в современном обществе права национальных меньшинств регулируются международным и национальным законодательством.

Кушнир Ж. И. К 110-летию кишиневского погрома:
Памятные даты. Кишинев, 2013.

Книга представляет собой опыт катарсического осмысления кишиневского погрома 1903 г., в частности – идентификацию исходной межэтнической и межконфессиональной ситуации в Кишиневе как «бессарабской идилии». Исследование во многом базируется на фактах, введенных в научный оборот такими выдающимися отечественными исследователями погрома, как Я. Копанский, К. Жигня и др. Важное место среди источников занимают книга «В скорбные дни. О погроме 1903 года» доктора М. Слуцкого – очевидца и «диагноста» погрома, и тексты князя С. Урусова, особенно его «крылатое слово» в Государственной думе. Для адекватного осмысления идеологических истоков погрома выявлен и рассмотрен концепт «проклятый народ». Этот концепт был с корыстной целью создан в конце I века н. э., причем породил и антисемитизм, и многие другие преступления против человечества, сегодняшние в том числе.

Raport privind conferințele organizate de Grupul „Etnologia Evreilor” și expedițiile de teren

Conferința științifică națională
„20 de ani de cercetări asupra evreilor în Republica Moldova” (2012)

**Institutul Patrimoniului Cultural
al Academiei de Științe a Moldovei
Centrul Cultural Evreiesc „KEDEM”**

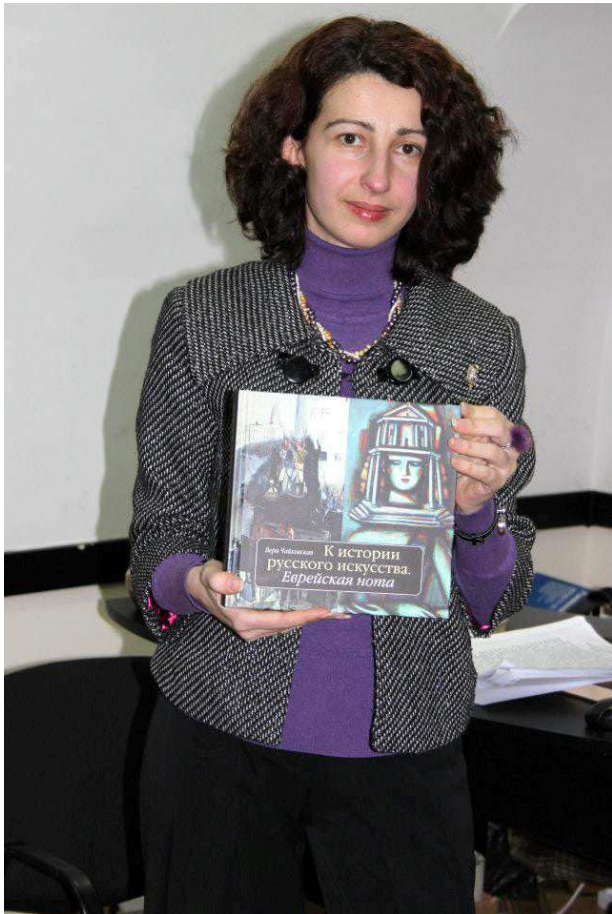
**CONFERINȚA ȘTIINȚIFICĂ
NAȚIONALĂ**

**20 DE ANI DE CERCETĂRI ASUPRA EVREILOR
ÎN REPUBLICA MOLDOVA**

PROGRAM

**Chișinău,
27-28 martie 2012**

ACADEMIA DE ȘTIINȚE A MOLDOVEI
INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL CULTURAL EVREIESC KEDEM
MUZEUL PATRIMONIULUI EVREIESC
DIN MOLDOVA
CU SPRIJINUL AJJDC și PINCUS FUND

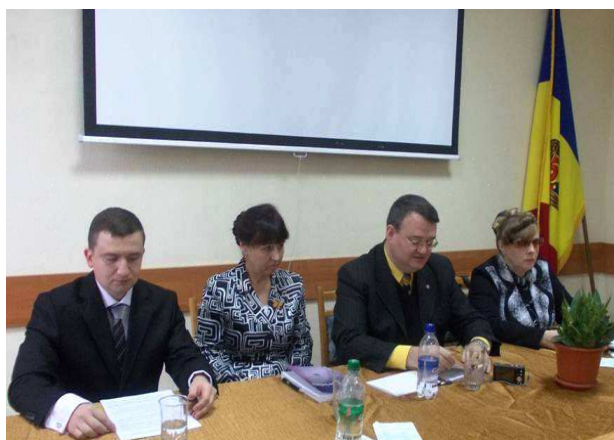
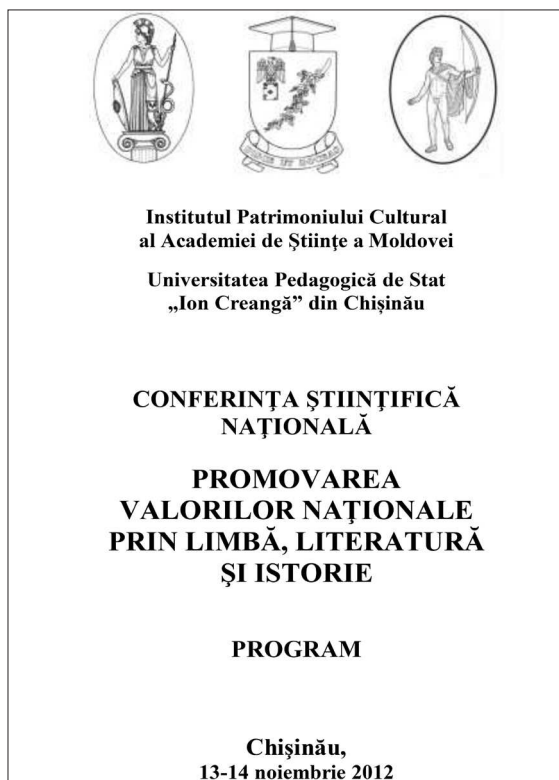

Destinele culturii europene
Simpozion
In memoriam Rita KLEIMAN
(1947 – 2008)

INVITAȚIE – PROGRAM

Chișinău, 11 octombrie 2012

**Simpozionul științific internațional
„Impactul pogromului din Chișinău de la 1903 asupra conștiinței sociale
din Basarabia și din lume” (Chișinău, 11 aprilie 2013)**

Simpozionul științific internațional a reunit 80 participanți din Republica Moldova, Israel, SUA, Federația Rusă, printre care: studenți, cercetători științifici, lectori universitari, profesori, reprezentanți ai organizațiilor non-guvernamentale. Participanții la seminar au reprezentat următoarele instituții/organizații: Institutul Patrimoniului Cultural al Academiei de Științe a Moldovei, Parlamentul Republicii Moldova, Ambasada și Consulat al Statului Israel în Republica Moldova, Centrul Cultural din Israel acreditat în cadrul Consulatului Statului Israel în Republica Moldova, Centrul Cultural Evreiesc „KEDEM”, Muzeul Patrimoniului Evreiesc din Moldova, Comunitatea evreiască din Republica Moldova, Comitetul American Evreiesc «Joint» în Moldova, Biblioteca evreiască „Ițik Mangher” din Chișinău, Liceul Tehnologic ORT „B. Z. Herțli”.

Participanții la simpozion au analizat influența pogromului din Chișinău de la 1903 asupra conștiinței sociale a evreilor din Basarabia și din lume (mentalitatea, ideile repatrieri (sioniste), literatura, ideea națională etc.), recomandând continuarea cercetărilor iudaice umanistice inovative, în domeniile:

- Sionismul după pogromul din Chișinău până la crearea Statului Israel.
- Idei privind soluționarea teritorială a „problemei evreiești” după pogromul de la Chișinău.
- Pogromului din Chișinău de la 1903 în literatura evreiască și rusă.
- Pogromul evreilor din Chișinău: instigarea societății drept metodă de conducere.
- Pogromul din Chișinău în mentalitatea evreiască.

ACADEMIA DE ȘTIINȚE A MOLDOVEI
INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL

CONFERINȚA ȘTIINȚIFICĂ NAȚIONALĂ

**100 DE ANI DE LA NAȘTEREA DISTINSULUI SCRITOR
IHL ȘRAIBMAN (1913–2005):
IDIȘ, ȘTETL, IDIȘKAIT**

INVITAȚIE – PROGRAM

Chișinău, 28 noiembrie 2013

**Expedițiile științifice întreprinse în anul 2013 în orașele Chișinău, Bălți, Soroca, Tiraspol, în cadrul proiectului Muzeul Virtual de iudaică din Moldova „Pe urmele istoriei”, desfășurate sub auspiciile Comunității evreiești din Moldova.
La realizarea proiectului au contribuit dr. Victor Damian și dr. Irina Șihova**

**Documente și materiale cu privire la cultura evreilor din orașul Chișinău
Material foto realizat de dr. Damian Victor și dr. Irina Șihova
(Colecție personală)**

Piese de cult iudaic din colecția Muzeului Național de Istorie a Moldovei.
Secvențe de la expoziție (foto 2014, L. Condraticova)

Clădirea fostei sinagogi cu azil, str. Rabbi Țirilson, nr. 8-10 (foto 2014, L. Condraticova)

Documente și materiale cu privire la cultura evreilor din orașul Bălți

Cimitirul evreiesc

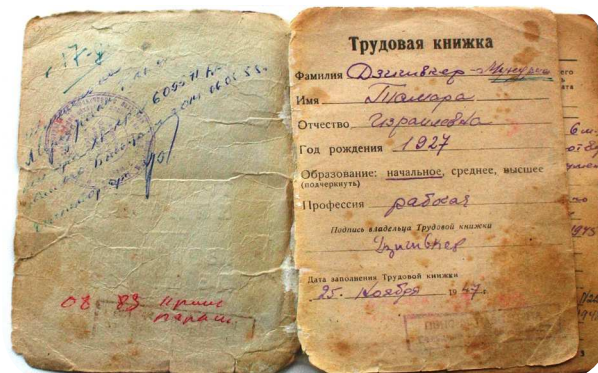
Material foto realizat de dr. Victor Damian și Aliona Grosu

Piese de patrimoniu din Muzeul Centrului Evreiesc de Binefacere „HĂȘĂD IACOV” din orașului Bălți
Material foto realizat de Alexandru Pinicov

МААНЕ ЛАШОН
(молитвы за усопших)

Arhiva familiei T. Mundrian (Dzighivcher)

Documente și materiale cu privire la cultura evreilor din orașul Soroca Sinagoga din orașul Soroca: vederi din interior

Material foto realizat de Alexandru Pinicov

Piese ale cultului iudaic din Sinagoga din or. Soroca
Material foto realizat de Alexandru Pinicov

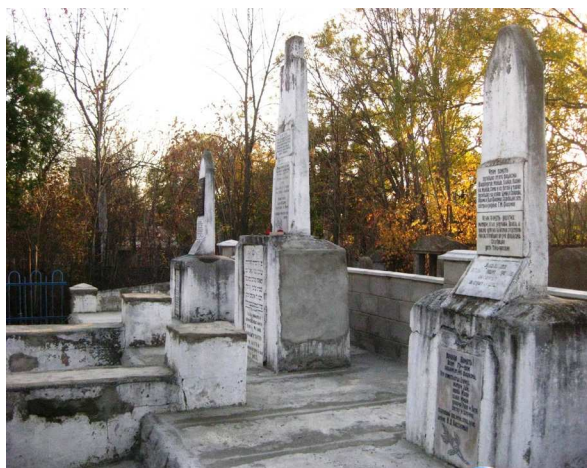
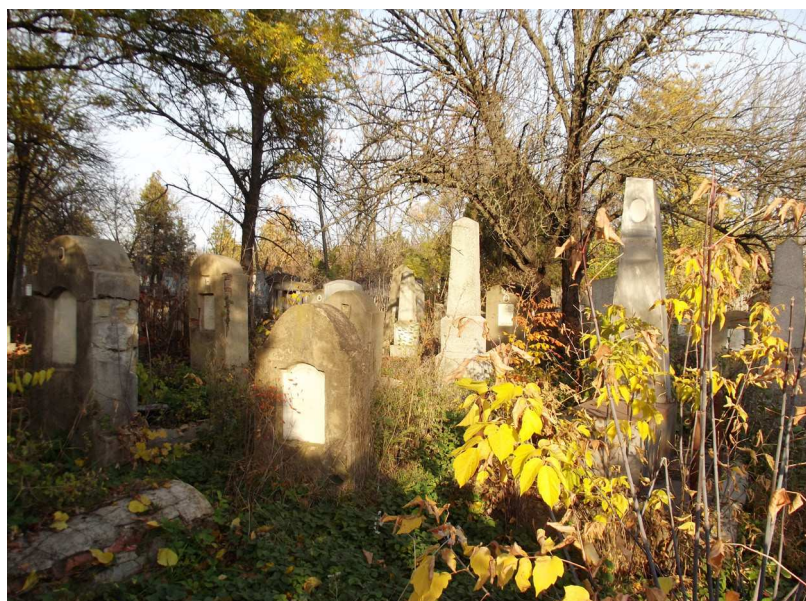
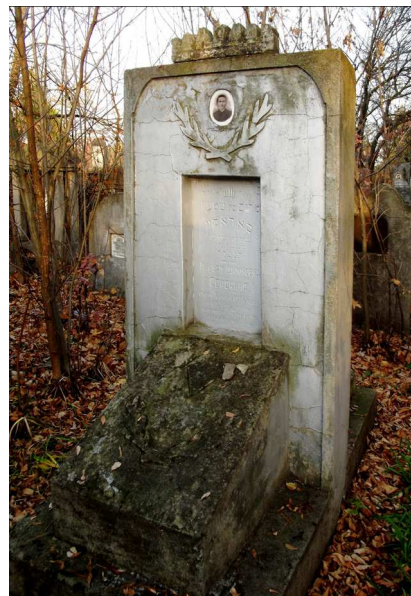
Cimitirul evreiesc din orașul Soroca

Documente și materiale cu privire la cultura evreilor din orașul Tiraspol
Material foto realizat de dr. Victor Damian și Ana Gorbaciova

Cimitirul evreiesc din oraşul Tiraspol

DATE DESPRE AUTORI

Abacumova-Zabunova N. Doctor în istorie, cercetător științific superior, Centrul de Etnologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM

Alenin I. Doctor în filologie, Universitatea Americano-Rusă (Moscova, Rusia)

Bacalov S. Doctor în istorie, cercetător științific superior, Institutul de Istorie al AȘM

Bejan-Volc Iu. Doctor habilitat în sociologie, cercetător științific principal, Centrul de Etnologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM

Bric E. Doctor în economie, cercetător științific, Centrul de Etnologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM. davideugeen@mail.ru

Cara N. Doctor în filologie, cercetător științific superior, Centrul de Etnologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM. knadejda50@yandex.ru

Cegodaeva M. Membru-corespondent. Academia de Arte din Rusia (Moscova, Rusia)

Chiselită V. Doctor în studiul artelor, cercetător științific coordonator, Centrul Studiul Artelor, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM. chisvas@yahoo.com

Condriticova L. Doctor în studiul artelor, conferențiar, cercetător științific coordonator, Centrul Studiul Artelor, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM. liliana.condriticova@mail.ru

Cușnir J. Doctor în filologie, cercetător științific, Centrul de Etnologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM. mariwail@mail.ru

Damian V. Doctor în istorie, cercetător științific superior, Centrul de Etnologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM, viktormd-ru@mail.ru

Emilciuc A. Doctor în istorie, cercetător științific superior, Institutul de Istorie al AȘM

Gagauz D. Muzicolog, Om emerit al Gagauz Eri, Republica Moldova

Grădinaru N. Cercetător științific, Centrul de Etnologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM. gradinarunatalia23@gmail.com

Lisnic A. Doctor în istorie, conferențiar, Universitatea Pedagogică de Stat „Ion Creangă”. alisnic2009@gmail.com

Moscaliuc A. Doctor în studiul artelor, Universitatea din Haifa (Israel)

Musteață E. Șef al catedrei „Design vestimentar”, Facultatea Industrie Ușoară, Universitatea Tehnică a Moldovei

Nesterov T. Doctor în studiul artelor, conferențiar, cercetător științific coordonator, Centrul Studiul Artelor, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM. neste2003@list.ru

Sîrf V. Doctor în filologie, cercetător științific superior, Centrul de Etnologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM. sirf_vitali@rambler.ru

Stepanov V. Doctor habilitat în istorie, profesor, cercetător științific principal, Centrul de Etnologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM. stepansky@mail.ru

Șeveliov D. Doctor în istorie, cercetător științific superior, Institutul de Istorie, Academia Națională din Belarus (Minsk). shavaliou@yahoo.com

Șihova I. Doctor în filologie, cercetător științific superior, Centrul de Etnologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM. shihova@gmail.com

Șișcan C. Doctor în studiul artelor, conferențiar, cercetător științific superior, Centrul de Etnologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абакумова-Забунова Н. Доктор истории, старший научный сотрудник, Центр этнологии, Институт культурного наследия АНМ

Аленин И. Доктор филологии, Американско-русский университет (Москва, Россия)

Бакалов С. Доктор истории, старший научный сотрудник, Институт истории АНМ

Бежан-Волк Ю. Доктор хабилитат социологии, главный научный сотрудник, Центр этнологии, Институт культурного наследия АНМ

Брик Е. Доктор экономики, научный сотрудник, Центр этнологии, Институт культурного наследия АНМ. davideugeen@mail.ru

Гагауз Д. Музыковед, заслуженный деятель культуры Гагауз Ери, Республика Молдова

Грэдинару Н. Научный сотрудник, Центр этнологии, Институт культурного наследия АНМ. gradinarunatalia23@gmail.com

Дамьян В. Доктор истории, старший научный сотрудник, Центр этнологии, Институт культурного наследия АНМ. viktormd-ru@mail.ru

Емильчук А. Доктор истории, старший научный сотрудник, Институт истории АНМ

Кара Н. Доктор филологии, старший научный сотрудник, Центр этнологии, Институт культурного наследия АНМ. knadejda50@yandex.ru

Киселицэ В. Доктор искусствоведения, старший научный сотрудник, Центр искусствоведения, Институт культурного наследия АНМ. chisvas@yahoo.com

Кондратикова Л. Доктор искусствоведения, конференциар, ведущий научный сотрудник, Центр искусствоведения, Институт культурного наследия АНМ. liliana.condraticova@mail.ru

Кушнир Ж. Доктор филологии, научный сотрудник, Центр этнологии, Институт культурного наследия АНМ. mariwail@mail.ru

Лисник А. Доктор истории, конференциар, Государственный педагогический университет им. И. Крянгэ. alisnic2009@gmail.com

Москалюк А. Доктор искусствоведения, Хайфский университет (Израиль)

Мустьяцэ Е. Зав. кафедрой «Дизайн одежды», факультет легкой промышленности, Технический университет Молдовы

Нестерова Т. Доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник, Центр искусствоведения, Институт культурного наследия АНМ. neste2003@list.ru

Степанов В. Доктор хабилитат истории, профессор, главный научный сотрудник, Центр этнологии, Институт культурного наследия АНМ. stepansky@mail.ru

Сырф В. Доктор филологии, старший научный сотрудник, Центр этнологии, Институт культурного наследия АНМ. sirf_vitali@rambler.ru

Чегодаева М. Член-корреспондент Российской академии художеств (Москва)

Шевелев Д. Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории, Национальная академия наук Беларуси (Минск). shavaliou@yahoo.com

Шихова И. Доктор филологии, старший научный сотрудник, Центр этнологии, Институт культурного наследия АНМ. shihova@gmail.com

Шишкан К. Доктор искусствоведения, старший научный сотрудник, Центр этнологии, Институт культурного наследия АНМ

DATE DESPRE COLEGIUL DE REDACȚIE

Procop S. Redactor principal. Doctor în filologie, conferențiar, director al Centrului de Etnologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM. svetlana-procop@mail.ru

Zaicovschi T. Redactor responsabil. Doctor în filologie, conferențiar, cercetător științific coordonator, Centrul de Etnologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM. tanzai57@mail.ru

Damian V. Secretar responsabil. Doctor în istorie, cercetător științific superior, Centrul de Etnologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM. viktormd-ru@mail.ru

Cara N. Doctor în filologie, cercetător științific superior, Centrul de Etnologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM. knadejda50@yandex.ru

Covalov A. Cercetător științific, Centrul de Etnologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM. kavalov@mail.ru

Dergaciov V. Doctor habilitat în istorie, conferențiar, cercetător științific principal, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM. dergaciov@mdl.net

Derlicki J. Doctor în etnologie, cercetător științific, Departamentul de Etnologie, Institutul de Arheologie și Etnologie, Academia de Științe din Polonia (Varșovia). derlicki@iaepan.edu.pl

Duminica I. Doctor în politologie, cercetător științific superior, Centrul de Etnologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM. johny_sunday@yahoo.com

Dușacova N. Doctor în istorie, cercetător științific, Centrul de Etnologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM. dushakova@list.ru

Ghinoiu I. Doctor în geografie, cercetător științific principal, gradul I, secretar științific, Institutul de Etnografie și Folclor „C. Brăiloiu”, Academia Română (București). ionghinoiu@yahoo.com

Grădinaru N. Cercetător științific, Centrul de Etnologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM. gradinarunatalia23@gmail.com

Guboglo M. Doctor habilitat în istorie, profesor, vice-director, Institutul de Etnologie și Antropologie „N. Mikluho-Maklai”, Academia de Științe din Rusia (Moscova). guboglo@yandex.ru

Nicoglo D. Doctor în istorie, cercetător științific superior, Centrul de Etnologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM. nikoglo2004@mail.ru

Skripnik A. Academician al Academiei de Științe Naționale din Ucraina. Director al Institutului Studiul Artelor, Folcloristică și Etnologie „M. Rîlski” a AȘNU (Kiev). etnolog@etnolog.org.ua

Stepanov V. Doctor habilitat în istorie, profesor, cercetător științific principal, Centrul de Etnologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM. stepansky@mail.ru

Șabașov A. Doctor în istorie, profesor, catedra de Arheologie și Etnologie, Universitatea Națională „I. Mecinikov” din Odesa (Ucraina). shabashaga@ukr.net

Șofransky Z. Doctor habilitat în istorie, conferențiar, cercetător științific coordonator, Centrul de Etnologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM. zina.sofransky@gmail.com

Știrbu A. Cercetător științific, Centrul de Etnologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM. stirbualina22@gmail.com

СВЕДЕНИЯ О РЕДКОЛЛЕГИИ

Прокоп С. Главный редактор. Доктор филологии, конференциар, директор Центра этнологии Института культурного наследия АНМ. svetlanaprosor@mail.ru

Зайковская Т. Ответственный редактор. Доктор филологии, конференциар, ведущий научный сотрудник, Центр этнологии, Институт культурного наследия АНМ. tanzai57@mail.ru

Дамьян В. Ответственный секретарь. Доктор истории, старший научный сотрудник, Центр этнологии, Институт культурного наследия АНМ. viktormd-ru@mail.ru

Гиною И. Доктор географии, главный научный сотрудник, ученый секретарь Института этнографии и фольклора им. К. Брэилоу Румынской Академии наук (Бухарест). ionghinoiu@yahoo.com

Грэдинару Н. Научный сотрудник, Центр этнологии, Институт культурного наследия АНМ. gradinarunatalia23@gmail.com

Губогло М. Доктор исторических наук, профессор, зам. директора Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва). guboglo@yandex.ru

Дергачев В. Доктор хабилитат истории, конференциар, главный научный сотрудник, Центр археологии, Институт культурного наследия АНМ. dergaciov@mdl.net

Дерлицки Я. Доктор этнологии, научный сотрудник, Департамент этнологии, Институт археологии и этнологии АН Польши (Варшава). derlicki@iaepan.edu.pl

Думиника И. Доктор политологии, старший научный сотрудник, Центр этнологии, Институт культурного наследия АНМ. johny_sunday@yahoo.com

Душак ова Н. Доктор истории, научный сотрудник, Центр этнологии, Институт культурного наследия АНМ. dushakova@list.ru

Кара Н. Доктор филологии, старший научный сотрудник, Центр этнологии, Институт культурного наследия АНМ. knadejda50@yandex.ru

Ковалов А. Научный сотрудник, Центр этнологии, Институт культурного наследия АНМ. kavalov@mail.ru

Никогло Д. Доктор истории, старший научный сотрудник, Центр этнологии, Институт культурного наследия АНМ. nikoglo2004@mail.ru

Скрипник А. Академик Национальной Академии наук Украины, директор Института искусствования, фольклористики и этнологии им. М. Рыльского НАН Украины (Киев). etnolog@etnolog.org.ua

Степанов В. Доктор хабилитат истории, профессор, главный научный сотрудник, Центр этнологии, Институт культурного наследия АНМ. stepansky@mail.ru

Шабашов А. Кандидат исторических наук, профессор кафедры археологии и этнологии Одесского Национального университета им. И. И. Мечникова (Украина). shabashaga@ukr.net

Шофрански З. Доктор хабилитат истории, конференциар, ведущий научный сотрудник, Центр этнологии, Институт культурного наследия АНМ. zina.sofransky@gmail.com

Штирбу А. Научный сотрудник, Центр этнологии, Институт культурного наследия АНМ. stirbualina22@gmail.com

